

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. *Люди и казусы.*

МИКРОИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ДОКУМЕНТАМ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Еще раз о микроистории. — Казусный подход. — Проблема «плотного описания» или в погоне за «полнотой жизни». — Казус сержанта Филона как «нормальное исключение». — Охота за «странностями».

Во второй главе мы попытались реконструировать социальную реальность, руководствуясь объективными, «вещными» критериями; распределение материальных признаков давало основание для выделения неких социальных групп и для соотнесения их друг с другом. В третьей главе, убедившись в необходимости интериоризации исторического объяснения, мы поставили задачу встать на позиции людей XVI в. и взглянуть на мир их глазами. Для этого был предпринят анализ практики, определенного образа действий людей, с целью выявления стереотипов массового сознания и социально обусловленных особенностей нотариального поведения. При этом в обоих случаях наш рассказ то и дело грозил сбиться на переложение отдельных казусов. Любопытно, что вполне объяснимое желание подобрать какую-нибудь иллюстрацию, сопровождалось странным явлением: хотелось найти наиболее типичный и потому убедительный, яркий пример. Но при ближайшем рассмотрении оказывалось, что этот пример хотя и убедителен, но не вполне типичен, а зачастую и совсем нетипичен. В чем же притягательность этих казусов? Они не только облегчают положение автора при изложении материала в доступной для читателя форме (или, как сейчас принято говорить, «конструировании исторического нарратива»), но и позволяют осветить обычно сокрытые стороны реальности. На этом свойстве основан столь важный для микроистории тезис об «исключительном нормальном». Казус как исключительный случай приводит к напряжению существующих норм и правил, проявляя невидимые в обычной жизни границы между возможным и невозможным. Эпистемологи закодировали эту мысль следующим образом: «Проверка действенности модели состоит не в верификации статистического порядка, а в проведении эксперимента в жестких условиях, когда одна или несколько переменных, составляющих модель, подвергаются исключительной деформации»¹. Но поскольку в первых двух главах речь все же шла об

---

¹ Ревель Ж. Микроанализ и конструирование социального // Современные методы преподавания новейшей истории. М, 1996. С. 253-254.

обобщении и попытках выделения типологических рядов, то подобные казусы, хотя, как смею надеяться, и украшали повествование, но, строго говоря, являлись «информационным шумом», помехой при генерализации. В данной же главе мы сосредоточимся именно на таких казусах.

Нетрудно догадаться, что на сей раз мы будем двигаться в русле микроистории. Вспомним те аргументы, при помощи которых микроисторики бросают вызов представителям не только социально-структурной истории, но и исторической антропологии. В том и в другом случае речь идет об упреках в трактовке человека как «автомата», объекта игры надличностных сил. И не суть важно, о диктатуре каких именно универсалий идет речь: и способ производства, и классовые структуры, и менталитет в равной степени игнорируют внутренний мир уникальной человеческой личности, обладающей свободой воли. В какой-то мере эти упреки мы можем адресовать и тем подходам, которые представлены в предыдущих главах нашей работы. Так, если, как уже указывалось, во второй главе мы констатировали недостаток внимания к конкретному человеку, к его внутреннему миру и свободе его выбора, то в третьей главе мы также говорили о вещах, внешних по отношению к человеку: о стереотипах сознания, «ментальных структурах», обычаях нотариальной практики. Хотя, смею надеяться, и в этих главах нам удалось показать, сколь многое зависело от конкретного человека, наделенного особым стилем поведения, а также свободой выбора, пусть даже ограниченной. Как говорилось в историографическом очерке, подобные интенции происходят не только от неудовлетворенности «диктатурой» прежних, генерализирующих, методов, но обладают и известным конструктивным значением. Микроистория дает ту самую возможность «тотальной» истории, исторического синтеза, который оказался недостижимым идеалом для исследователей, замахивавшихся на крупные исторические полотна. На уровне истории одного человека, одной семьи, одной деревни вполне возможно преодоление того самого распада объекта исторического исследования на «человека экономического», «человека политического», «человека культурного», на которое сетовали историки XX века. Но «микроистория», «локальная история», «персональная история» — это не просто интерес к мелким и мельчайшим объектам исследования, но и стремление по-новому взглянуть на историю. Как отмечал Э. Гренди, объектом микроистории вполне может стать и история государства. Но не государства, реализующего некие исторические задачи, а государства, увиденного глазами

подданных с их чаяниями, надеждами и страхами, испытываемыми по отношению к власти². Можно до бесконечности спорить о том, возможна ли микроистория, возможен ли отказ от генерализации, но сегодня очевиден перенос интереса с заранее заданных, объективно существующих, обезличенных социальных структур на изучение индивидуального жизненного опыта, что характеризует исследования не только части историков, но также и социологов. Вспомним, что работы достаточно популярных в Европе социологов Э. Больтански и Л. Тевено рассматривают социальные группы сугубо ситуативно, как порождение индивидуального лингвистического опыта. Иными словами, микроисторический подход, казусы могут послужить основой для создания специфических описаний общества в целом.

Сколь бы притягательным ни представлялся казусный подход, в нашем случае он требует кардинального расширения источниковой базы. Микроисторический метод, если он претендует на нечто большее, чем на роль развлекательного чтения, должен опираться на «плотное описание», на максимально полное воссоздание исторического контекста. Именно поэтому этот метод и кажется столь привлекательным, и именно поэтому высказываются сомнения в его возможностях применительно к эпохам и обществам, от которых до нас дошло лишь небольшое число документов. Впрочем, об этом мы уже говорили в историографическом очерке. Здесь же мы попробуем подтвердить эти тезисы на конкретном примере. Оставаясь в рамках регистров Шатле, мы лишь в очень редких случаях можем добиться этого ощущения «полноты жизни». Для этого нужно несколько актов. Таков, например, случай Кристофа Криспена. Но данные, проливающие хоть какой-то свет на его дальнейшую судьбу, оказались в регистрах Шатле лишь по случайности.

В тех случаях, когда подобные «исключительные» акты удастся подвергнуть перекрестной проверке, это может привести к несколько неожиданным результатам. Пожалуй, наиболее интересным является казус Николя Филона, уже в достаточной мере освещенный в предыдущей главе. Повторим еще раз историю нашего знакомства с ним. Мы обнаружили акт, составленный землепашцем Жаном Ококом 23 марта 1552 г., адресованный королевскому сержанту юстиции из пригорода Нотр-Дам-де-Шан. Как выяснилось, этот документ при ближайшем рассмотрении по ряду показателей «выпадает» из

---

² *Grendi E. Micro-analisi e storia sociale // Quaderni storici. 1979. N 40. P. 181–190.*

общего ряда подобных дарений. Продолжив поиски, мы обнаружили другие акты, составленные на имя Филона.

В 1543 г. на его имя было составлено дарение некоей Катрин Ромпале, вдовы сеньора де Форж, проживающей ныне в Нотр-Дам-де-Шан «*в доме королевского сержанта юстиции Николя Филона*». Она передает ему права на ферму «*в награду за хорошее обхождение и любезность*». В следующем, 1544 г., сеньор де Сет-Фонтен адресовал дарения Николя Филону и его сыну, находясь при этом прикованным к одру болезни в некоем доме-«*темнице*»(Geole) расположенной в предместье Нотр Дам-де-Шан. Выяснилось, что больной сеньор до этого содержался в парижских тюрьмах, что он очень благодарен сержанту за помощь и уход и поэтому передает своему благодетелю право на ведение судебных процессов по поводу этого подаренного имущества. И, наконец, в 1547 г. вдова из предместья Сен-Жак по имени Жаклин Анго передает права на наследство своих родителей, а также право судиться против любой персоны Пьеру Филону, студенту университета, сыну Николя Филона, королевского сержанта в предместьях Сен-Жак и Нотр-Дам-де-Шан.

Из этих актов вырисовывается достаточно любопытный образ: чиновник средней руки берется содержать престарелых и больных людей, помогает им в их судебных тяжбах, умело используя при этом университетские привилегии своего сына. Возможно, мы имеем дело со случаем вертикальной социальной мобильности (судя по всему, сам сержант университетского образования не имел, а сыну старательно создает необходимую материальную базу для завершения образования), возможно, он просто формально приписал своего отпрыска к университету, чтобы, как говорили тогда, «*emprunter son nom*», воспользоваться судебной защитой хранителя королевских привилегий университета. Но на законный вопрос, продиктованный знанием пост-советских реалий: «а не был ли Николя Филон просто жуликом, использующим свое служебное положение?», мы ответим, скорее всего, отрицательно. Крестьяне отнюдь не склонны были верить свою старость посторонним людям, и землепашец Жан Окок, человек не самый бедный, наверняка был осведомлен о репутации сержанта, ведь они жили на расстоянии часа ходьбы друг от друга, причем не в самом «мегаполисе», а в его сельской округе.

Для заключения о социальном облике Николя Филона нам понадобилась как информация, собранная из всей серии его сохранившихся актов, так и информация, почерпнутая из исторического контекста; например, о

сравнительно скромном статусе сержанта из предместья мы можем сделать вывод на основании того, что зятем такого же сержанта из соседнего предместья Сен-Жермен-де-Пре был простой поденщик (*mainouvrier*)³. Немаловажную информацию содержали отысканные мной минуты — черновики зарегистрированных актов; они показывали, что ситуация была достаточно необычная даже в глазах многоопытного нотариуса Жана Крюсэ. И вместе с тем, как много в этом казусе содержится информации, проливающей новый свет на разные стороны бытования человека XVI в. Мы узнали много нового о самой практике составления нотариальных актов, об использовании домовых знаков, о социальных связях жителей предместья, о том, что в предместье Нотр-Дам-де-Шан, судя по всему, существовал свой «дом предварительного заключения», неизвестный в историко-краеведческой литературе⁴. Вспомним, наконец, что именно дарение Жана Окока послужило отправной точкой для этюда о пожилых людях, став своеобразным ядром выделяемого множества. Хотя, построив это множество, мы убедились в нестандартности этого казуса. Да, но для этого нужно было построить этот типологический ряд. Получается своего рода сказка про белого бычка или, как сказали бы французы, «*la boucle est bouclé*».

К сожалению, в случае с Николая Филоном мне, несмотря на интенсивные поиски, не удалось отыскать иных сведений о нем, кроме оригиналов нотариальных минут зарегистрированных актов. Если бы мы узнали что-нибудь еще о его биографии, то смогли бы ответить на многие вопросы: присуще ли другим его документам или поступкам некое стилистическое единство, угадывающееся в манере его поведения по отношению к лицам, нуждающимся в помощи; стоит ли за некоторой неординарностью его сохранившихся нотариальных актов личностная или ситуационная неординарность? Ответы на эти вопросы могли бы не только удовлетворить естественное любопытство (которое, как мне кажется, с неизбежностью должно возникнуть у каждого, кто начал знакомиться с судьбой Филона), но и позволили бы пролить свет на неясный пока для нас механизм действия «исключительного нормального» или «демонстрирующего исключения».

Для этого мной был задуман эксперимент. Набрав целый ряд подобных казусов, то есть актов, составленных «странными людьми», я попытался

---

³ МС. LXXIII. 17 (12.04.1552).

⁴ *Babelon J. P. Paris aux XVIe siècle. Paris, 1986.*

разыскать о них дополнительную информацию биографического характера. Если восстановить историю исследования, то следует сказать, что такая выборка была составлена еще на первой стадии, когда я работал лишь на основе публикаций. Тогда я написал заявку на получение стипендии в парижский Дом Наук о Человеке. И к моему удивлению, она была поддержана. Причем положительную рецензию написал Роже Шартье (за что я ему чрезвычайно признателен), исследователь, в ту пору как раз работавший над критическим анализом микроисторической традиции. Именно этой стипендии я обязан возможностью работы в парижских архивах.

Необходимо подчеркнуть некоторую нестандартность ситуации, неоднократно вызывавшей удивление у работников архива, наблюдавших за моим поиском. В подавляющем большинстве случаев к нотариальным актам обращаются с целью пополнить биографические данные о том или ином персонаже — художнике, политике, философе, либо при составлении генеалогий. Здесь же движение было направлено в обратную сторону: отталкиваясь от формальных критериев, в рутине нотариальной практики, я старался найти исходные точки для биографических изысканий с тем, чтобы попытаться затем составить представление о причинах «странности» этих актов и людей, скрывающихся за ними. Определенная чистота эксперимента обеспечивалась как случайностью выборки, так и тем, что я изначально почти ничего не знал о разыскиваемых мной людях.

При определении критериев для выборки я руководствовался следующими соображениями:

1. Акт должен был быть составлен непременно парижским нотариусом, так как в противном случае невозможно было бы определить природу «девиантности»: обязан ли акт ею странностям составителя или особенностям практики какого-нибудь провинциального присяжного письмоводителя. Излишне напоминать, что степень унификации провинциальных актов была на порядок ниже, чем в Париже; к тому же у меня не было даже надежды отыскать минуты провинциальных нотариусов;

2. «Странные» акты должны были быть включены в какие-нибудь типологические ряды для того, чтобы можно было мотивировать возникающие впечатления об их «странностях».

Казалось бы, поиск биографической информации не должен был представлять особых трудностей — раз есть биографические словари, а в

регистрах Шатле содержатся указания на то, в какой конторе был составлен данный акт. Но, как уже отмечалось, несмотря на огромное количество нотариальных минут, сохранялись архивы далеко не всех контор. А для самого Центрального хранилища нотариальных минут практически отсутствует информационно-поисковая система. Поэтому единственным способом работы оставалась лишь ручная переборка связок неудобочитаемых текстов. Не лучше обстоят дела и с регистрами суверенных судов, а каталог актов Генриха II к моменту моих изысканий был доведен лишь до 1550 г. Биографические справочники в основном имеют историко-литературный характер или же относятся лишь к аристократическим фамилиям. Понятно, что в ограниченные сроки моего пребывания в Париже речь могла идти скорее о выборочном зондаже в океане архивных фондов, а не о сколько-нибудь исчерпывающих исследованиях биографического характера. Поэтому в условиях почти что случайного поиска нормальным результатом было бы разыскание данных о трех-четырех персонах из моей выборки, насчитывающей два десятка человек. Но их «нашелся» целый десяток, что само по себе весьма значимо и заслуживает дополнительных размышлений.

Итак, данная глава будет посвящена знакомству с этими десятью «странными» парижанами. С одним из них, Николя Филоном, мы уже знакомы...

§ 1. Три старых профессора.

А. Забывчивый Жан Локуэ

Самодельный акт. — Пасха в июне и забытые 800 ливров. — Коллегия Монтегю: покинутая альма матер и судебные тяжбы теолога. — Каменщик, кровельщик и студенты. — Под опекой убогого. — Первое наблюдение: стиль акта и жизненный стиль

Начнем с только что рассмотренного нами ряда дарений по причине старости. В конце третьей главы упоминался случай с колоритным доктором теологии Жаном Локуэ. Напомню, что этот преподаватель (docteur regent) факультета теологии, проживающий в коллегии Монтегю, составил «самодельный» акт, без помощи нотариуса, где он писал: «*Видя своего племянника, Арнуля Вилана, магистра искусств Парижского университета,...* впавшим в великую немощь, коей является глухота, я питаю к нему великое сострадание и милосердие, и по этой причине я ему даровал во имя любви к Богу и за услуги, которые он мне ранее оказал,»... сумму в 800 турецких ливров, «*которую надлежит получить с моего наследного и благоприобретенного*

имущества» при условии «молить Бога или заказывать молитвы за меня... по мере его сил и возможностей».

Этот акт был датирован «17 июня 1551 г. по Пасхе». Легко представить, как веселился над подобной формой записи даты клерк Шатле, регистрировавший документ. Дело в том, что в то время во Франции год начинался с Пасхи, поэтому уточнение «до Пасхи» или «после Пасхи» употреблялось очень часто, но лишь применительно к марту и апрелю. Июнь же месяц в любом случае относился к 1551 г.: Пасха ни при каких обстоятельствах не могла случиться в июне. Уж теолог-то должен был это знать. Так мог написать только человек, либо ничего не смысливший в летоисчислении (что маловероятно), либо неопытный в делопроизводстве, либо рассеянный. Он часто слышал эту фразу, но не вдумывался, что она точно означала и когда должна употребляться. Тем не менее, эта его датировка была старательно вписана в регистр Шатле, точно так же воспроизведена и последняя фраза его самодельного акта: *«После приписаны следующие слова: я прошу принять во внимание мою личность, я не подписал хорошо — перо плохое, что видно по письму».*

Только через полгода, 17 января 1552 г., теолог отнес этот свой акт дарения нотариусу Жану Перрону, который, полностью переписав первоначальный самодельный текст, составил затем дарение по всей форме. Отчего же потребовалось в данном случае воспроизводить этот странный документ, а не заменить его сразу юридически грамотным, стандартным актом? Первоначальный текст оказался очень важным именно потому, что был составлен за полгода до посещения нотариальной конторы. Новая редакция вносит это важное уточнение: *«Жан Локуэ теперь отчетливо помнит, как ранее он подарил мэтру Арнулю Вилану право взыскать с недвижимости 800 ливров»* и подтверждает ныне это свое решение, *«невзирая на то, что в другом своем дарственном акте, ранее адресованном... принципалу коллегии бедных [школяров] указанной коллегии Монтэю, не было сделано о том никакого упоминания, ибо это произошло по недоразумению и забывчивости, так как указанный Локуэ уже стар и имеет короткую память»*⁵.

Все это в общих чертах было известно нам уже из предыдущей главы. Теперь же речь пойдет о дополнительной информации. Принявшись искать этого забывчивого доктора в регистрах факультета теологии, я обнаружил, что за всю

---

⁵ Оба этих акта «самодельный» и «нотариальный» были зарегистрированы в Шатле 29 января 1552. Y 97, f. 220v.

свою многолетнюю карьеру он был упомянут там всего три раза. И каждый раз только тогда, когда под решением факультета ставились подписи всех без исключения членов корпорации. Вместе со всеми он голосовал в 1543 г., когда факультет принимал знаменитую парижскую формулировку исповедания веры. Ранее, в 1533 г., он участвовал в принятии факультетского решения по вопросу о цензуровании «Зеркала грешной души» Маргариты Наваррской. И только в списке голосовавших в 1530 г. по проблеме оценки правомочности развода английского короля, Локуэ удостоился особой пометы: «*doctor-regens collegii Монтегю, ученик Бэды (doctor regens collegio Montis acuti, Bede Discipulis)*»⁶. Это упоминание было значимым. Коллегия Монтегю на тот момент принадлежала к числу наиболее авторитетных корпораций факультета теологии, уступая лишь самой Сорбонне и, быть может, Наваррской коллегии. Основанная в XV в., эта коллегия стала очагом распространения идей «Нового благочестия». Ее руководитель, Ян Стандонк, сочетал внимание к внутреннему миру, к внутренней религиозности будущих теологов со строжайшей дисциплиной и суровым аскетизмом. Последнее вызвало особое неудовольствие у юного Дезидерия из Роттердама, который живописал суровость коллегии Монтегю в своем известном диалоге «Ихтиофагия». Поэтому представления об этом учебном заведении сформировались у позднейших исследователей в достаточно карикатурном виде. Но в свое время Стандонк и его методы пользовались большим уважением в Париже и никак не могли считаться рутинными. Да и самому Эразму можно было бы проявить большую благодарность — ему, неимущему безродному голландцу, именно в Монтегю дали весьма приличное по тому времени образование, и даже если своей славе он был обязан исключительно природным дарованиям, то, несмотря на строгую дисциплину Монтегю, его интерес к наукам не был отбит розгами. Вспомним, что когда Гаргантюа за столом стал вычесывать из своей шевелюры пушечные ядра (его обстреляли солдаты противника), Грангузье прежде всего подумал,

---

⁶ *Farge J. K. Bibliographical Register of Paris doctors of theology 1500–1536. Toronto, 1990.* Дж. Фэрдж, кстати, полагает, что лишь в 1546 г. доктор Локуэ мог реально читать курс на факультете. См.: *Idem. Registre des procès-verbaux de la Faculté de Théologie de l'Université de Paris de janvier 1524 à novembre 1553. Paris, 1990.*

что его сын нахватался «ястребов Монтегю»⁷, то есть вшей. Трудно не увидеть в этой иронии и признание популярности коллегии.

После Стандонка славу коллегии Монтегю составил теолог Ноэль Бэда. Его авторитет перерос рамки коллегии, и он стал синдиком факультета теологии. Именно ему довелось первому принять вызов, брошенный Реформацией. По его инициативе факультет не только осуждал «ересь Лютера», но и указывал на опасные заблуждения в вере лиц, находящихся под покровительством августейших особ. Порой упорство синдика вызывало гнев Франциска I, в 1533 г. Бэда был по приказу короля даже выдворен из Парижа. Именно этот момент нашел отражение в первой книге Франсуа Рабле: когда Гаргантюа похитил колокола собора Нотр-Дам, парижане кинулись в Сорбонну, где в то время находился оракул Левкеции [Парижа], «но теперь его там нет...»⁸ — Рабле намекает на экстрадицию чрезмерно активного Ноэля Бэды.

Но вернемся к Жану Локуэ. В 1530 г. Франциск I по политическим мотивам был очень заинтересован в том, чтобы Парижский университет санкционировал развод Генриха VIII с Екатериной Арагонской. В этом случае Франция укрепила бы столь необходимый ей союз с Англией, а авторитет старейшего университета мог бы стать достаточным противовесом неуступчивости Римского папы. Но Ноэль Бэда упорно отказывался пойти навстречу государственным интересам, считая недостаточно каноничными аргументы в пользу расторжения брака. Авторитет синдика был очень велик, и провести решение, угодное королю, казалось весьма проблематичным. По всей видимости, именно поэтому и была сделана приписка к имени Жана Локуэ (*doctor regens collegio Montis Acuti, Bede Discipulis*). То, что он, доктор из коллегии Монтегю и ученик Ноэля Бэды, высказывался в пользу королевского решения, могло оказаться чрезвычайно значимым. Ведь бороться приходилось за каждый голос.

Это не помешало ему следующие двадцать лет своей жизни провести все в той же коллегии, где авторитет Ноэля Бэды был непререкаем. В нотариальных минутах содержится акт, подтверждающий вступление в силу завещания этого

---

⁷ Des esparviers de Montagu. См. *Rabelais F. Gargantua*. Chap. XXXVII / Publ. sur le texte définitif. Etabli et annoté par P. Michel. Paris, 1965. P. 295.

⁸ Ibid. Chap. XVII. P. 153. В последующих изданиях Рабле по цензурным соображениям заменил «Сорбонну» на «Нельскую башню», где с 1522 г помещалось бюро охраны университетских привилегий и заседал суд по университетским делам. В 40-х годах это ведомство вновь слили с Шатле (здание занял Бенвенуто Челлини для своих монументальных работ).

прославленного теолога⁹. Ноэль Бэда, бывший принципал коллегии Монтегю, оставил ренту в 90 ливров шести бедным школярам этой коллегии. Среди лиц, подписавших данный акт, упомянут и Жан Локуэ: *«также доктор-регент принципал так называемых богатых [школяров] данной коллегии»* (pareillement docteur regent en faculte de Theologie et principal sois disant les riches d'iceluy college). По-видимому, обитатели коллегии делились на «бедных», живших на полном обеспечении (как некогда жил там Эразм Роттердамский), и тех, кто существовал на свои средства *«так называемых богатых»*, причем обе общины обладали элементами самоуправления, избирали на определенный срок своих принципалов. Пример Ноэля Бэды был, по-видимому, значим для Локуэ, и он, как следует из акта 1552 г., также намеревался большую часть своего имущества оставить бедным школярам Монтегю, передав средства через *«принципала бедных»*. Впрочем, скорее, оба теолога следовали давней традиции Монтегю.

Конечно, «богатым» Локуэ можно было назвать лишь в масштабах коллегии, однако определенный доход с недвижимости он получал. Удалось отыскать один из его нотариальных актов. В 1540 г. он составил договор о сдаче за 20 ливров в год некоему подмастерью типографа части своего дома в предместье Сен-Марсель с *«участком сада вплоть до первой аллеи и живой изгороди, пересекающей маленький сад»*¹⁰. Возможно, планировка дома причиняла неудобства при сдаче его в аренду и у теолога возникает желание построить специальную галерею. Во всяком случае, он поощрял в дарениях 1550 и 1551 гг. своих племянников — уже известного нам Арнуля Вилана и Шарля де Бернея, также студента-священника¹¹, принять участие в строительстве галереи, дабы свободно проходить в подаренные им комнаты¹².

Пока Жан Локуэ никуда не спешит — первое (январь 1550 г.) и второе (июнь 1551 г.) дарения Арнулю Вилану и дарение Шарлю де Бернею (январь 1551 г.), были зарегистрированы лишь в начале 1552 г. Но в 1552 г. события резко убыстряют свой бег. Что-то подвигнуло теолога оформить, наконец, подобающим образом свой самодельный акт и зарегистрировать его. Напомню, что нотариальную контору Локуэ посетил 27 января, а уже через два дня дарение было зарегистрировано. Сделал это Арнуль Вилан, невзирая на

⁹ MS. XIX. 7 (01.03.1537).

¹⁰ MS. XXXIII. 17 (04.09.1540) f. 85v; *Coynesque E. Recueil d'actes ... Paris, 1905. T. 1. № 1447.*

¹¹ Последнего, как и первого, Жан Локуэ обязует молить Бога за дарителя.

¹² Y 97, f. 225.

«великую немощь глухоты». Причем он обошелся без помощи прокурора, что было достаточно редкой практикой. Тогда же было зарегистрировано и старое дарение, адресованное де Бернею.

Причина такой поспешности вполне ясна — между 17 июня 1551 г., когда Арнулю Вилану было подарено право получить 800 ливров с недвижимости, и 27 января следующего года престарелый теолог сделал крупное дарение в адрес бедных школяров своей коллегии. Этот акт отыскать не удалось, но, безусловно, речь шла о какой-то крупной сумме, намного превосходящей то, что в свое время оставил бедным сам Ноэль Беда. Но затем Локуэ вспоминает о своей *«ошибке памяти»*, скорее всего, благодаря вмешательству глухого, но энергичного племянника. Дарение коллегии Монтегю уменьшилось на солидную сумму. Видимо, разразился скандал, и Жан Локуэ покинул свою *alma mater*: более двадцати лет он фигурировал в актах как теолог, обитающий в коллегии Монтегю, но с этого момента стал обозначаться в документах как доктор теологии, *«проживающий в предместье Сен-Марсель на улице святой Женевьевы»*.

Однако и здесь Жан Локуэ не обрел тихой гавани. В делах конторы нотариуса Жана Крюсе мне удалось обнаружить серию актов, составленных им весной 1552 г. Из них следовало, что еще в 1550 г. теолог затеял строительство галереи в доме на улице святой Женевьевы. Как мы помним, он даже племянников пытался привлечь к этой затее. Однако деньги за произведенные работы не были выплачены, и мастера подали в суд. Локуэ, скорее всего, рассчитывал на свои университетские привилегии. Но выяснилось, что истцы — мэтр-каменщик Амиель Лансон и мэтр-кровельщик Жан Жирон предусмотрительно «подарили» права на взыскание денег с Локуэ своим сыновьям — студентам Парижского университета. И на суде они выступали уже от их имени. Получалось, что это сам Жан Локуэ покусился на имущество членов университетской корпорации¹³.

Теолог проиграл оба процесса, подал на апелляцию, но и она не увенчалась успехом (дело было найдено *«bien jugé et mal appelé»*). В итоге он должен был

---

¹³ Остается гадать, посещали ли они курсы или же родители их специально записали в студенты (благо, что это было достаточно просто), желая защитить свои права и изъять часть имущества от налогообложения. Как мы уже убедились, такие мотивы были у очень многих дарителей, адресовавших свои акты студентам университета. Напомню, что эта практика подверглась осуждению на заседании Генеральных штатов в Орлеане 1560 г.

уплатить по 98 ливров 15 су каждому из мастеров и по 24 ливра в возмещение судебных издержек по каждому процессу. И вновь Жан Локуэ попытался использовать свой статус, наложив на противников церковное порицание. Во всяком случае, в двух нотариальных актах 27 марта 1552 г.¹⁴ речь идет о своеобразной сделке между сторонами — истцы соглашаются отодвинуть сроки погашения долга, а ответчик взамен снимает с них наложенное им ранее церковное осуждение (*benefice d'absolution des censures ecclesiastiques esuelles icelluy Locquet estre encouru*). Судя по этим актам, для того чтобы расплатиться с мастерами, Локуэ прибег к помощи своего квартиросъемщика-ремесленника (*maitre-lunetier*).

Но то был отнюдь не единственный судебный процесс незадачливого теолога. На следующей неделе, третьего апреля того же года, он заключает сделку с неким священником Пьером Кампе, обещавшим довести до конца четыре процесса, которые ведет в Парламенте Жан Локуэ¹⁵. Он судился со своей теткой, с неким дворянином из бальяжа Мо, с прокурором парижского Шатле и с каноником собора Нотр-Дам в Амьене. Взамен Кампе в случае успеха мог рассчитывать на половину всех барышей. На полях имеется характерная вставка — Пьер Кампе должен вести все процессы за свой счет вплоть до вынесения окончательных приговоров и действовать при этом как можно быстрее (*le plus diligement que faire se pouira*). Похоже, Локуэ, действительно, торопился разрешить свои накопившиеся проблемы, прибегая к помощи других людей.

Тогда же, 27 марта 1552 г., он передает свой парижский дом на холме Сент-Илэр Арнулю Вилану. Но на сей раз речь не идет о помощи убогому племяннику; напротив, Арнуль Вилан берет на себя обязательства содержать престарелого теолога остаток его дней¹⁶. Это уже классическая формулировка «договора о содержании» — даритель отходит от дел, передавая все заботы о себе своему родственнику.

Этот акт племянник регистрирует в Шатле все так же оперативно — уже 30 марта 1552 г. Следующее и последнее из дошедших до нас дарений Локуэ,

---

¹⁴ МС. LXXIII. 17 (27.03.1552).

¹⁵ МС. LXXIII. 17 (27.03.1552). Небезынтересно, что на сей раз он был просто назван «священник, доктор теологии в Парижском Университете», а слово «regent» (т. е. «читающий курс») было опущено.

¹⁶ Y 97, f. 297.

составлено 20 апреля того же года. Он дарит права на пожизненное пользование комнатой и амбаром в принадлежащем ему доме своему капеллану из церкви Сент-Этьен-дю-Монт, с тем, чтобы тот молил Бога за душу дарителя¹⁷. Теперь участникам сделки торопиться уже некуда: акт был зарегистрирован лишь летом следующего года.

Исключительный, самодельный акт дарения в данном случае объяснялся, по-видимому, медицинским фактом старения. Нарастающая неадекватность поведения завела нашего Жана Локуэ в критическую ситуацию, из которой он уже не мог выпутаться без помощи других — квартиросъемщика, наемного ходатая, племянника. Нестандартность ситуации заключается лишь в том, что мы получили документальные свидетельства этого кризиса. Но, как это часто бывает, в силу своей исключительности акт неожиданно обретает особую демонстрационную ценность. Сам Франсуа Рабле не смог бы подобрать лучшей иллюстрации к образу доктора Иоаннотуса де Брамгардо — теолога, явившегося к Гаргантюа с требованием вернуть колокола с Нотр-Дам¹⁸. Интеллектуальная посредственность докторов, их сварливость и сумбурная речь превращали их в посмешище в глазах гуманистов.

Таким образом, исключительный акт, безусловно, может служить прекрасной иллюстрацией как для проблемы старости и старения, так и для истории Парижского университета. Но помимо иллюстративной ценности, этот акт способен пролить свет на многие стороны окружающей действительности интересующего нас времени. Мы еще раз узнали о степени распространенности использования университетских привилегий в «корыстных целях». Парадоксальность ситуации, достойная юмористического рассказа, состояла в том, что не доктор теологии, а строительные рабочие оборачивают университетские привилегии к своей выгоде. И кровельщик, и каменщик работали в кварталах, густо заселенных университетским людом. Возможно, окружающая среда пробудила в их сыновьях любовь к знаниям, но, что еще более вероятно, здесь они убедились в действенности юридической защиты университета: ведь дело происходило в 1552 г., когда, как мы помним, практика университетских дарений достигла, судя по нашему источнику, своего апогея.

---

¹⁷ У 98, f. 449, акт был зарегистрирован лишь год спустя после составления дарственной. Связь с капелланом была, судя по всему, давней — церковь Сент-Этьен-дю-Монт примыкала к зданию коллегии Монтэгю.

¹⁸ *Rabelais F. Gargantua ...* Chap. XVIII–XX. P. 155–172.

Но если обо всем этом мы догадывались и раньше, то практика такого же «корыстного» использования церковного осуждения встречается нам впервые. Раньше мы лишь высказывали предположение о том, что скорость регистрации дарственной в книге Регистров Шатле может сама по себе быть значимой, но действия Арнуля Вилана, похоже, нас в этом убедили. И еще одно неожиданное наблюдение. Традиционно историки университетов противопоставляют «Болонскую» их модель «Парижской», и если в первом случае активными членами корпорации являлись студенты, то во втором магистры, а школяры оставались за бортом общественной жизни университета. Но в рамках отдельных коллегий (а надо отметить, что позднесредневековый университет имел тенденцию превращаться в конфедерацию отдельных коллегий) ситуация могла быть иной. Как мы видим, в Монтегю школяры избирали своих синдиков, которые участвовали в решении административных вопросов. Этот казус также позволяет поставить проблему физических границ дееспособности интеллектуала: явная нарастающая неадекватность и «короткая память» теолога не мешают ему именоваться, по крайней мере, ведущим преподавателем. И в то же время глухота могла расцениваться как «страшная немощь», свидетельствующая в нашем случае о «профнепригодности» молодого священника, который, впрочем, вопреки своему недугу, доказал свою сообразительность и практическую сметку. Можно приводить и иные примеры, привлекая внимание к многообразию повседневного, но мысль кажется вполне ясной: «исключительное нормальное» обладает не только демонстрационной ценностью, весьма полезной при типологизировании, но может сулить и немалый практический «профит».

Но что заставило нас уделить столь пристальное внимание казусу Жана Локуэ? Только ли то, что университетские доктора до сих пор не так часто встречались в наших выборках? Конечно же, нет. И даже сама по себе необычная форма «самодельного» акта недостаточна для вывода об исключительности данного случая. Дело, как представляется, в другом. Из ряда дарений, рассмотренных в последнем параграфе предыдущей главы, данный акт выпадает уже потому, что его невозможно отнести ни к группе «А», ни к группе «Б». Дарение совершает старый и, как мы убедились, не слишком здоровый человек, но в помощи нуждается вроде бы не он сам, а его молодой племянник, страдающий глухотой. Однако мы становимся свидетелями того, как по ходу дела стороны меняются местами. Мы заподозрили в этом некоторый «подвох»

и, как оказалось, не без основания. И, наконец, мы получили пока первое подтверждение гипотезы о соответствии стилистических особенностей акта, свидетельствующих о характерных чертах нотариального поведения, особому складу личности.

Б. Грозный Николь Леклерк

Теолог, его друзья и его враги. — «Гуманное обращение» одних и «величайшие несправедливости других». — Семейное расследование. — Образ, создаваемый в актах и реальности университетской жизни. — Декан, не прощавший обид. — Реформация, Контрреформация и семейные проблемы.

Среди дарителей, вверяющих свою старость заботам родственников, есть в нашей выборке еще один теолог, причем гораздо более известный и более влиятельный, чем Жан Локуэ.

Николь Леклерк, декан факультета теологии, кюре церкви Сент-Андре-дез-Арт, в июле 1547 г. дарит все свое имущество родной племяннице Филиппе Леклерк, принимая во внимание, что она и ее муж, Гильом Бургуин, советник Парламента, *«на протяжении 23-х лет проживали совместно с указанным Леклерком, обращаясь с ним нежно и гуманно (humainement), помогая ему в его процессах, которые он вел против других своих племянников, заботясь о нем и обеспечивая ему заботливый уход в его болезнях и иных текущих нуждах».*

Уже один этот термин, «humainement», представляется весьма интересным. Он ни разу не встречался в «дарениях с условием содержания» — в описании ни предшествующих, ни ожидаемых услуг. Но дело не только в этом. Изложив причины испытываемого доверия, Леклерк погружается в воспоминания, *«учитывая также, что покойная Маргарита Леклерк, сестра указанного Леклерка, и вдова Жака де Куактье, вице-президента Счетной палаты, с детства воспитала указанную дамуазель Филиппу ... и по своей исключительной доброте удочерила племянницу и, что, как она часто говорила указанному Леклерку, намеревалась ей даровать большую часть своего имущества, о чем она часто заявляла указанному Леклерку, и что бы она и сделала, не будь она застигнута врасплох смертью»*, а также принимая во внимание — продолжает теолог — *«что покойные братья [дарителя] мэтры Пьер и Жан Леклерки, отец и дядя указанной дамуазель Филиппы, обделили ее наследством, даровав все свое имущество братьям указанной дамуазель Филиппы Леклерк. Братья ее добились того, чтобы указанный мэтр Николь Леклерк даровал им три четверти всего своего имущества, оставив, таким*

образом, на долю Филиппы лишь двенадцатую часть семейного имущества»¹⁹. Таким образом, дарение, адресованное ей и ее детям, явилось следствием отмены ранее составленных актов.

Итак, скорее всего, текст составлен либо самим Леклерком, либо записывался под его диктовку, причем он настаивал, чтобы его слова оставались без изменения. Ни нотариус, ни его клерк ни за что бы не написали сами о «гуманном обхождении». Причем даритель комбинирует несколько формул в одном акте — здесь и элементы «дарения по причине старости», и стремление отблагодарить за ранее оказанные услуги, и попытка отменить прежние дарения, исправить несправедливость, допущенную при разделе семейного добра. Аргументы, которые подобрал Леклерк, также необычны — особые отношения между теткой и племянницей, свидетелем которых может выступить лишь сам теолог, излишняя щедрость, проявленная к братьям Филиппы, и, наконец, исключительный характер этому акту также придает удивительная активность Николая Леклерка. Он зарегистрировал в Шатле еще 9 весьма пространных актов (это своеобразный рекорд), перераспределяющих наследство в пользу племянницы и ее детей.

Племянники Николая Леклерка были люди весьма именитые. Это Пьер Леклерк, доктор канонического права и хранитель апостолических привилегий Парижского Университета, Жан — генеральный прокурор Палаты косвенных сборов, и Николь — советник Парламента. Им, а также Филиппе, и было адресовано дарение теолога 11 августа 1540 г.²⁰ Тогда он выговаривал себе сохранение usufructa на 3 тыс. экю из наследства своих покойных родителей и братьев. Но, правда, был у него еще один племянник — Жак Леклерк де Куактье, корректор и старший докладчик Большой королевской канцелярии, родной брат любимой племянницы Филиппы. Дарение, сделанное теологом в его адрес в сентябре 1540 г., было им отменено уже через год, 9 августа 1541 г.²¹ *«Эта ревокация сделана потому, что, свершая дарение, указанный дарующий»²² надеялся, что Леклерк-Куактье будет жить с ним в мире и оставит своего дядю в покое, чего он не сделал, но, напротив, затеял с ним несколько*

---

¹⁹ Y 93, f. 51.

²⁰ Y 86, f. 352; Y 87, f. 59.

²¹ Y 87, f. 202.

²² И опять видна «самодеятельность» Николая Леклерка: он употребляет термин «дарующий» (donnant) вместо типичного для дарственных слова «даритель» (donateur).

процессов и тяжб, каковые смутили указанного дарующего» и породили смуту в семье. Теолог рассказывает, что, когда он заболел осенью прошлого года «*и находился в крайнем состоянии болезни, каковое давало столь же надежды на смерть, сколь и на жизнь»*, племянник безотлагательно вызвал в суд своего дядю, «*невзирая на его болезнь, которая от этого усилилась»* и возбудил-таки процесс по поводу подаренного имущества. «*Эти причины и другие, которые названный дарующий может указать после, он оценивает как неблагодарность, и ... отменяет дарение и прочие щедроты, оказанные им этому одариваемому, учитывая также, что указанное дарение не получило никакого подтверждения о принятии»*. Несколько патетический тон, резонерство и даже явная «терминологическая самодеятельность» сочетаются с хорошим знанием юридической стороны дела. Напомню, что по недавнему ордонансу Виллер-Коттре (акт составлен в 1541 г.) законный характер дарение приобретало только после составления ответного акта о его принятии. И Николь Леклерк в данном случае был прав.

А теперь обратимся вновь к исходному акту. После комплекса актов, подтверждающих дарение племяннице и ее мужу, Николь Леклерк всего через три дня, 28 июня 1547 г., составляет еще одно пространное дарение, где излагал все обстоятельства, побудившие его вновь заняться пересмотром раздела наследства²³. «*Поразмыслив (scienement, еще один «авторский» термин) по этому поводу, посоветовавшись и взвесив»*, он составляет акт, в котором начинает с еще более пространныго экскурса в историю семьи, возвращаясь к биографии своей сестры Маргариты, той самой, которая удочерила, но не успела облагодетельствовать их племянницу Филиппу. Он рассказал, как его сестра Маргарита вышла замуж за Жака де Куактье, вице-президента Счетной палаты, но, овдовев, понесла большие расходы и тяготы, чтобы сохранить свой дом. «*Указанный Николь Леклерк в меру своих возможностей, помогал ей и для этого нанялся на службу к кардиналу Лотарингскому и его братьям, когда они были молоды... на свои средства оплатил расходы по похоронам и выполнению завещания матери указанного мэтра Николя Леклерка и указанной дамы Маргариты, составившие тысячу экю золотом»*. Согласно воле своей покойной сестры, он основал и поддерживал некоторые вклады [в церкви], а также преподнес церкви Сент-Андре-дез-Арт многие украшения. Точно также он помогал и своему покойному брату Пьеру, подарив, например, для браков

---

²³ Y 93, f. 120.

его детей посуды более чем на 160 марок серебра, а своему покойному племяннику Жаку он предоставил 375 эю для получения должности советника Шатле²⁴. *«И после Николь Леклерк продолжал в том же духе, оборачивая свое имущество к пользе своих указанных племянников и племянниц, желая привести их к согласию. И делая это, указанный Николь Леклерк даровал Пьеру, Жану и Николю и Филиппе... все свое имущество... при обязательном условии, что его брат, мэтр Жан Леклерк, кантор Шалона, отдаст такое же распоряжение... Но затем его указанные племянники стали интриговать (praticant), чтобы лишитъ свою сестру, дамуазель Филиппу, наследства Жана Леклерка, добившись от него дарения в свою пользу».* Более того, они пытались склонить к тому же и самого мэтра Николя Леклерка, *«воспользовавшись тем, что он был тогда серьезно болен и находился в смертельной опасности»*, и что муж Филиппы, мэтр Бургуин, пребывал тогда в отъезде по случаю выездной сессии Парламента в Мулене (1544 г.). *«С тем, чтобы легче добиться уступок в ущерб своей сестре, забыв доброе и благодеяния, оказанные им Николем Леклерком, они затевали бесчисленные склоки, и столкнулись с покойным ныне мэтром Жаком Леклерком [Куактье], их старшим братом, чтобы извести указанного мэтра Николя Леклерка бесконечными дрязгами, кознями и преследованиями, как в Шатле, так и в Палате прошений Двора, в Парламенте, в Большом и Малом Советах короля, намереваясь тем самым замучить (tourmenter) указанного мэтра Николя Леклерка и мучениями довести его до смерти, чтобы он закончил свои краткие дни старости (brief et vieux jours) в нищете».* *«Когда же мэтр Жан Леклерк, кантор и брат названного мэтра Николя Леклерка, слег в болезни, находясь в Трамблее, 5-го или 6-го числа настоящего месяца (июня 1547 г.), теолог поспешил к одру умирающего брата».* Но Николь-младший и его сообщник, некий мэтр Гильом Пуар, прибыли в Трамблей шестого июня около полуночи и, узнав, что указанный мэтр Николь Леклерк заночевал в том же доме, где болел кантор, убедили последнего *«сделать завещание и в нем передать все свое наследственное и приобретенное имущество только своим племянникам, отказав мэтру Николю Леклерку в праве наследовать своему брату, лишив его таким образом свыше 4-х тысяч ливров звонкой монетой».* Сделавшись душеприказчиками кантора, заговорщики при помощи своего человека через местного епископа сумели составить поручительство, по

---

²⁴ pour le quart denier (?) de l'expédition de l'office de conseiller ou Chastellet de Paris. Возможно, речь идет о том, что это была лишь четвертая часть требуемой для обретения должности суммы.

которому кантор передавал свои церковные бенефиции тому же Гильому Пуару. После этого указанный мэтр Жан Леклерк умер в ночь с 8 на 9 июня 1547 г. Таким образом, обманув покойного, племянники полностью лишили теолога его доли наследства брата *«как при помощи этого так называемого завещания, так и согласно дарению, которое, как они утверждают, они получили от своего покойного дяди и которое они должным образом зарегистрировали в Шатле»*²⁵.

Узнав о кончине брата, мэтр Николь потребовал составления описи имущества²⁶, *«но после длительных поисков (allees et venues), он не нашел чиновника, который бы этим занялся. Слуги не слушались его и издевались над ним, предоставив его самому себе. Найдя, наконец, прево, он не мог разыскать секретаря и должные документы. Так они тянули время, не находя бумаг, затем его племянники сказали, что срок уже вышел, и что он напрасно утруждает себя, стремясь вникнуть в дела, хотя ему и так выделяют причитающуюся ему часть»*. Но, несмотря на эти слова и несмотря на усилия самого теолога и его секретаря, ничего получить так и не удалось. Единственное, что ему оставалось делать — это отменить все дарения, ранее совершенные им в адрес трех неблагодарных племянников.

Но ему пришлось иметь дело с грозными противниками. Поэтому через два года, 18 ноября 1549 г., он составляет новый свой акт, выдержанный в еще более патетических тонах²⁷. Он жалуется *«перед Богом и Правосудием на величайшие несправедливости, беспокойства, неблагодарности и клевету, свершенные против него ... его племянниками, в отношении которых, из-за их подношений, связей, промедлений, финтов (fintes), проволочек, подвохов и прочих путей зловещих (sinistres) и обходных, он не смог добиться правосудия»*. И заявляет, что *«он проявил по отношению к своим племянникам долг доброго дяди, передав в их пользу свои бенефиции, даровав свое имущество, обходясь с ними мягко и любезно во всем, в чем было возможно»*. Когда теолог пребывал в состоянии тягчайшей болезни, Пьер Леклерк получил от него на время

---

²⁵ Похоже, что Николь Леклерк имеет в виду акт дарения, который, действительно был составлен его братом и зарегистрирован в Шатле 2 июля 1542 г. Y 92, f. 76v.

²⁶ В принципе любое завещание, противоречащее нормам кутюмного права, можно было оспорить и настаивать на разделе имущества по описи (benefice d'inventaire). Последнее означало скандал и считалось позором для семьи, бесчестьем имени усопшего.

²⁷ 18 ноября 1549. Y 95, f. 256v.

должность кюре церкви Сент-Андре-дез-Арт. Но он добился передачи этого бенефиция себе на семилетний срок, ничего не сказав дяде²⁸. И пользуясь своими связями и умением плести интриги, при помощи лейтенанта-хранителя университетских привилегий отсудил себе в Шатле право пользоваться доходами с этого бенефиция, оставив своего дядю-декана без средств к существованию. В ответ на благодеяния племянники стремятся захватить все имущество дяди и оставить его в нужде. Посему *«указанный декан отменяет сделанные ранее дарения, по причине очевидной и вопиющей неблагодарности, видимой и Богу и людям»*. Из-за того, что племянников поддерживают некие могущественные лица, декан в конце концов *«принужден был против своей воли, не имея возможности более сопротивляться, если учесть его преклонный возраст, превышающий семьдесят пять лет, подписать с ними мировую, согласно которой он довольствуется куда меньшей долей, чем та, что ему принадлежит по закону»*. Одна лишь доля Николая Леклерка, принадлежащая ему при разделе имущества покойного брата, отца вышеназванных племянников, оценивается им в 20 тысяч экю. Поэтому он желает опротестовать свершенную сделку-мировую и воспрепятствовать ее регистрации в Шатле. Тогда же и Гильом Бургуин (напомним, что речь шла о муже племянницы Филиппы) опротестовал эту мировую, так как речь шла не о дарении, а об уступке спорного имущества при условии справедливой компенсации Филиппы Леклерк и ее детей. Но племянники Леклерка так и не представили опись имущества, поэтому размеры компенсации остались не определены²⁹.

Любопытная запись содержится в регистре Шатле в конце этого акта: *«на обороте листа указанного заявления имеется следующая запись, сделанная сержантом Шатле»*, который должен был ознакомить племянников с содержанием данного акта; однако у всех дома оказались лишь их слуги, которым был переданы копии этого документа. Далее подшито прошение, адресованное деканом и мэтром Гильомом Бургуином парижскому прево или его гражданскому лейтенанту, с просьбой *«приказать зарегистрировать в*

---

²⁸ Видимо, когда весьма пожилой декан заболел, племянник, в соответствии с практикой того времени, осуществил «премутацию» — передачу церковного бенефиция, чтобы оставить его в семье. Сам Николь Леклерк, сомневаясь в исходе болезни, согласился на этот шаг. Однако, когда он выздоровел, выяснилось, что племянник не собирается возвращать богатый приход своему дяде. Практика передачи церковной должности была распространенной, но тем не менее не вполне каноничной, поэтому требовать возврата ее по суду Николь Леклерк не мог.

²⁹ Y 95, f. 257v.

Шатле данные акты и протесты, поскольку секретарь отказывается это сделать». Это прошение датировано 31 марта 1550 г. Таким образом, описываемая коллизия не была лишь плодом старческого воображения обиженного декана. Беспристрастные регистры Шатле сохранили отголоски административной борьбы. Один из племянников был, как мы помним, советником Шатле и другом гражданского лейтенанта Шатле, главы всей городской юстиции. Понятно, что заинтересованных лиц в нужный момент не оказывалось дома, а секретарь (грефье) не осмеливался зарегистрировать это опасное дарение. Но теолог и муж его племянницы шли напролом. В конце концов, как следует из регистров Шатле, гражданский лейтенант Пьер Дез Эссар вынужден был отдать личный приказ о регистрации этого многострадального заявления-ревокации.

Но Николь Леклерк зарегистрировал еще одно дарение. В 1553 г. он передал свои права на комплекс домов по улице Сент-Андре-дез-Арт (жилые корпуса, конюшня и другие хозяйственные постройки, сад и башни городской стены). Но адресатом дарения выступает уже Пьер Руяр, адвокат Парламента, и Мари Бургуин, «племянники дарителя», т. е. дочь Гильома Бургуина и Филиппы Леклерк, о которых в акте уже не упоминается. Не потому ли, что восьмидесятилетний даритель уже пережил их?³⁰

Чтение этой семейной саги оставляет двойственное впечатление. Автор старательно создает в ней образ немощного старца, гонимого своими алчными и чрезвычайно влиятельными племянниками. Это нельзя назвать неправдой, учитывая солидный, даже по нашим меркам, возраст теолога, а также высокие должности и связи его племянников. Мы можем не верить рассказам Леклерка об его зловключениях, но ведь у нас есть документальное подтверждение попыток племянников помешать регистрации его актов в Шатле. Видимо, и людьми они были достаточно хищными: во всяком случае, Пьер Леклерк. О нем известно, что он использовал свое влияние в университете, чтобы производить сделки с земельной собственностью на лугу Пре-о-Клер, что и послужило толчком для первой серии студенческих волнений 1546 и 1557 гг.³¹, о которых речь пойдет немного ниже.

Но и Николь Леклерк в своих актах не предстает лишь в страдательном залого. Он чрезвычайно активен и, несмотря на свои годы, в отличие от Жана

---

³⁰ 5 февраля 1553. У 99, f. 132.

³¹ *Crevier J.-B. Histoire de l'Université de Paris. Paris, 1761. Т. 6.*

Локуэ, способен действовать самостоятельно. Он повествует о своих неудачах, но ведь и противники у него незаурядные. И несмотря на все их связи и уловки, ему удалось, пусть и при помощи Гильома Бургуина, отстоять часть своих прав на городскую недвижимость и до последнего бороться со своими обидчиками. И, наконец, он сохраняет сильное личностное начало во всех своих актах, превращаемых, порой, в обвинительный документ, предназначенный для публики. Совмещая различные жанры нотариальных актов, Николь Леклерк идет напролом, составляя свои акты сам, не пользуясь образцами и формулярами, сохраняя свой стиль, чтобы свидетельствовать «*перед Богом и правосудием*» о своей правоте.

Словом, дарения создают впечатление о Леклерке как о сильной личности. Биографические данные подтверждают это впечатление. Прежде всего, он — исключение среди прочих парижских теологов уже в силу своего происхождения. Родственниками подавляющего большинства из них были буржуа — купцы и ремесленники, прокуроры и стряпчие, в лучшем случае, парижские или провинциальные адвокаты, причем их собственные материальные ресурсы были весьма скромны³². Вспомним «богатого» Локуэ с его двумя парижскими домами. Но Николь Леклерк принадлежал к древней и богатейшей парижской семье, владевшей солидными земельными комплексами, сеньориями, бенефициями и королевскими должностями высокого ранга.

Представляя собой грозную силу, будучи объединенными в корпорацию, доктора факультета теологии сохраняли анонимность, не оставив скольконибудь ярких свидетельств о себе, разительно отличаясь этим от парижских гуманистов. Но Леклерк и здесь представлял собой исключение. Это был самый активный доктор на факультете в первой половине XVI в. Разве что Ноэль Бэда мог бы соперничать с ним. Он активно участвовал в Пизанском соборе, созванном в 1511–1512 гг. с целью противостоять папе Римскому. Практически все начинания факультета против книг Лютера, против ересей и заблуждений инициировались Леклерком; он входил, например, в состав особой инквизиционной комиссии, действовавшей по приказу папы, регентши и Парламента в 1525–1527 гг.³³. Он принимал участие в цензурировании книг Лютера и Эразма. Но характерно, что именно его Эразм выделил из общей

---

³² См.: Farge J. K. *Orthodoxy and Reform in Early Reformation France. The Faculty of Theology of Paris, 1500-1543.* Leiden, 1985.

³³ N 2154 // *Catalogue des actes de François I.* Paris, 1979. T. 1. P. 405.

массы своих врагов и вступил с ним в переписку, прося похлопотать о снятии с его трудов факультетского осуждения³⁴. Не потому ли Николь Леклерк научился употреблять термин «*humainement*»? Пожалуй, он был более гибок, чем Ноэль Бэда. По вопросу о разводе Генриха VIII он высказался сообразно просьбам Франциска I и тем самым склонил факультетское большинство в нужную королю сторону. Факультет не раз отряжал его для переговоров с монархом, чтобы указать на необходимость борьбы с ересью. А когда в 1533 г. король, разгневанный неуступчивостью Ноэля Бэды, выслал того из Парижа, факультет попросил Леклерка временно исполнять функции синдика³⁵. Но эта должность была чревата неприятностями: после скандала по поводу цензуры сочинения Маргариты Наваррской, любимой сестры Франциска I, король арестовал Леклерка. Впрочем, его опала была недолгой: после «дела плакатов» монарх сам призвал теологов решительнее искоренять ересь и подвергать цензуре опасные сочинения. Леклерк продолжал активно участвовать в жизни университета. С сентября 1541 г. он становится деканом факультета и возглавляет его долгие годы, отмеченные самыми жестокими гонениями на лютеран и кальвинистов (последнее упоминание о Леклерке относится к декабрю 1553 г., но первое упоминание о следующем декане — лишь к 1557 г.)

Если Рабле и имел в виду какого-нибудь конкретного теолога в образе Ианнотуса де Брагмардо, то им был скорее Жан Локуэ, чем активнейший Николь Леклерк. Но Леклерк обиделся на Рабле, а, как мы поняли из его актов, он отнюдь не склонен был прощать обиды. Тогда, в 1533 г., когда он был синдиком факультета, он, по косвенным данным, цитировал Пантагрюэля, объясняясь по поводу цензурных нападков со стороны факультета. Став деканом и приняв самое активное участие в беспрецедентном начинании — составлении Индекса запрещенных книг — он включил в него «Гаргантюа и Пантагрюэля»

---

³⁴ *Opus epistolarum Desiderii Erasmi Roterodami* / Ed. P. St. Allen et al. Oxford, 1906–1947. Vol. 6. N 2043. P. 473.

³⁵ Возможно, это изгнание имел в виду Рабле — «толпа, ... бросилась к Сорбонне, где находился в то время (теперь его уже нет) оракул Левкеции». Должность синдика была более важной, чем деканская. Деканом автоматически становился старейший доктор факультета. Его функции были чисто репрезентативные. Синдик же избирался из числа самых активных и авторитетных докторов, обладал дисциплинарными полномочиями и представлял интересы факультетской корпорации в ее отношениях с внешним миром.

(1544 г.)³⁶. Влияние декана с годами не становилось слабее. Так, например, Шарль Дюмулен, известнейший юрист, пользовавшийся покровительством Генриха II и коннетабля Монморанси, предпочел бросить все и бежать в Германию, когда против него выступил Николь Леклерк³⁷.

Семейная эпопея Леклерка неожиданно погружает нас в течение Большой истории. Как мы помним, чтобы помочь семье, теолог поступил на службу к Гизам, герцогам Лотарингским. Не объясняются ли ультракатолические традиции этой семьи, сыгравшие столь важную роль накануне и во время Религиозных войн, влиянием их наставника — Николя Леклерка?

Уже одной этой информации, «вытянутой» из казуса Леклерка и проливающей новый свет на предысторию и историю Реформации, Контрреформации и Религиозных войн во Франции, вполне достаточно, чтобы оправдать наш микроисторический экскурс. Но есть и иные «профиты». Мы узнали некоторые подробности о реальной практике составления завещаний, посмертных описей и регистраций нотариальных актов. Семейный конфликт, разворачивавшийся в любопытных «административных формах», где оружием в борьбе могла быть своевременная или несвоевременная регистрация актов, мог, оказывается, скрывать зерна противостояния аристократических клиентел. Судя по всему, племянники теолога входили в ту группировку парижской элиты, которая была связана с коннетаблем Монморанси, губернатором Парижа. Трудно сказать, продолжал ли декан пользоваться покровительством принцев Лотарингского дома, хотя на это указывают некоторые косвенные признаки: их общая приверженность ультракатолической позиции. Но Гильом Бургуин, советник Парламента, был человеком из клиентелы герцога Неверского.

В. Многоликий Пьер Галланд

Карьера гуманиста. — Круг общения: ученые и администраторы. — Показатели успеха. — Три затруднительных ситуации: ректор против Сорбонны и против Рамуса, баталии на Пре-о-Клек. — Пикардийский патриотизм. — Меняющиеся идентичности Галланда. — Новые «профиты». — Человек — это стиль.

³⁶ Index des livres interdits. Vol. 1. Index de l'Université de Paris / Sous la dir. de J. M. De Bujanda, Sherbrooke, 1985. N 428. P. 359–360.

³⁷ Уваров П. Ю. Два брата-адвоката // Казус, 1996. М., 1997. Вып. 1. С. 213–224.

Третье дарение, затрагивающее тему старости и составленное университетским деятелем, выглядит вполне обыкновенным по сравнению с актами двух наших эксцентричных теологов.

29 апреля 1552 г. Пьер Галланд, ординарный королевский лектор, священник и принципал коллегии Бонкур, *«говоря, что во имя большой и пламенной любви и склонности, кои он питал и изо дня в день питает ныне к Жану Бракепоту, священнику, канонику Теруанны, дабы как-то отблагодарить за добрые и приятные услуги, любезности и одолжения, которые тот ему оказал ранее, ... он основывает на его имя пожизненную ренту в 100 турецких ливров..., а также, чтобы указанный Бракепот, который ныне стар, дряхл и древен, впредь и доживая свои дни смог бы лучше жить и содержать свое состояние...»*³⁸.

Вроде бы вполне стандартные и уместные фразы, знакомые нам по аналогичным дарениям: *«стар, дряхл, древен»*. Но если для дарений «по причине старости» подобные описания преклонного возраста достаточно рутинны, то следует отметить, что их использовали лишь для описания плачевного состояния *дарителя*. Мы же имеем дело с тем, что я назвал «обратным дарением», когда, напротив, одаривают старого и немощного человека. Достаточно распространены были акты, вознаграждавшие за услуги и заботы, но они не предусматривали темы милосердия и помощи больным и увечным. И вообще, если речь шла о благодарности, то обычно акт составлялся так, что был понятен хотя бы общий характер услуг, достойных вознаграждения и благодарности. Редкие исключения из этого правила относились к дарениям родственникам (например, дарение Жана Локуэ своему глухому племяннику). Галланд мог, конечно, составить свой акт, движимый чувством христианского милосердия. Но в таком случае должно было бы последовать предписание молить Бога за душу дарителя. Галланд такой оговорки не делает, в отличие от того же Локуэ.

В то же время дарение ничуть не смешно и не нелепо. «Отклонения» от нормы столь сокрыты, что могут быть распознаны лишь в процессе обработки десятков актов того же типа. Автор, умело комбинируя различные стереотипные элементы в несколько необычном сочетании, за что-то вознаграждает постороннего человека, причем делает это так, что не привлекает к этому документу внимания.

---

³⁸ Y 98, f. 121.

О Пьере Галланде нам известно достаточно много. Его имя упоминается в работах, посвященных истории знаменитой Коллеж де Франс³⁹. Он был опытным визитером нотариальных контор, и до нас дошло немало его нотариальных актов⁴⁰, что даже дало возможность Ж. Е. Жиро на его примере проанализировать содержание понятия «королевский лектор» в докладе на коллоквиуме, посвященном происхождению Коллеж де Франс (Париж, декабрь 1995 г.).

Выходец из провинции Артуа, он принадлежал к очень скромной семье (его старшая сестра, например, была замужем за парижским подмастерьем). Это не помешало ему осуществить блестящую университетскую карьеру: принципал коллегии, ректор, королевский лектор, старейшина корпорации королевских лекторов, глава королевской комиссии по реформированию университета.

Его труды можно обнаружить в библиографических указателях. Однако список его работ невелик, значительно меньший, чем у его коллег, прочих королевских лекторов. Собственно, единственный солидный труд был написан в начале его карьеры. В тридцатых годах он работал над пространными комментариями к трудам Квинтилиана об ораторском искусстве⁴¹. После того, как Пьер Галланд стал королевским лектором, он опубликовал лишь две посмертные хвалебные речи (*oraison funebre*) и один небольшой полемический трактат против Рамуса. Зато его собственная смерть вдохновила сразу трех поэтов⁴². Каким же заслугам обязан Галланд своей карьерой?

Главный его жизненный успех, главное дело жизни — руководство коллегией Бонкур, предназначенной для студентов из Пикардии и Артуа. В 1541 г. он становится ее принципалом и остается на этом посту до самой своей

---

³⁹ *Goujet Cl.-P.* Memoire historique et litteraire sur le Collège royal de France. Paris, 1758; *Lefranc A.* Histoire du Collège de France. Paris, 1898.

⁴⁰ 29 из них проанализированы М. Юргенс в тематическом каталоге *Ronsard et ses amis*. Paris, 1989. P. 354–366. Еще 9 актов содержится в публикации *Coyecque E.* Recueil d'actes notariés relatifs à l'histoire de Paris et de ses environs au XVIe siècle.. Paris, 1905–1923. 2 vol.; 5 его актов были зарегистрированы в Шатле. Во время моего выборочного зондажа архива нотариальной конторы Франсуа Крозона (*François Corozon*. XLIX. Связки № 47–49), я отыскал еще девять составленных им актов.

⁴¹ *Quintilliani de institutione oratoria libri XII. Argumentis Petri Gallandi, eiusdem declamationum liber...* Lutetiae, 1542.

⁴² *Jamot F. de.* Obitu Petri Gallandi. Paris, 1560; *Rollier Cl.* Ode ad Guil: Gallandium gymnasiarchum becodianum... Cui accessit eiusdem de obitu Petri Gallandi elegia. Paris, 1559, *Salis Panagius.* Ronsardum ericedion, ad pias Gallandii elegia. Paris, 1586.

смерти (1559 г.). Много лет спустя (и каких бурных лет!) путеводитель по парижским достопримечательностям, отпечатанный в 1612 г., отмечал красоту этого коллежа, «который был почти полностью переустроен, плотно населен и прославлен Пьером Галландом»⁴³.

Редко какой из нотариальных документов дает большее представление о человеке и его социальных позициях, чем завещание. А от Пьера Галланда до нас дошли целых два завещания.

Первое было датировано 1546 г., когда он опасно заболел. Находясь на одре болезни, он распоряжается относительно выбора места своей могилы — он должен быть захоронен на территории родной коллегии, в здании реконструированной коллежской капеллы. Правда, есть опасение, что она еще не будет освящена к моменту его кончины, и в этом случае он будет захоронен в церкви Сент-Этьен-дю-Монт, главной святыни для земель аббатства Святой Женевиевы, старейшего центра притяжения университетской жизни.

На его похоронах бедным должно быть роздано денег и хлеба на сумму 50 ливров, то есть намного больше тех ритуальных 5 су, которые, как мы помним, принято было раздавать на похоронах в пользу бедных.

Книги Пьера Галланда должны быть распределены между его братьями — Жаном, оставшимся на родине, в Артуа, и Гильомом (именно Гильом впоследствии сменит Пьера на посту принципала). Распорядившись относительно имущества, отходящего его сестрам Жанне и Франсуазе и двоюродным братьям, он завещает имущество некоему господину де Маскону и просит сделать так, чтобы Адриан Турнебус получил бы после него его должность королевского лектора. Это весьма интересная информация. Вопреки мнению, укрепившемуся в историографической традиции, «корпорация королевских лекторов» представляла собой отнюдь не физически существующий институт типа коллегии, но пребывание в ее составе было чем-то вроде почетной должности или бенефиция. Король жаловал звание «королевского лектора» (скорее всего это делалось не бесплатно); лектор, оставаясь «на своем обычном рабочем месте», то есть пребывая в той или иной коллегии, читал лекции, доступ на которые был открыт для всех желающих, а не только для школяров из данной коллегии. Королевскому лектору полагалось особое жалование, которое, как нетрудно догадаться, выплачивалось крайне нерегулярно. Но примечательно, что сами лекторы рассматривают свое звание

---

⁴³ *Du Breul J.* Théâtre des antiquités de la Ville de Paris. Paris, 1612. P. 710.

если не как собственность, то как держание, нечто среднее между «office», приобретенной королевской должностью, которую можно отчуждать, и церковным бенефицием, также если не в теории, то на практике передаваемым в рамках одного семейного клана. Адриан Турнебус (Турнеб) сумел стать королевским лектором, не дождавшись кончины Галланда. В следующем, 1547 г., он займет место усопшего и хорошо знакомого нам по предыдущей главе «королевского лектора в греческом языке» Жака Туза или Туссена.

Далее в завещании выделялись 100 ливров дочери господина Ларше, которая доводилась крестницей Пьеру Галланду. Выделялись также средства на пошив траурных платьев для четырех сестер завещателя, живших *«по ту и по сю сторону (границы)»*. Кроме того, указывалось, что господин де Левердин, каноник из Теруаны, и Рене Кордерер, парижский каноник, назначаются его душеприказчиками, за что каждому из них он дает по серебряному кубку с крышкой.

Бартелеми Латомус, другой королевский *«лектор во французском красноречии»*, получает дом на болоте Сен-Дени (на этих некогда заболоченных землях располагались, кстати, огороды престарелого пекаря Кристофа Креспина). Судя по всему, Латомус как-то должен был присматривать за молодым человеком, о котором источник повествует следующим образом: *«Юному мальчику, который, как он говорит, дарован ему за любовь к Богу, ныне проживающему с его сестрой Жанной Галланд в предместье Сен-Марсель, он оставляет сумму в 120 ливров одновременно, чтобы тот обучился ремеслу, дабы стать порядочным человеком»*. Эта, несколько витиеватая формулировка, указывала на внебрачного сына нашего каноника-гуманиста — Гийома Галланда, по прозвищу Вуазен.

Прошло тринадцать лет и вновь «на одре болезни», теперь уже, увы, в последний раз, Галланд составляет завещание. Место его усыпальницы все то же — строительные работы в коллегиальной капелле завершены, но, впрочем, завещание выделяет дополнительные суммы на украшение капеллы.

Благосостояние рачительного принципала безусловно приумножилось — бедным жалуется теперь уже целых 300 ливров через особое ведомство «*bourse des pauvres de Paris*», да еще в дополнении к завещанию (codicile) передается *«300 ливров на бедных студентов и нищих этого города»*, да еще 200 ливров для бедных нуждающихся (разница между «*pauvres mendiants*» и «*pauvres necessiteux*» не проясняется, но сама по себе она весьма любопытна).

Благотворительность в отношении питомцев родного коллежа характерна не только для теологов из Монтегю: Галланд выделяет деньги для повышения шести бурс (стипендий) школярам коллегии Бонкур и учреждает еще две новых бursы.

В прошлом завещании, как мы помним, Галланд заботился о получении кафедры королевского лектора Адрианом Турнебом. Сейчас же забота о сыне Галланда — Гильоме Галланде по прозвищу Вуазен — вверена Жану Турнебефу, ординарному королевскому лектору, на обучение молодого человека жалуются 100 ливров ежегодной ренты, а самому Жану Турнебефу прощаются все его долги перед Пьером Галландом. Поясним, что «Турнеб» — латинизированная форма от «Турнебефа»; возможно, речь здесь идет о братьях, но, скорее всего, об одном и том же лице — королевском лекторе, Адриане Турнебе, имевшем, возможно, два имени. В любом случае, отметим, что забота о своем чаде, «дарованном ему за любовь к Богу», поручается и в первом, и во втором завещаниях не кому-нибудь, а королевским лекторам — Латомусу в одном случае и Турнебу (Турнебефу) в другом.

Брат Пьера, Гильом Галланд, должен будет позаботиться об образовании четырех племянников: им выделено по 60 ливров ренты. Сестры, проживающие в Париже, Жанна и Франсуаза, получают по 120 ливров ренты, 100 ливров единовременно выделяется для племянников, проживающих по ту сторону границы и 300 ливров — крестнице завещателя, дочери Симона Ларше (в первом завещании ей выделялось лишь 100 ливров).

Выделяется также 2 золотых экю для преподавателей коллегии Бонкур «pour leur recreation de table le jour de son trespass» — на организацию поминального пиршества.

Все остальное имущество отходит брату Гильому. Повышение статуса Пьера Галланда отражено и в подборе исполнителей этого завещания. На сей раз это не каноники, а советники Парламента Вержюс и Дюмениль, Тома де Бражелон, советник Шатле, и Николь Готье, принципал Аррасской коллегии, и, наконец, брат Пьера Гильом (если в первом завещании душеприказчикам полагалось по серебряному кубку, то теперь упомянуты уже золотые кубки).

Помимо указаний на несомненное социальное возвышение Галланда, тексты завещаний отвечают на вопрос о причинах его жизненного успеха. Его главным социальным капиталом оказываются всесторонние связи с университетской средой. Помимо королевских лекторов, каноников и принципалов коллегий, в

завещаниях указаны менее заметные, но не менее важные персоны. Крестница, о которой так заботится Галланд, дочь Симона Ларше, секретаря или писаря (*scribe, escripteur*) университета. Должность эта не отличалась ни особым престижем, ни особой доходностью, однако от нее зависело многое. В условиях поголовной выборности всего университетского руководства, именно секретарь, или, точнее, писарь осуществлял очень важную функцию преемственности; он хранил университетские архивы, вписывал в книги ректора новых членов⁴⁴. Видимо, реальные доходы секретаря университета были немалыми, но обладание информацией и социальными связями стоило еще больше.

В 1540-х годах Пьер Галланд, его брат Гильом, а также его кум Симон Ларше, секретарь университета, организовали компанию по откупу доходов парижского епископа (*revenu et temporel*)⁴⁵. Эта деятельность, начавшаяся во время епископата Жана Дю Белле (покровителя гуманистов и Рабле), не прекращалась до конца жизни Галланда. В этих актах Пьер Галланд назван, кстати, не только королевским лектором, но еще и каноником парижского собора Нотр-Дам.

Одна из сестер Пьера Галланда, упомянутая в завещании Франсуаза, была замужем за Тибо Бессо, парижским купцом и университетским посланником (*messenger juré universitaire*). Как мы помним, они выполняли функции университетских банкиров и обеспечивали связь студентов с той или иной провинцией, осуществляя, как мы бы сейчас сказали, перевод денег. Свояк Галланда именовался в качестве *«присяжного университетского посланника в диоцезе Теруанны»*⁴⁶. Теруанский диоцез включал в себя родные земли Галландов. Вспомним, что один из теруанских каноников был выбран душеприказчиком в первом завещании Галланда. Кстати, и загадочный Жан Бракепот также был назван теруанским каноником. Свершив ряд дарений наследственного имущества в адрес своего шурина Тибо Бессо, Галланд берет у него крупный заем для финансирования реконструкции здания коллегии;

---

⁴⁴ Не случайно первый историк парижского университета, Цезарий Дю Беле, будет занимать именно эту незаметную должность.

⁴⁵ МС. XLIX. 49 *passim* (нотариус — François Crozon).

⁴⁶ Y 97, f. 281v.

причем выплачивать проценты в виде ренты по этому внутрисемейному займу должна была вся коллегия⁴⁷.

В последнем завещании упоминается также и некий Анри Симон. Выяснилось, что он также поддерживал деловые отношения с Галландом. Этот парижский буржуа, который в 1558 г. служил в ведомстве, занимавшемся сборами для нужд фортификации Парижа, конституировал на Пьера Галланда ренту, предоставив заем в 1200 ливров (при выплате 120 ливров ренты). Анри Симон был женат на сестре крестницы Пьера Галланда и дочери Симона Ларше, университетского секретаря. У того было, видимо, в обычае брать себе в кумовья гуманистов — крестником жены Анри Симона был Дора, знаменитый участник Пляды, тесно связанный с коллегией Бонкур.

Таким образом, пред нами безусловно успешный и практичный человек, дружащий как с гуманистами, так и с хозяйственниками, и умевший извлекать выгоду из своей дружбы. Он превратил коллегия Бонкур в свое «семейное предприятие», отстроил здание, что требовало немалой изворотливости, сумев передать руководство ею своему брату Гильому. А после смерти последнего в 1570 г., должность принципала перешла в руки их племянника Жана.

Такое представление об удивительной практичности Пьера Галланда, сложившееся на основании знакомства с его нотариальными актами, нашло дальнейшее подтверждение, когда я расширил круг поисков. Остановимся только на трех важных эпизодах его биографии.

23 июня 1543 года он был избран ректором⁴⁸. Со своими друзьями он предпринял попытку реформировать курс «свободных искусств». Предлагалось сократить его с трех до двух лет. Аргументы Галланда, приведенные в речи его «оратора» (ректор не должен был выступать сам, его озвучивал какой-нибудь из магистров), могли служить манифестом французского гуманизма не в меньшей степени, чем пресловутое «Письмо Гаргантюа». Ректор утверждал, что

---

⁴⁷ 1552, речь шла о займе 1800 ливров при условии выплаты ежегодной ренты в 150 ливров. *Jurgens M. Documents du Minutier Central des notaires de Paris: Ronsard et ses amis. Paris, 1986. N 230.* Купцы, выполнявшие функции «университетского посланника» (*messagère universitaire*) обязывались осуществлять почтовую связь между студентами и их родственниками для того или иного диоцеза. Часто они занимались также и кредитованием студентов. Взамен купцы пользовались юридическими и фискальными привилегиями наравне с другими членами Университетской корпорации.

⁴⁸ Напомню, что ректор избирался из числа магистров искусств сроком на три месяца, соединяя функции руководителя факультета искусств и главы всего университета.

нынешнее улучшение изучения наук и искусств, изобретение и распространение книгопечатания, дают возможность уменьшить срок обучения основам искусств в пользу более углубленных занятий. Факультеты искусств, права и медицины поддержали это предложение. Ему воспротивился, однако, декан теологов, а им был ни кто иной, как Николь Леклерк. Леклерку удалось склонить на свою сторону факультетское большинство. По его словам, сокращение традиционных курсов порождает невежество, которое и есть основная причина лютеровой заразы. Галланда же поддержал канцлер университета (т. е. представитель епископской власти в этой корпорации) Жак Спифам, большой энтузиаст реформирования университетского образования.

Однако сопротивление теологов усиливалось симпатиями влиятельных советников Парламента, обеспокоенных распространением опасных вероучений. Пытаясь сломить оппозицию упрямых богословов, канцлер Спифам попытался провести реформу явочным порядком, сославшись на свою власть номинального главы университета. Это была стратегическая ошибка, так как с давних пор единственным главой университет признавал только своего ректора. И тогда Галланд свершает полный поворот: забыв о реформе, он обрушивается на канцлера, мобилизуя общественное мнение университета против этого узурпатора⁴⁹.

Был ли в том политический расчет ректора, осознавшего, что дальнейшее отстаивание гуманистического проекта сталкивает его с Николем Леклерком, с характером которого мы уже ознакомились, со всей грозной «консервативной партией»⁵⁰ теологов и парламентариев, учитывая, что дело происходило в год публикации Сорбонной статей исповедания веры?

Или же то была вполне естественная реакция ректора, признанного главы университета, возмущенного покушением на его прерогативы, и, следовательно, на авторитет всей корпорации? В любом случае, он умел использовать силу различных солидарностей. В своей речи в честь кардинала Шатийона (1547 г.) он выражает интересы гуманистической части университета и намекает на несправедливые гонения со стороны завистливых «обскурантов»⁵¹.

---

⁴⁹ *Du Boulaeus C. E. Historia universitatis Parisiensis. Paris, 1679 T. 4. P. 381-386.*

⁵⁰ Такой термин предложил Дж. Фэрдж. См. *Farge J. K. Le parti conservateur au XVI siècle: Université et Parlement de Paris à l'époque de la Renaissance et de la Réforme. Paris, 1992.*

⁵¹ *Petri Casteani, magni Franciae eleemosynarii vita auctore P. G. Stephanus Baluzius edidit et notis illustravit. Paris, 1674. P. 34.*

На мой взгляд, во многом именно этой своей речью Галланд способствовал формированию у историков устойчивого представления о противостоянии обскурантов и гуманистов, или, во всяком случае, этой своей речью предоставил хороший материал для подобной концепции.

Однако в своем полемическом труде против Петра Рамуса⁵² он выступает от лица всей корпорации, обрушившись с гневом на опасные новации этого ученого, покусившегося на авторитет самого Аристотеля. На сей раз комиссия суровых теологов во главе все с тем же деканом Леклерком охотно выдала апробацию книге нашего гуманиста, найдя ее «хорошей, католической и против мнения Рамуса» (*bon, catholique et contre l'opinion de Ramus*). Яростная полемика Галланда и Рамуса была увековечена Франсуа Рабле в IV книге «Пантагрюэля». Их баталию прекратить сложнее, чем военные конфликты татар и московитов. По совету Приапа оба спорщика, носящие имя Петр, то есть камень, должны быть обращены в каменные статуи и выставлены в церкви или на паперти Нотр-Дам, чтобы об их носы тушить свечи, факелы и светильники. «Поскольку при жизни они мерзопакостно (*souillonniquement*) разжигали огонь смуты, мерзких диспутов, сект и клик праздных студентов. На вечную память об этих мелких тщеславцах (*souilloniformes*), достойных скорее презрения, нежели приговора»⁵³.

Второй эпизод биографии Галланда связан с инцидентом на лугу Пре-о-Клер в 1557 г. Этот луг был с незапамятных времен в собственности университета и служил для отдыха школяров. Но аббатство Сен-Жермен-де-Пре претендовало на включение значительной части выгона в территорию своей цензивы. Конфликты возникали с XIII в. Но в XVI столетии наступающий со всех сторон город превращал эту землю в лакомый кусок для застройки, что порождало конфликты особой остроты. Один из них разразился в 1546 г. Внешне это выглядело, как и встарь, столкновением между цензитариями аббатства и студентами, однако конфликт на сей раз скрывал в себе и более сложные противоречия. Среди застройщиков, скупивших окрестные участки и

---

⁵² *Petri Galandii* literarum latinarum professoris regii contra nouam academiam Petri Rami oratio. Lutetiae, 1551.

⁵³ Mais que ferons nous de ce Rameau et de ce Galland qui, capparassonnent de leurs marmitons, suppous et aspirateurs, brouillent toute ceste Academie de Paris? J'en suys en grande perplexité. Et n'ay encores resolu quelle part je doibve encliner // *Rabelais F.* Le Quart Livre. Paris, 1967. Prologue. P. 79.

норовивших отрезать землю у школяров, были и доктора университета (среди них, кстати, был и один из племянников Николя Леклерка). По словам самого Галланда, впрочем, не подтвержденным другими источниками, в 1546 году кое-кто в университете пытался свести счеты с корпорацией королевских лекторов, желая переложить вину за студенческие беспорядки на это опасное новшество⁵⁴. Однако в первый раз правительство Франциска I решило дело в пользу университета. Аббат монастыря вынужден был приносить извинения и компенсировать ущерб, хотя им был ни кто иной, как могущественный кардинал де Турнон.

Конфликт 1557 г. оказался для университета куда более опасным. Наложив сразу же запрет на любого рода собрания студентов, Генрих II был возмущен тем, что студенты не только игнорировали королевское распоряжение, но и оказали сопротивление властям. Король велел примерно наказать виновных. 27 мая Пьер Галланд был вызван в Парламент, *«по заявлению исполнителей правосудия»*, как гласил регистр Парламента, *«по поводу неповиновения и оскорблений, выразившихся в кидании камней, горшков и булыжников в сержантов из окон коллегии Бонкур»*. Парламент инкриминировал принципалу тяжкое преступление мятежа. Положение становилось угрожающим, ведь король повелел произвести несколько показательных казней. Защищаясь, университетские деятели, и, в частности, принципалы других коллегий, ссылались на грубое нарушение университетских прав в этом конфликте, или же, в духе правосудия того времени, возбуждали встречный иск, жалуясь на насилия, разрушения и грабежи, чинимые сержантами и судебными исполнителями. Но Галланд применяет совсем иную тактику. *«Он заявил, что эта курия прослыла не только в сем Королевстве, но и среди иноземных наций защитой невинных и борьбой с клеветой»*. Обычно чрезвычайно лаконичный регистр Парламента на сей раз не мог оставить без внимания элегантную похвалу в свой адрес, произнесенную преподавателем красноречия. Далее Галланд отводит показания, сделанные против него гражданским лейтенантом Шатле, *«поскольку тот — его давний враг»*. Это было вполне обычное действие — отвести свидетеля обвинения, но на сей раз осторожный Галланд прекрасно понимал, что Парламент крайне раздражен неуважением к судебным властям со стороны университета и поэтому сразу смягчает свою позицию: *«он не хочет при этом сказать, что тот не является порядочным человеком»*. *«Что же*

---

⁵⁴ Petri Castellani ... vita... P. 53–54.

касается мятежников, которые возмутили студентов, то они желали ему великого зла (*mal immortel*) из-за того, что он не захотел ни взять их сторону, ни поддержать их безумства... Посему он не захотел находиться в конгрегации, чтобы показать, что он не является причиной этого возмущения, но суть покорнейший слуга короля и этой его курии [то есть Парламента]; что же касается его, то он решил удалиться в собор Нотр-Дам и покинуть коллегия»⁵⁵. На сей раз он предпочел идентифицировать себя не как королевского лектора и не как принцепала коллежа и верного сына университета, но как почтенного благонамеренного каноника. И опять он остался в выигрыше — конфликт был в конце концов улажен, а влияние Галланда в университете лишь возросло.

Кстати, былой соперник Галланда, Пьер Рамус, вел себя иначе. Он разразился пространной речью, переведенной на французский⁵⁶ и адресованной королю. Он мотивировал свою позицию королевского лектора: «Я — питомец короля и университета, желаю исполнить свой долг» (кстати, в депутации к королю Рамуса сопровождал и Адриан Турнебеф). Был намечен смелый план преобразований, разбивки регулярного парка на спорной территории и радикальное реформирование университета. Королевская власть, озадачившись проблемами слабой управляемости университета, вызванными его архаичной структурой, по всей видимости, не осталась глуха к этому проекту. Генрих II вообще мечтал о всеобщем упорядочении дел в своем королевстве и создал комиссию по реформированию университета (судя по некоторым признакам, эта реформа должна была быть наподобие той, что осуществил в начале XVII века Генрих IV). В комиссию был введен Рамус, как генератор идей и как человек кардинала Лотарингского. Но возглавил ее никто иной, как дуаен королевских лекторов, Пьер Галланд. И только скорая его болезнь и смерть поставили во главу комиссии Петра Рамуса; проект заглох, столкнувшись с оппозицией докторов и нехваткой государственных средств, страна вступила уже в новую эпоху. А ведь проживи Галланд чуть подольше, он, с его умением манипулировать идентичностями и хозяйственной сметкой, вполне мог бы добиться куда большего успеха.

---

⁵⁵ X1a. 1585. f. 434.

⁵⁶ *Harrange de Pierre de la Ramée touchant ce qu'ont fait les deputez de l'Université de Paris envers le Roy / Mis en latin et en françois*. Paris, 1557.

Но вернемся к еще одному характерному эпизоду биографии Пьера Галланда. Он менял личины, выступая то в роли рупора интересов гуманистической части университета, королевских лекторов, то сторонника всей корпорации, то благонамеренного каноника. Главным для него, видимо, было преуспевание в родной коллегии. И для этого он использовал еще одну роль, роль «пикардийца». Мы уже поняли, что связь с родными краями много значила для Пьера, ведь и каноники теруанского диоцеза, и артуаские родственники упоминались в его актах. Но выходцы из Артуа и диоцеза Теруаны входили в Пикардийское университетское землячество.

В качестве принципала коллегии Бонкур, входящей в «Пикардийскую нацию», он оказался в весьма трудном положении во время нового витка Итальянских войн в 1551–1552 гг., когда значительная часть доходов коллегии была блокирована, оказавшись по ту сторону границы. Это землячество объединяло выходцев из Артуа, Пикардии, Фландрии и иных земель, некогда входивших в состав владений герцогов Бургундских, ныне же в большинстве своем принадлежавших испанским Габсбургам. Напомню, что «нация» избирала должностных лиц, участвовала как юридическое лицо в университетской ассамблее, обладала некоторой недвижимостью. Когда вспыхнула война между Генрихом II и Карлом V, большинство членов «пикардийской нации» покинуло Францию. Но Галланд сумел мобилизовать солидарность этого землячества и даже извлечь некоторую выгоду из ситуации. Он успешно маневрировал, переводя часть имущества пикардийцев на имя своей коллегии, тем самым спасая его от угрозы конфискации. Так, 9 сентября 1551 г. ассамблея «подданных» Пикардийской нации решает отдать Пьеру Галланду в аренду заброшенный дом на улице Фуар и выделить две тысячи ливров на его реконструкцию. На портале дома должны были быть помещены герб пикардийской нации и надпись: «*старые школы Пикардии, или дом господина Буридана*» (les vieilles escolles de Picardie alias Domini Buridani). 2 сентября 1552 г. было заключено соглашение между Пьером Галландом, действовавшим от имени епископа и каноников Терруаны, с мэтром-администратором дома Турнэ⁵⁷, «*попросту называемым коллежем Турне, расположенным близ коллежа Бонкур*», о прекращении процесса в Шатле по поводу претензий терруанцев на коллеж Турнэ на период войны, поскольку

---

⁵⁷ Им в ту пору был Филипп де Ла Монтань, уроженец города Армантьера, долгие годы находившийся в услужении у Эразма.

епископ Терруанский находится в землях императора и держит его сторону. Галланд обещает компенсировать мэтру-администратору убытки в случае возможной конфискации в ходе войны и обязуется оставить калитку со стороны коллежа Бонкур открытой для прохода в Коллеж Турнэ, *«при условии, что жильцы будут жить достойно и в школьной дисциплине»*. В обмен Галланд получает кабинеты, комнаты и залы, примыкающие к дому Турнэ, в пользование на шесть лет⁵⁸.

Тогда же, в апреле 1552 г., коллегии Бонкур потребовалось обратиться в Парламент в связи с двумя вопросами. Нужно было подать апелляцию в Парламент на постановление Шатле, решившего не в пользу коллегии ее спор с владельцем соседнего садика (возможно, именно этот процесс дал основание Галланду видеть в главе суда Шатле своего личного врага.) Но, главное, надлежало обратиться в Парламент, чтобы изыскать необходимые средства для завершения строительства и выплаты старых долгов, поскольку за последние десять лет была занята сумма в 11 тысяч ливров для строительства капеллы, *«с целью показать хороший пример детям и склонить их к молитве»* (умел же Галланд находить нужные слова, обращаясь к ортодоксам из Парламента!) и для строительства рядом с капеллой жилого корпуса с необходимыми службами. Ныне же коллегия испытывает большие трудности, поскольку ее доходы давали земли, лежащие вне королевства.

Действовать надо было быстро, однако сложность состояла в том, что коллегия могла обращаться в Парламент лишь от лица всех своих полноправных членов. Но большинство из них покинуло Париж в связи с войной. Галланд и здесь сумел найти выход. Он разыскал оставшихся в Париже уроженцев Терруанского диоцеза, которые *имели право претендовать на должность принципала коллегии Бонкур, если бы эта должность оказалась вакантной* (*originaires de l'évêché de Thérouanne, et capables de le principauté du collège en cas de vacation*), чтобы они составили поручительство на имя Галланда, дававшее ему право действовать от лица всей коллегии⁵⁹. Среди собравшихся насчитывалось семеро магистров искусств, священник и два каноника Терруанской церкви, проживающие в Париже. Одним из этих каноников и был престарелый Жан Бракепот. Видимо, он обладал достаточным авторитетом в землячестве, чтобы склонить всех прочих принять нужное

---

⁵⁸ *Jurgens M. Op. cit. N 228, 331.*

⁵⁹ *Jurgens M. Op. cit. N 229.*

Галланду решение. Обратим внимание на дату: 26 апреля 1552 г. Через три дня Галланд составит то самое дарение, с которого началось наше знакомство с ним. Теперь нам понятны причины его благодарности Бракепоту, столь умело представленные в акте, как забота о старом канонике.

Думаю, что на сей раз нет даже смысла перечислять все возможные «профиты»: здесь и «изнанка» деятельности гуманистов, и повод для вопроса, который редко кто задает — гуманистические штудии были одним из самых «скоростных» лифтов, ведущих к социальному возвышению. Но для того, чтобы оно было прочным, следовало приложить дополнительные усилия: образованность, талант, эрудиция должны были подкрепляться хорошим «менеджментом», гибкостью.

Выявляются звенья университетской системы, по-разному используемые Галландом: корпорация в целом, ее ассамблея, факультеты, нация, корпорация королевских лекторов, коллегия. Причем основной составляющей университетской жизни, ее основными рамками, стали именно коллегии, которые были практически приватизированными, в данном случае — кланом Галландов.

Казус Галланда может также несколько смягчить привычную историографическую оппозицию: «гуманисты из королевской коллегии против обскурантов из Сорбонны». Помогает он также выявить реальную роль военного конфликта в «национализации» жизни университета. Но есть еще и «улов», полезный для литературоведов. Вряд ли кто-нибудь из комментаторов Рабле осознавал, насколько меткой была характеристика, вскользь данная им Галланду, который «имеет немало экю прекрасных и звонких... любит богатых людей... тонкий и хитрый лис»⁶⁰.

«Скрытая девиантность» цитируемого дарственного акта соответствовала, как кажется, личным чертам Пьера Галланда: умного и ловкого умеренного новатора.

---

⁶⁰ В то время как его антагонист, Петр Рамус, «из числа тех людей, которых любят. Если один хитрый лис, то другой поносит изустно и письменно, лает на древних философов и ораторов аки пес». (Tous deux me semble autrement bons compagnons et bien couilchluz. L'un a des escuz au Soleil; je dis beaulx et tressbuchans; l'autre n'est ignorant. L'un aime les gens de bien; l'autre est des gens de bien aimé. L'un est un fin et cauld renard; l'autre medisant, mesecrivant et abayante contre les antiques Philosophes et Orateurs, comme un chien... *Rabelais F. Le Quart Livre...* Prologue. P. 83.)

Три рассмотренные случая относятся к одному типу дарений по причине старости и составлены университетскими интеллектуалами. Фиксируя то или иное отклонение от нормы, мы предпринимаем дополнительные разыскания, которые подтверждают первоначальное предположение: за необычным, нестандартным актом скрывается неординарная личность или неординарная ситуация. Более того, создается впечатление о некотором стилистическом соответствии человека и составленного им документа. Во всяком случае, все его документы чем-то похожи друг на друга. Но не находимся ли мы под гипнозом университетских титулов наших дарителей? То, что теологи или гуманисты обладают достаточной культурой, чтобы выразить свои мысли самостоятельно, само по себе не является таким уж откровением. Надо проверить наше предположение на других типах источников и для других, возможно, не столь высокообразованных дарителей.

§ 2. Завещание, дарение, ревокация

А. Образцовый Тьерри Дюмонт

Некоторые странности олографического завещания: отсутствие благочестивых формул. — Любовь к “Синим детям”. — Любовь к родной усадьбе. — Фонтаны и мостовые. — Протестант или бюрократ?

Мы уже знаем, что, помимо университетских дарений и дарений, связанных с брачными контрактами, третью по величине группу актов составляли дарения в форме завещаний. Подобно тому, сколь информативным для нас оказался самодельный акт, составленный теологом Жаном Локуэ, весьма интересным показалось мне и завещание Тьерри Дюмонта.

12 мая 1559 г. Катрин Корню, вдова Тьерри Дюмонта, сеньора д’Аси, мэтра прошений Дворца (maotre des Requêtes d’Hôtel), зарегистрировала завещание, написанное собственноручно покойным супругом 7 января того же года и заверенное свидетелями. Такие “олографические” завещания (то есть документы, составленные собственноручно, без помощи нотариуса) сами по себе весьма редко встречаются в XVI в. По данным Пьера Шоню, под руководством которого в 70-е гг. проводилось обследование парижских завещаний, доля таких “самодельных” актов не превышала в указанное время 5% от общего числа. Уже одно это придает документу необычный вид: выдающие его профессию многочисленные латинские цитаты, рассыпанные к месту и не к месту, при нотариальном редактировании скорее всего были бы

устранены. Завещание не слишком длинное, поэтому позволю себе привести его почти полностью:

“Во имя Отца, Сына и Святого духа, не желая, чтобы я, Тьерри Дюмонт, скончался без завещания, я составил и составляю настоящее мое завещание, которым я нижайше прошу моего Создателя per nomen filii in que specie certis salutem ne intres in iudicium tecum que servis inutile et peccator sum maxime. Но да будет ему угодно даровать мне отпущение прощение моих грехов. Я хочу, чтобы Жану Барре, моему отцу-кормильцу (mon pere pourrisier) выдавалось бы в течение его жизни 6 сетье пшеницы и три меры вина по половине ке (que), 300 вязанок хвороста и 20 парижских ливров для его содержания⁶¹.

Далее (item) я даю детям госпиталя Троицы (зачеркнуто: “детям Троицы”) 400 ливров ренты из тех, что я имею на Парижскую ратушу, чтобы они были использованы на поддержание ремесел, а не иначе, резервируя узуфрукт tibi et uxori. А в случае, если ремесла не будут поддерживаться, я желаю, чтобы душеприказчик данного завещания оные четыреста ливров (ренты) продал бы и деньги пошли бы на благотворительные дела (oeuvres pitoyables).

Господину де Вокаблею, моему кузену я жалую 200 ливров ренты, конституированной на указанную Ратушу, чтобы они были его собственностью, и резервирую узуфрукт, как было сказано выше. Сверх того я оставляю ему узуфрукт половины замка д’Аси, нижний двор и сад ut ille spatium liceat в пределах всей ограды по его желанию так, что господин [пропуск] будет там жить и моя жена также. Я даю мадмуазель де Лонгей, моей племяннице, 1500 золотых эю-солей, которые она получит после моей смерти и смерти моей жены с моей собственностью с обязательством не претендовать более на мое наследство... Я желаю, чтобы взаимное дарение Inter uxorem не теряло своей силы neque cautionem ab ei nisi juratam prestari volo. Я оставляю жителям деревни д’Аси двадцать ливров земельной ренты из тех, что я там приобрел, при условии, что они обяжутся поддерживать вымостку имеющихся там ныне дорог. Я дарую господину Фруадвалю, моему воспитателю, золоченый кубок с крышкой, из коего я привык пить. По поводу

---

⁶¹ Здесь это, видимо, муж кормилицы, дядька-воспитатель, явно деревенский житель крестьянского типа. Удивляет исчисление суммы в парижских ливрах — они были достаточно архаичны в тот период. Так исчислялись какие-нибудь старинные виды платежей, фиксированных в давние времена, вроде цензов и старинных рент.) “Ке” (квесталы) — мера жидкости, равная примерно 220 литрам.

моей могилы я хочу, чтобы мое тело было предано земле в церкви Фонтанне-ле-Нонэн подле моего деда. И им [церкви?] дарую 20 турских ливров земельной ренты, принадлежащей мне в деревне Аси из моих приобретений. Я дарую Мари Корню, кузине моей жены, все деньги, что должны остались мне ее отец и мать...

Я выбрал и назначил в качестве душеприказчика по настоящему завещанию господина де Вокаблея, моего кузена со стороны жены, коему я подчиняю все мое имущество для исполнения оногo (завещания) и каковое я оплатил, дабы он сделал все так, как я бы сделал в подобном случае. Составлено в Париже в седьмой день января 1558⁶² под моей подписью и печатью.

И ниже подписано: Дюмонт.

И еще ниже: *approbo de ma femme approbo et reliqua et scelle en plaquet* и запечатано красным воском.

По форме *codicille* — дополнения к завещанию и без ущерба для предыдущего завещания, которое я желаю оставить в силе. Я завещаю месье де Фруадмонту *quotannis quandium viveret* две меры вина Аи, поставляемые в его погреб. Мадмуазель де Вокаблей, моей кузине, 50 экю, Лиро — 50 экю, чтобы помочь ему в расходах, кои ему надлежит понести, *quando promotebitur ad sacrum presbyteratus ordinem*, если ему их не хватит, сверх чего я ему оставляю и 60 ливров пожизненной ренты на все мое имущество..., чтобы он взимал эту ренту собственноручно. Грослату я оставляю 75 ливров, чтобы его содержать, что составит по 25 ливров в год. Коттону — то, что ему понадобится, чтобы войти в ремесло и по истечении срока, чтобы он был доставлен назад в Орлеан и отдан своей матери.

Составлено в Париже”.

Во всем этом, на первый взгляд, мало удивительного. Дарения многих парижских офисье свидетельствовали об озабоченности их загородными именьями, увлечении виноделием, содержали упоминания о муниципальных рентах (их жаловали тем охотнее, что они распространялись среди чиновников “на добровольно-принудительной основе”, а после банкротства Большой компании (*Grande Partie*) их доходность начала стремительно падать). Не удивляет также обилие канцеляризов и перемежающие французскую речь латинские фразы. Странно другое: отсутствие благочестивых формул, абсолютно необходимых в любом завещании. Нет никаких обязательных раздач

---

⁶² Арабскими цифрами.

бедным на помин души, нет непременных указаний на желаемый характер погребального обряда и поминальных служб. Помогая каким-то людям, чей статус был явно ниже его собственного, Дюмонт не оговаривает столь привычного для того времени обязательства молиться за душу благодетеля. Парижские чиновники достаточно часто помогали сиротским приютам, но при этом ставили условием молиться за дарителя и заказывать мессы. Почему же всему этому Дюмонт предпочитает заботы о производственном обучении и “урбанизации” деревни, входящей в его сеньорию? Что стоит за общим впечатлением об удивительно “сухом” характере завещания?

Дюмонт был родом из старой парижской чиновной фамилии. Взлет его карьеры начинается в середине 40-х годов, когда он в 1544 г. по инициативе короля стал советником Парламента, сохранив за собой и прежнюю должность в Курии косвенных сборов. Король мотивировал это назначение “*наплывом дел*”⁶³ — такая формулировка употреблялась, когда в Парламент проводились королевские протезе. Дюмонт упоминается в составе разных комиссий (в частности, он был командирован Генрихом II в Гиень после восстания в Бордо 1547 г.), ему поручались дела, связанные с решениями проблем парижского муниципалитета: раскладка налогов, отчуждение королевских зданий⁶⁴, проверка муниципальной отчетности, фортификационные работы⁶⁵. Полученная в 1554 г. должность мэтра прошений Дворца означала нечто вроде должности чиновника по особым поручениям. Причем его “профилем” была муниципальная политика.

В том же году он получил задание, связанное с управлением приютом Троицы. Патронат над сиротскими домами был важной составной частью великого культурного проекта ренессансной монархии, желающей явить пример создания “нового человека”, необходимого для достижения всеобщей гармонии — то скрытой, то явной цели Франциска I и его наследника Генриха II. Госпиталь Святой Троицы, иначе именуемый госпиталем “*синих детей*”, названных так по плащам, выдаваемых сиротам, призван был обучать подкидышей и сирот ремеслу. Впрочем, госпиталь не справлялся с функцией “Дома малютки”, и с

---

⁶³ *Maugis E.* Histoire du Parlement de Paris. Paris, 1913. Т. 1. P. 164.

⁶⁴ С февраля 1548 г. Дюмонт работал в комиссии по продаже и сдаче в аренду под застройку пустующих участков Парижского рынка — Halles (X1a. 8616, f. 81v–83).

⁶⁵ *Registre des Dйlibйrations du Bureau de la Ville de Paris* (??лее — RDBVP). Т. 3. P. 61. Т. 4. P. 359–360; *Catalogue des actes d’Henri II*. Paris, 1979–1990. Т. 3. 07. 17. 2.

1545 г. туда начали брать лишь детей, “вышедших из первого возраста”. Ремеслу там начинали обучать с семи лет. Часть детей работала в мастерских госпиталя, производя товары на продажу, часть отдавали в город в обучение мастерам. К 1545 г. число учеников оценивалось в 300-400 человек. Репутация у учеников была дурная из-за нарушения ими цеховых предписаний и из-за их склонности к побегам и мелкому воровству. В 1549 г. постановление Парламента запрещало родственникам или знакомым забирать детей из госпиталя-интерната.

Король предпринял широкомасштабную попытку преобразования этого учреждения. По его замыслу, госпиталь Троицы должен был стать образцовым образовательным учреждением закрытого типа, формирующим мастеров высокой квалификации, специалистов по ковроткачеству, золотошвейному делу, шелкоткачеству⁶⁶. Чтобы предотвратить текучесть кадров, королевский эдикт от 12 декабря 1553 г. сулил немалые льготы ремесленникам, сотрудничавшим с госпиталем Троицы — мастерам разрешали в обход уставов брать лишних учеников, а подмастерьям гарантировалось облегченное получение метризы (без шедевра и без организации обязательного дорогостоящего банкета). На деле реализация этого красивого плана была чрезвычайно затруднена: дети часто убегали, квалифицированных мастеров из учеников не получалось. Обеспокоенные цеховые мастера бойкотировали преподавателей Госпиталя и, судя по документам, грозили им расправой. А в 1557 г. королю пришлось выделять специальных сержантов для поиска беглых воспитанников из числа “*синих детей*”. В своем завещании Дюмонт имел все основания опасаться за правильность расходования сумм, выделенных на столь важное и столь сложное дело.

Затевая реконструкцию госпиталя Троицы, король проявил озабоченность соседством госпиталя с кладбищем, где хоронили “*бедных больных, умерших в Отель-Дьё*” (Божьем доме); особую тревогу вызывали захоронения больных, умерших в результате эпидемий. Естественно, что детей надлежало защитить от разного рода заразы, как моральной, так и физической. Показательно в этом отношении дарение коллеги Дюмонта Жана Эннекена, советника Палаты прошений (представителя одного из самых древних парижских чиновных кланов), который распорядился производить регулярное богослужение в том же

---

⁶⁶ *Babelon P.* Nouvelle histoire de Paris. Paris, 1987. P. 151, 186–189.

госпитале Троицы, *“где находятся малые дети, чтобы предохранить их от опасности стать лютеранами”*⁶⁷.

В марте 1555 г. король поручает Тьерри Дюмонту важную, но деликатную задачу: обеспечить перенесение кладбища и расширение госпиталя, не обременяя при этом королевскую казну, полностью перенеся расходы на счет городского бюджета. Муниципалитет (Городское Бюро) всеми силами противился этому, ссылаясь и на нехватку средств, и на опасности предлагаемого королевским распоряжением проекта, согласно которому кладбище предлагалось перенести на один из островов Сены, ниже по течению, и впредь хоронить больных там⁶⁸.

Дело затягивалось. Король настаивал на полномочиях Дюмонта, муниципалитет выдвигал многочисленные возражения и предлагал встречные варианты. Для нас примечательно, что одним из доводов горожан был отвод кандидатуры Тьерри Дюмонта: *“И что не справедливо, чтобы Дюмонт, являющийся одним из правителей госпиталя, занимался этим делом, принимая решения (“информируя” — informe) об удобстве или неудобстве, ибо тогда он будет и судьей, и одной из сторон”*⁶⁹.

Таким образом, выясняется, что наш герой уже давно был связан с госпиталем *“синих детей”*. В 1552 г. вдова пристава королевской Канцелярии совершает богатое дарение (несколько парижских домов и рент) в адрес госпиталя Троицы, представленной советником Парламента и прошений Дворца Тьерри Дюмонтом, *“отряженным Курией для надзора за указанными детьми, заботами и делами указанного госпиталя”*⁷⁰.

В том же акте назван и другой его коллега по управлению госпиталем — некий Гийом Ларше, секретарь суда в Мо. Вполне возможно, что основание этого госпиталя было как-то связано с епархией Мо, откуда и происходил род Тьерри

---

⁶⁷ Y 94, f. 135v.

⁶⁸ RDBVP. Т. 4. Р. 117.

⁶⁹ RDBVP. Т. 4. Р. 399–400.

⁷⁰ commis par la Court pour avoir esgard sur les dictz enfans, nйgoces et affaires dudict hospital. Y 97, f. 9. 13 января 1557(6) г. попечители госпиталя, среди которых назван и Тьерри Дюмонт принимают решение о переносе кладбища и принимают постановление ходатайствовать перед муниципалитетом о выделении соответствующего места. Этот нотариальный акт являет собой своего рода генеральную доверенность, уполномочивающую попечителей действовать от лица госпиталя. МС. XX. 32 (13.01.1556(7)).

Дюмонта⁷¹. В таком случае, его пристрастие к этому госпиталю могло быть следствием его верности узам землячества, подобно тому, как радение Галланда о коллегии Бонкур было следствием его пикардийского происхождения. Мне удалось отыскать дюжину актов Дюмонта, относящихся к различным имуществам и людям в окрестностях Мо и в Крепи-ан-Валуа.

Приверженность идее реконструкции госпиталя “*синих детей*” отнюдь не была формальным следованием королевскому приказу: среди минут нотариальной конторы, где хранились документы Дюмонта, нашелся и акт, во многом дополняющий информацию регистров Парижского муниципалитета. Пересказывая историю с переносом кладбища, Дюмонт, от лица прочих управляющих госпиталя, сообщает, что они готовы начать работы, оплачивая их из своего кармана, не дожидаясь поступления средств со стороны муниципалитета. Оставалось лишь определить точное место, на которое могло бы быть перенесено кладбище.

Не удивительно, что судьбы “*синих детей*” продолжали волновать его даже на смертном одре.

Но разногласия не омрачили его отношений с городом. 6 мая 1558 г. муниципалитет принимает любопытное решение: “*учитывая любезности, оказанные господином Дюмонтом этому городу и согласно его просьбе*”, начальнику городской артиллерии переписывалось выдать ему “*три фальконета и два аркебуза с курками (harquebouzes a croq)... для защиты его дома в Аси...*”⁷². Ничего подобного в муниципальных регистрах ранее не встречалось. Попытки Дюмонта защитить таким образом свою горячо любимую сеньорию (на благоустройство которой он оставлял средства в своем завещании) от императорских солдат после битвы при Сен-Кантене выглядят поэтому весьма эксцентрично. Впрочем, если в мае он хотел еще воевать, то с осени уже ощущал приближение смерти. Совместно со своей женой он в ноябре регистрирует в Шатле их взаимное дарение, составленное двумя годами ранее (оно упоминалось в завещании). Характерно, что, как и в завещании, в этом

---

⁷¹ Etchehoury M. Les maotres des requktes de l’Hфtel du Roi sous les derniers Valos. Paris, 1987. P. 475. О его связях с этими местами говорят его акты: Y 94, f. 228; MC. XX. 22 (15.01.1549); MC. XX. 23. P. XXVI, XXVII, XXIIIv., XXIX.

⁷² AN. X1a. 1579. f. 174. 198v.

документе отсутствуют благочестивые сентенции, бывшие хоть и формальной, но практически неотъемлемой частью этого типа актов⁷³.

Дюмонт торопился. В декабре он резигнирует (то есть отчуждает или, попросту говоря, продает) свою должность мэтра прошений королевского дворца в пользу некоего Рене де Бурнефа (Rene de Bourgneuf)⁷⁴. В том же месяце, 20 декабря 1558 г., он составляет дарственную Парижской женской обители “Ave Maria”. Но и в этом, уже явно предсмертном, дарении он остается верен себе: никаких благочестивых формул, никаких привычных для такого акта месс за помин души. Обители передаются 20 ливров муниципальной ренты. Причина дарения — *“нежелание присваивать себе то, что не принадлежит по праву”*. Возможно, он считал обещанные по займам проценты неканоничными: в конце войны правительство лихорадочно пыталось организовать новые займы под баснословные проценты, принудительно распространяя их среди чиновников⁷⁵. Но Дюмонт, как и в завещании, озабочен “урбанистическими” проектами — *“учитывая особое доверие, питаемое к монахиням”*, ренты предназначены для того, *“чтобы платить смотрителю фонтанов (le fontanier) для содержания некоторых фонтанов города Парижа и для осуществления необходимых работ”*⁷⁶.

Не следует ли из подобного нотариального поведения вывод о тайной приверженности Дюмонта протестантизму?

Пьер Шоню отмечает, что во второй половине XVI в. 29% мужских и 17% женских завещаний из обследованной им выборки не содержат упоминаний о заупокойных мессах. Из них только 7% и 4% соответственно приходятся на долю заведомых протестантов. Почему остальные не проявляют заботу о, казалось бы, столь важной проблеме как пребывание души в Чистилище, остается для Шоню загадкой. Это может указывать, по его мнению, и на высокую степень доверия к наследникам, когда ясно, что мессы будут и так отслужены, и на предварительное соглашение с душеприказчиком, и, наконец, на крайнюю бедность завещателя⁷⁷. Думается, что ни одно из этих трех

---

⁷³ Y 97, f. 220v.

⁷⁴ Maugis E. Op. cit. P. 21 Он, правда, ошибочно дает дату смерти Дюмонта (1564 г.).

⁷⁵ Schnapper B. Les rentes au XVIe siècle: Histoire d'un instrument de crédit. Paris, 1957. P. 160.

⁷⁶ MS. XX. 32.

⁷⁷ Chaunu P. La Mort a Paris: XVIe, XVIIe et XVIIIe / Avec la collaboration d'A. Pardaihi-Galabrun et al. Paris, 1978. P. 289.

предположений в данном случае не подходит. Ведь Дюмонт возвел такую практику в систему. Но видеть в нем “твердокаменного” протестанта тоже необоснованно. Ведь он *“питает доверие”* к монахиням, а одного из своих протеже желает видеть достигшим *“святых чинов духовенства”*. Впрочем, наверное, вряд ли оправданно переносить реалии Религиозных войн на предшествующий период. Дюмонт мог пока вполне органично оставаться в лоне католицизма и сомневаться в спиритуальной ценности заупокойных месс, как и иных “добрых дел”.

В первую очередь он — образцовый администратор, при всем своем практицизме увлеченный идеями ренессансной монархии: преобразованием городской среды, воспитанием гармоничного человека. Уникальность его завещания в значительной мере продиктована его стилем поведения, индивидуальными чертами, проявляемыми во всей его деятельности, его прагматизмом, рационализмом, упорством в достижении цели. Были бы у него дети, эти черты в завещании не столь бросались бы в глаза. Но ведь они присутствуют и в других его актах. Он верен себе, оставаясь отличным от других. Но неповторимые черты актов Дюмонта оттеняли его социокультурную идентичность, придавая ему свойства образца для своей социальной группы. Не случайно существует мнение, что в правление Генриха II впервые появляется институт, который получит свое полное завершение при Ришелье и Людовике XIV, институт королевских интендантов. Дюмонт, наверное, был из числа тех королевских “порученцев”, на которых Генрих II мог полностью положиться в выполнении своих амбициозных планов переустройства всего королевства.

Б. Предусмотрительный Жан Пилер

“Раздельный акт” 1539 г. и его уточнение 1548 г. — Дети от двух браков и “проектное мышление”. — Еще одно “олографическое” завещание. — Собственные похороны: простота и скромность. — Благотворительность на практике: вдовий дом и его насельницы. — Раздача бедным как пугало для наследников. — Отношения с детьми: подстраховка на случай неблагоприятного исхода событий. — Особый стиль нотариального поведения. — Урожай “профитов” — Откуда берется оригинальность в нотариальном акте?

Адвокат Парижского парламента Жан Пилер (вариант написания — Ле Пилер) в 1539 г. зарегистрировал дарственную своим детям от второго брака. По сути дела, речь шла о разделе имущества: адвокат стремился защитить интересы своих младших детей. Поэтому значительную часть своего имущества, которое, согласно кутюме, должно было бы быть разделено поровну между всеми детьми, он, не дожидаясь смерти, дарит младшим, стремясь обезопасить их от притязаний старших, которые, с его точки зрения, и так уже достаточно обеспечены. Подобных актов в регистре Шатле немало, но мой интерес к его персоне вызвала особо колоритная мотивация дарения. *“По причине того, что наш Господь Бог даровал ему с Томассой Понсе, его первой женой, и Денизой дю Троншон, его нынешней женой, большое число детей”*, он занялся переделом наследства. Дети от первого брака, по его словам, уже хорошо устроены: одних дочерей он отправил в монастырь, других выдал замуж, выделив им имущества больше, чем та доля, которая причиталась им из материнского наследства. Сыновья же либо содержатся в школах, либо отданы в учение к прокурорам и Пилер *“выплачивает за них пенсион, чтобы ввести их в (профессию стряпчих), ознакомить их с судейской практикой, дабы они в будущем имели средства к существованию”*. Но мэтр Жан опасается, что, несмотря на все благодеяния, оказанные им его детям, по поводу раздела его наследства возникнут неизбежные ссоры. *“Из-за подобных случаев уже многие могущественные, богатые и влиятельные дома пришли в ничтожество, и дети стали вынуждены добывать себе хлеб милостыней, растратив все имущество на ведение процессов, питая вечные беспокойства и гнев друг против друга”*. Дав эту мрачную экспозицию, Пилер моделирует вполне конкретную ситуацию: *“... его названные дети от второго брака совсем малы, не смогут помочь друг другу и, прежде чем будут выращены, уже растратят свое имущество в тяжбах и процессах, в которых они не смогут совладать с детьми от первого брака, породнившимися со стряпчими и способными получить многие выгоды, каковых не имеют дети от второго брака”*. Принимая во внимание эти соображения, Жан Пилер совершает дарение многочисленных своих парижских домов, рент и участков земли в пригородах. Дарение обставляется юридически очень грамотно: ему предшествует документ об эмансипации детей, что делает несовершеннолетних правоспособными. Свидетелем сделки становится особый куратор из числа прокуроров Парижского Шатле, выделенный правосудием, чтобы представлять интересы несовершеннолетних детей. В дарении

оговаривается, что Жан Пилер и его супруга, Дениза де Торшон, сохраняют права узурфрукта на передаваемое имущество, причем адвокат сохранял за собой право закладывать на условиях ипотеки имущество на сумму до 1200 ливров. Дети же не имели такого права. А если бы они попытались это сделать, то данное дарение было бы аннулировано. При этом оговариваются обязательства детей по продолжению благочестивых деяний, начатых еще матерью Пилера: раздача хлеба и вина бедным, регулярное чтение месс и прочие обязательства. Дарение было составлено в конторе нотариусов Мопу и Бастоно 23 мая 1539 г. Регистрация же была осуществлена несколько позже, 3 марта 1540 г.⁷⁸, мэтром Флореном Пиро, тем самым куратором детей, который был назначен правосудием. Не будем делать вывода о беспечности адвоката Пилера, затянувшего регистрацию столь важного дарения, напомним, что сам “регистр инсинуаций” Шатле начали вести только с осени 1539 г.

В этом акте не называются имена детей, что весьма нехарактерно для документов подобного рода. Но мы можем получить кое-какую информацию о детях Пилера от первого брака из некоего дарения, зарегистрированного 17 августа 1546 г. Мэтр Жан Пилер-младший, проживающий в городе Флоранс, что в сенешальстве Тулузском, посетив Париж, “заявляет о дарении мэтру Мишелю Ле Пилеру, своему брату, стряпчему Парижского Шатле, всех своих прав на имущество, причитавшееся ему после кончины покойной Мадлен Ле Пилер, их сестры, при жизни монахини”⁷⁹. Брат-стряпчий аккуратно зарегистрировал это дарение уже на следующий день, 18 августа 1546 г. Таким образом, хотя бы часть планов Жана Пилера сбылась: его сыновья “вошли в профессию” судейских.

В 1548 г. адвокат уточняет некоторые статьи дарения 1539 г. В своем новом акте он отказывается от той статьи, в которой ранее резервировал за собой возможность поместить под ипотеку имущество на сумму до 1200 ливров, “так как он говорит, что закончил свои дела и что его решение таково, чтобы с Божьей помощью более ничего не закладывать и помещать под ипотеку”. Также он, в дополнение к многочисленной недвижимости в Париже, передает детям еще один дом в тупичке, выходящем на улицу Кенканпуа, примыкающий к дому “Оловянного горшка”, который ранее принадлежал Нивуазенам⁸⁰. Этот

---

⁷⁸ Y 86, f. 115v.

⁷⁹ Y 92, f. 67.

⁸⁰ Y 93, f. 346.

запоминающийся домовый знак “оловянного горшка” встретился мне в другом акте, составленном год спустя: в своем дарении некий крестьянин Жан Дусе упоминает дом на улице Кенканпуа, “где висит обычно оловянный горшок”, дом, по поводу которого ведется процесс в Шатле, ввиду узурпации его Жаном Пилером⁸¹. Таким образом, наш адвокат остается весьма активным и продолжает округлять свои городские владения, порой достаточно спорными методами.

И тем не менее акт 1548 г., в котором Пилер говорит о завершении своих дел с Божьей помощью, можно назвать знаковым. Этот акт был составлен 3 марта 1548 г., и тем же числом датировано завещание адвоката. Мне посчастливилось отыскать его текст в минутах конторы нотариуса Жака Жуайе. Судя по всему, его составлял сам Жан Пилер. Во всяком случае, этот документ представляет собой отдельную тетрадку, подшитую к связке минут, и исписанную мелким, вполне читаемым почерком, совершенно не похожим на все те, которые встречались в данной связке. Нотариальный почерк встречается лишь на полях этой десятистраничной тетради⁸². Скорее всего, документ был составлен самим адвокатом, а затем принесен в нотариальную контору, наподобие того, как это было сделано теологом Жаном Локуэ. То есть, в сущности, мы имеем дело с еще одним “олографическим” завещанием.

Этот объемный документ начинается словами, хоть и не вполне обычными для преамбулы завещания, но весьма далекими от лапидарности фраз Тьерри Дюмонта:

“Я, Жан Пилер, беднейший грешник, часто думая, что никакой смертный человек не может спастись или избежать прав смерти, но, напротив, что все приближает его тело к ней, и учитывая также кратковременность жизни и ее переходящий характер, и что после кончины он хочет с Божьей помощью подняться в Царствие небесное; здоровый телом и мыслью, находясь в стадии выздоровления, я сделал заявление о своей последней воле”. Поддавшись пафосу, Пилер явно что-то напутал с местоимениями, и его следующая его фраза может

---

⁸¹ Y 94, f. 229.

⁸² Начальная маргиналия гласила: “В присутствии Рене Лестеля и Жака Жуайе лично предстал благородный человек, мудрый метр Жан Пилер, адвокат в Парламенте, здоровый умом и телом и в полном разумении и не в болезни, как показалось указанным нотариусам, каковой сказал и заявил указанным нотариусам, что он велел составить свое завещание и изъявление своей последней воли, каковое он отнес указанным нотариусам”. Зачеркнуто: “подписанное собственноручно, содержание коего следующее”.

также показаться нам тавтологичной: *“По обычаю древних отцов и по примеру благочестивой доктрины, я делаю сие настоящее распоряжение согласно своей последней и завещательной воле, как следует ниже*⁸³:

во-первых, я вручаю свою душу Богу, каковую ему было угодно создать бессмертной и выкупить и защитить от врага, а в будущем спасти, в чем я надеюсь на Него и на Его прославленную мать, деву Марию, заступницу (advocate) и убежище для бедных грешников,

затем, я хочу и постановляю, чтобы мои долги все были выплачены, и мои штрафы... (здесь Пилер оставляет без продолжения эту ритуальную фразу),

затем, чтобы после моей кончины мое тело находилось бы в церкви, а после службы и произнесенных месс было бы полностью положено в могилу моих покойных отца и матери, их потомков и иных моих родственников, похороненных на кладбище Невинноубиенных в двадцатом склепе (charniers), считая от большого портала этого кладбища, находящегося на улице Сен-Дени, в сторону от других ворот, выходящих в сторону де ля Пляс-о-Шат [Кошачью площадь],

затем, моему погребению быть такому, как у бедного человека, без всякого кольца свечей и прочего освещения вокруг тела, без представления [видимо, портретное изображение покойника]; за исключением лишь двух свечей, которые будут зажжены на алтаре во время погребальной службы и двух факелов со стороны креста, которые будут нестись, сопровождая крест при моем погребении и обратно до церкви, откуда был взят этот крест. А если возникнет спор с кюре или викариями, которые будут возражать, то я не желаю, чтобы на моем погребении и во время погребальной службы зажигались бы иные свечи, кроме четырех малых. А также не желаю никакого шума плакальщиков и не желаю, чтобы устраивались поминки, как водится согласно обычаю, потому что такая помпа при похоронах и погребениях нужна лишь живым и не идет на пользу душам бедных покойников”. Как видим, Жан Пилер, так же, как и Дюмонт, не жалуется на заупокойную мессу, но делает это не по каким-то “реформационным” соображениям, а из общей подозрительности и недоверия к моральным качествам тех, кто обычно выступает в качестве плакальщиков и богомольцев. Как мы увидим в дальнейшем, он имел большой опыт общения с этой публикой. К тому же, отношения со своим приходским священником у Пилера также не были безоблачными, на что указывает

---

⁸³ MS. CX. 37. f. 1 (03.03.1548).

продолжение текста завещания, где он жалует половину эюю своему кюре за то, чтобы он осуществлял контроль (визитацию) за ходом всего похоронного обряда. Но если кюре будет участвовать в процессии лично и сам служить последнюю мессу, то получит только то, что полагается по обычаю. Впрочем, общине церкви Сен-Мерри *“чьим прихожанином я был более всего”*, также отводится пол-эюю.

“Далее, я хочу, чтобы для всех моих квартирантов и квартиранток, плательщиков рент и цензитариев, которые проживают в этом городе Париже, и будут присутствовать на моей погребальной службе и на мессах... было бы сбавлено по четыре парижских или турецких су с их платежей после моих похорон, но только единожды, на один срок”. А каждому из оставшихся его должников, платящим ренту, он готов “простить” однократную выплату из всех причитавшихся, не уменьшая основной суммы долга, с тем, чтобы они молили Бога за благодетеля.

Далее он обращается к *“преподобным матерям аббатисам или приорам и монахиням”* того монастыря, где монашествовали его дочери — сестры Пилер: Женестьева, Клода и Антуанетта. Помимо обычных служб, которые устраиваются, когда умирают отцы или матери монахинь, на кладбище при монастырской церкви надлежит *“прочитать и отслужить достойным образом высокую мессу-реквием с поминовением усопших, вигилес, лаудес, рекомандер (vigiles, laudes, recomander), на которых будут присутствовать все монахини, и для этого каждой из них будет уплачено по 15 су за службу и по 20 су, чтобы иметь что-нибудь к обеду сверх их обычной еды”*. Затем на протяжении года со дня смерти, по замыслу Пилера, еженедельно должна будет свершаться малая месса-реквием, на что им выделяется 3 турецких су в год, а затем эта месса должна будет повторяться ежегодно. Эти мессы должны читать Женестьева, Клода и Антуанетта или те монахини, которым будет поручена эта миссия в случае смерти дочерей Пилера. Своим дочерям-монахиням он выделяет пожизненный пенсион в размере по 25 су в год, *“чтобы молили Бога за меня”*. Эти деньги должны использоваться на их нужды и частные денежные расходы и выплачиваться ежегодно в Париже в день повиновения мертвых. Но недоверчивый Пилер остается верен себе: *“Я не хочу, чтобы их обители брали бы и присваивали что-либо для монастыря, но оговариваю, что указанные 25 су должны идти на мелкие расходы сверх обычных средств, выделяемых*

монастырем на их содержание. А если будет сделано иначе, то пусть ничего не будет выплачиваться”.

Следующая проблема, оговоренная в завещании, заключалась в *“милостыне — большом сером хлебе и кварте вина, которые моя покойная мать имела обыкновение раздавать бедным каждое воскресенье, и что продолжаю делать я”*, а также в другой милостыне, которая время от времени раздавалась бедным заключенным. Но король запретил подавать бедным, которые побираются по домам. Речь шла о серии ордонансов Франциска I, которые в историографии часто сравнивают с тюдоровским законодательством, направленным против бродяг и нищих. *“С тех пор я продолжал, — пишет Пилер, — поступать, как и моя мать, подавая беднякам, которые приходили по воскресеньям просить под мои ворота, и иногда еще и сейчас делаю так”*. Но в этом противостоянии королевского указа и незапамятного обычая адвокат решается, наконец, поставить точку: *“Каковую милостыню я перенес на содержание и проведение большого ремонта дома и хозяйственных построек на улице Гарнель в Париже, в каком-то доме мой покойный отец и мать поселили и содержали бедных старых вдов”*. И далее Пилер в своем завещании уделяет особое внимание этому хлопотному делу.

Адвокат рассказывает, как после кончины родителей он продолжал содержать это учреждение, указывая на конкретную цель его существования: *“Для поддержания двух месс, которые имеют обыкновение служить в обители Раскаявшихся дев, одну на следующий день после праздника святого Иоанна Крестителя, а другую после праздника святого Симона и святого Иуды. Каковые вдовы должны при сем присутствовать, и я всегда платил им по 10 турецких су, так как указанные вдовы бедны, и вследствие моей доброй к ним любви и милосердия, но вовсе не потому, что я обязан или обещал им это делать”*.

Учитывая, что вдовый дом вскоре будет нуждаться в ремонте, Пилер учреждает ренту в 10 ливров, которые должны выплачивать его дети от второго брака — эти деньги, по замыслу завещателя, должны скапливаться в сундуке *“о двух замках”*, хранящемся во вдовьем доме; ключ от одного замка должен был находиться у самой старой из живущих в доме вдов, а второй ключ *“будет иметь тот из моих детей или кто-нибудь, действующий от их имени, кто будет наделен правом распределять комнаты”*. Из этих 10 ливров ренты должна будет выделяться милостыня тем вдовам, которые будут пребывать в

болезни, для организации ухода за ними, либо для тех, кто по старости лишится возможности ходить и обходиться без посторонней помощи и при этом не будет включен “в список бедных прихода Сент-Эташ, прихожанками которого они являются”, в таком случае они будут получать помощь в размере 4 ливров. Если же вдовы “не будут указанного состояния, то эта сумма в 4 ливра будет роздана в милостыню в ящик для бедных указанного прихода Сен-Эташ и раздаема указанным бедным ежегодно и постоянно на четыре годовых праздника, коими являются Пасха, Пятидесятница, День Всех Святых и Рождество, на каждый из указанных праздников по равным частям и каждый раз по 20 су”. Также выделяется по 10 су для оплаты двух ежегодных месс, которые вдовы должны совместно заказывать “в указанном доме накануне праздника Королей, чтобы поддержать дружбу и братство между ними и каждой с каждой без того, чтобы разделять между ними указанные 10 су, как они привыкли делать, когда им дают какие-нибудь деньги”. Пилер остается верен себе и предполагает развитие событий по наихудшему варианту: “а если указанные вдовы будут поступать противоположным образом, и если они не будут собираться и ужинать вместе накануне праздника Королей (вставка на полях: И ЕСЛИ ХОТЬ ОДНА ИЗ НИХ БУДЕТ ОТСУТСТВОВАТЬ), то в этом случае я хочу и постановляю, чтобы указанные 10 су на следующий день после указанного праздника Королей вышеназванным патроном или тем, кто будет этим заниматься”, раздавались бы всем бедным, которых найдут у ворот церкви Сент-Эташ. “Оставшиеся 100 су помимо указанной суммы в 10 ливров, пусть пребывают в указанном сундуке, чтобы использоваться тем из моих детей, кто будет их патроном, на поддержание и содержание ремонтных работ в указанном доме по мере надобности”.

Адвокат отдает дополнительные распоряжения относительно стройматериалов (garnier) для вдовьего дома. Тому, “кто будет иметь достаточное благочестие, чтобы организовать работы”, надо зарезервировать остаток этих досок (каждая длиной от семи с половиной футов), для четырех комнат. “И пусть указанные материалы для названных комнат служат тому или тем из вышеназванных моих детей, которые будут владеть этим домом... без того, чтобы мои дети при использовании названного материала были бы принуждены платить что-либо..., если только не надо будет чинить крышу, что они (дети) обязаны делать на свои средства”. Пилер стремится избежать всякой двусмысленности, расставляя точки над *i*. Он

прекрасно понимает, как единичный акт превращается в обычай, и, следовательно, может стать институцией. Стремясь избежать этого, он поступает в духе авторов средневековых “грамот о ненанесении вреда”, применяя уже испытанный способ выдвижения альтернатив: *“И таким образом, я желаю и постановляю, чтобы указанные вдовы молили Бога за меня, моих покойных отца, мать и иных скончавшихся родных и друзей. Все это не должно иметь следствием закабаление моих детей и их обязательств вести там строительные работы, превышающие вышеназванную сумму в 100 су и сумму, которую мне будут должны выплачивать по вышеназванной ренте. Поскольку ни я, ни мы не обязаны вести строительные или ремонтные работы в этом доме (зачеркнуто: ЕСЛИ ВОЗНИКНЕТ КАКОЙ-ЛИБО СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРИЗВАННЫЙ ПРИНУДИТЬ МОИХ ДЕТЕЙ), желаю, что, если мои названные дети каким-либо иным образом окажутся обязаны и должны оплачивать содержание и ремонт этого дома, то пусть они будут от этого освобождены, в силу действия настоящего завещания. А если возникнет какой-либо судебный процесс по этому поводу, призванный принудить моих детей платить на ремонт сумму, превышающую указанные 100 су ренты..., то я отменяю указанную статью завещания, а также аннулирую ее, а также те 10 ливров ренты, дарованные им мной лично. И чтобы в этом случае там не жил никто из старух, ... и я хочу, чтобы указанная рента была бы оттуда изъята, а выплаты им будут прекращены”*.

Наверное, не только мнительность, но и немалый жизненный опыт, накопленный в ходе многолетнего общения с вдовами, сказывается в следующих словах Пилера: *“Настоятельно прошу указанных вдов и их приемниц, чтобы они жили в мире и дружбе и в полном уважении как друг к другу, так и к их начальнику и патрону, который будет им назначен и кого они должны слушаться, и также прошу моих детей, чтобы они соблаговолили распорядиться и использовать к их благодеянию и обеспечить благотворительную помощь бедным и способствовать им, а также ремонту указанного здания”*. Трезвый расчет сочетается со стремлением поставить дело так, чтобы избежать формализации благотворительного акта — стороны обязаны быть искренними: старухи ничего не должны требовать, но только молиться за семью своих благодетелей и жить в мире как с ней, так и между собой; дети ничего не обязаны делать, но Пилер настоятельно просит их быть

милосердными. И еще одно характерное пожелание адвоката, адресованное насельницам вдовьего дома:

“Затем, я еще оставляю указанным вдовам мой портрет, ныне находящийся в их доме, чтобы он был помещен на видное место для памяти обо мне”.

Затем Пилер переходит к наболевшему вопросу об отношениях между детьми. Напомнив о первом дарении 1539 г., *“и хорошо продумав веские причины, почему я так поступил и обстоятельства, сопутствующие этому дарению, ибо я дал моим детям от первого брака скорее [с. 5] больше, нежели меньше, и эти причины мной изложенные объявил многим теологам и адвокатам и иным лицам из числа моих близких друзей, дабы они высказали свое мнение и суждение, и по их совету я подтвердил и ратифицировал указанное дарение в другом своем контракте, оформленном у нотариусов Жако и Соре в субботу 3 марта 1547(8) г., каковое подтверждаю и ратифицирую его во всех пунктах его формы и содержания ...”*

Добавляя к уже сделанным дарениям свои благоприобретенные земли в деревне Кламар, Пилер оговаривает, что различного рода благоприобретения, *“улучшения”* не учитываются сторонами при дележе наследства, то есть разделу подлежит только наследственное имущество.

Далее адвокат возвращается *“к тому, что служит раздором и может привести к процессам между указанными детьми от разных браков по причине указанного дарения”*⁸⁴. И хотя, со времени первого дарения прошло уже без малого десять лет, Пилер повторяет приведенные в нем аргументы, возможно потому, что держал этот документ перед собой. Дети от первого брака, затевая процессы против своих единокровных братьев и сестер должны понимать, что те *“являются юными детьми и не имеют разума и способности распознать добро и зло, и не (смогут) адресоваться ко мне, чтобы знать, как себя вести, и поскольку они не имеют иного имущества, кроме моего, то в ходе этого процесса они будут лишены возможности обеспечивать себе питание и воспитание и останутся без средств к пропитанию и воспитанию”*. Дети, однако, уже достаточно повзрослели по сравнению с 1539 годом. Выясняется, например, что его дочь от второго брака, Дениза *“уже вышла из младенческого возраста”* и готовится замуж. Ей отводится имущества на 2000 ливров *“без того, чтобы претендовать на большие права”*, но лишь при условии, *“что она будет хорошего поведения, живя целомудренно и стыдливо, не позоря свой род*

---

⁸⁴ Ibid. f. 5v.

и будет послушна своей матери, как и всегда, ... ибо поступая по-другому не добьется моего согласия, и таким образом, это дарение останется недействительным в отношении ее”, и в этом случае указанное имущество не будет ей выделено и увеличит долю ее братьев от второго брака⁸⁵.

Доходы, которые будет приносить оспариваемое имущество (кроме того, что оговорено в предыдущих дарениях), за то время, пока будет длиться процесс, *“пусть будут розданы в виде милостыни бедной прислуге (menagers), которая трудится в поте лица и зарабатывает себе на жизнь”*.

Таким образом, Пилер боится на случай неблагоприятного исхода процесса, если дети от первого брака, добьются *“выгодного для себя исхода этого процесса, что вполне может произойти по причине лазеек и связей, имеющихся у них в (мире) юстиции”*. Но даже если им и будет присуждена их доля наследства, то и в этом случае они не смогут требовать возвращения доходов с этого имущества, полученных за то время, пока велся процесс, ни с их братьев и сестры от второго брака, *“ни других названных бедных, которым указанные доходы будут выданы в милостыню”*.

“Я не делаю настоящие распоряжения без совета и без причины”, но и дети от обоих браков *“должны обещать с уважением принять указанные дарения и распоряжения, их ратифицировать и согласиться с ними”*.

Отдав распоряжения относительно строительных работ, начатых им в доме под знаком “Веретена” и доме под знаком “Оловянного горшка”, Пилер во избежание новых процессов отдает распоряжение о слиянии дуэров. Это означало, что “вдовья доля” первой жены Пилера будет рассматриваться консолидировано, вне зависимости от конкретной доли, доставшейся каждому из детей от первого брака. Точно также надлежит поступить и с дуэром второй жены⁸⁶.

При знакомстве с завещанием Пилера, создается впечатление, что размеры помощи, оказываемой обездоленным в Париже, были обратно пропорциональны миру и согласию среди парижан: *“Затем, постановляю, чтобы Жан Бабюс и Мари Пилер, его жена и моя дочь от первого брака, обещали бы прекратить возбужденный против меня процесс по поводу оспаривания контракта на дом по улице Сен-Жак, что близ Малого моста, который они затеяли незаконно, желая обездолить их вышеназванных братьев*

---

⁸⁵ Ibid., f. 6.

⁸⁶ Ibid. f. 7.

и сестер..., и если они не захотят прекратить указанный процесс, желаю и постановляю настоятельно, что их часть и доля не будет ими унаследована, но пойдет на раздачу милостыни для того, чтобы выдать замуж бедных девушек хорошего поведения и нравов”.

Пилер старается “лишить детей от первого брака всякой возможности заключить монополию и сговор с указанным Бабюсом и его женой по поводу этого дома”. Предвидя, что наследники могут выступить единым фронтом, договорившись разделить между собой доходы от оспариваемого имущества, адвокат затевает многоходовую комбинацию. Согласно обычной практике, он должен дать отчет детям от первого брака, в том, как он во время их малолетства распорядился на правах опекуна причитавшейся им долей материнского имущества. Скорее всего, рассуждает Пилер, он будет принужден уплатить некий остаток. Так вот, эта выплата должна быть осуществлена из доходов адвоката, поступающих с дома на улице Сен-Жак. Таким образом, судебная победа дочери Пилера (по-видимому, старшей) и ее мужа, автоматически лишит прочих детей от первого брака положенной им компенсации со стороны опекуна.

Наилучшим вариантом для Пилера было бы вообще избежать возбуждения дела об отчете по опеке. Ведь после его смерти отчитываться придется детям от второго брака, а “они молоды и не сумеют дать отчет”, ... “и чтобы избежать повода для любых судебных процессов по этой причине”, он выделяет в наследство сыновьям от первого брака дом на Малом мосту, вместе со всеми правами на наследство, ранее выкупленными адвокатом у их сестер, как монахинь, так и замужних, а также у Жана Пилера-младшего, (нотариуса из Тулузского сенешальства), вместе со всеми конституированными рентами, приобретенными завещателем, как совместно с их покойной матерью, так и после ее кончины. Пилер уточняет: “без того, чтобы их братья и сестры от второго брака претендовали бы в этом на что-либо”. Наконец, становится ясен полный смысл дарения 1539 г. Детям от первого брака выделяется некая определенная (но не соответствующая кутюмному праву) доля. Дети от второго брака вообще не участвуют в наследовании семейного имущества Пилеров. Им сделано крупное дарение, которым они и должны удовлетвориться (опять же при соблюдении определенных условий). Таким образом, процесс о разделе наследства лишается юридического основания — дети от второго брака получают не наследство, а дарение. “Сделав так, указанные дети от второго

брака будут придерживаться их вышеназванного дарения, свершенного у указанных нотариусов Бастоно и Мопу, без того, чтобы считаться моими наследниками и все это, дабы избежать указанного процесса и неприятностей, которые они могут иметь от указанных братьев и сестер от этого первого моего брака, которые на этот процесс могут потратить все их имущество”.

Вновь Пилер предлагает компромиссные варианты, и вновь предусматривает альтернативу:

“А если указанные дети от первого брака воспротивятся тому, чтобы просто стать моими наследниками, нанеся мне такое оскорбление, что объявят себя моими наследниками по праву описи (benefice d’inventaire)”, то есть, если они станут действовать через суд, что особенно возмущает Пилера, *“ведь они сами прекрасно знают, что это они скорее должны ему, чем наоборот”*, *“в этом случае, — продолжает завещатель, — незамедлительно после того, как это произойдет, и как они представят в суд свои документы на проведение описи, желаю, чтобы тот, кто получит указанный статус наследника по описи, будет исключен из числа наследников и лишен наследства”.* А *“за то, что они не захотели быть простыми законными наследниками”*, его доля наследства прибавляется к доле детей от второго брака.

Конечно, то, что суд постановит обязательным для возвращения по описи имущества их покойной матери, они рано или поздно получают, но лишатся при этом всех остальных благ (то есть благоприобретений, сделанных Пилером). К тому же, уточняет адвокат, имеющаяся у них на руках опись имущества неточна. *“Страницы 7 и 8 указанного инвентаря, касаемые наследств и рент, принадлежащих мне по смерти моего отца, являются ошибочными и неверными в частях, сделанных в виде аванса (наследства), без учета возможных неприятностей, которые это может содержать в себе”.* Пилер, оказывается, уже принял меры и как-то иначе распорядился этим имуществом, что подтверждается в соответствующих документах (lettres et tiltres)... *“Я сделал это распоряжение ради очистки совести (descharge de la conscience) и дабы избежать злоупотреблений со стороны указанных детей”.*

Далее Пилер включает статьи, уже вполне обычные для завещания, — душеприказчики должны одновременно раздать в пользу бедных 30 турецких ливров. Некая Мария Либо, жена мэтра Франсуа Дюкло, ее брат Франсуа Либо обязуются молить Бога за завещателя. Упоминается в тексте и клерк Пилера, Леонард. Впрочем, точная сумма, полагающаяся этим людям, в завещании не

указана. Зато имеется позднейшая приписка: *“Каковыми дарениями, содержащимися в трех ближайших и последних статьях я оставляю (место) заполнить позже”*.

Крестник адвоката Гильом Бенар получает сумму в 20 турецких ливров, которую остался должен завещателю его кум.

Исполнителями завещания назначаются двоюродный брат адвоката и его вторая жена Дениза дю Торшон. Им обоим оплачиваются расходы по пошиву траурных платьев (сумма этих расходов впечатляет — 450 ливров).

Далее Пилер оговаривает права своей супруги, которой помимо прочего надлежит получить компенсацию за те 210 ливров, которые были выплачены из ее приданного Марии Пилер и ее мужу Бабюсу в виде выкупа их наследственных прав. Это было сделано, чтобы уменьшить возможные претензии наследников к детям Пилера и Денизы де Троншон.

Нотариусы Рене Барьер и Жак Жуайе оформили его завещание, и оно вступило в силу с 3 апреля 1548 г.

Однако адвокат оправился от болезни и продолжал проявлять нотариальную активность. В материалах той же нотариальной конторы сохранился его договор о сдаче в наем жилья на улице Сен-Жак близ Малого моста мэтру-кожевнику Этьену Вальтуру.

“В конце срока наниматель обязуется вернуть дом в хорошем состоянии и содержать его достойно, согласно парижским кутюмам”, и кроме того наниматель обязуется понести половину расходов, необходимых для закупки материалов для ремонта, а также на свои средства переделать двери, подобрать к ним ключи и обеспечить, чтобы оконные стекла в комнатах и на чердаке были бы целы. Но Пилер изменил бы себе, если бы и на сей раз не предусмотрел альтернативный вариант развития событий, включив в договор статью, предусматривающую порядок действий на тот случай, если хозяин по той или иной причине (*“путем процесса, продажи или обмена”*), вынужден будет распорядиться жильем иначе⁸⁷.

2 октября того же 1548 г. Пилер от имени своей дочери Денизы заключает брачный контракт с ее женихом мэтром Робером Базанье, прокурором Парижского Шатле⁸⁸. Свидетелями выступают все те же лица, упомянутые в

---

⁸⁷ МС. СХ. 37 (27.04.1548)

⁸⁸ Клан Базанье являлся старым парижским родом, издавна связанным с Шатле. Из “Дневника” Версориса мы узнаем о постоянных брачных обменах между семьями Базанье и Версорисов, по

завещании — адвокат Жан де Корп, “кузен со стороны жены” (вспомним, что он был назначен душеприказчиком Пилера, как самый верный друг), а также Франсуа Либо, прокурор Шатле. В завещании его жене и шурина мэтра Либо выделяется некая сумма. Здесь же выясняется, что Франсуа Либо — сводный брат Денизы Пилер, он был сыном Денизы дю Торшон от первого брака. Таким образом, становится ясно, в какой степени завещание усиливает позиции родственников второй жены нашего адвоката.

Был ли брак с мэтром Базанье мезальянсом? Из второй главы мы узнали, что прокуроры Шатле в целом были людьми не очень зажиточными, даже по сравнению со своими коллегами из Парламента. Из материалов той же главы мы помним, что в нашей выборке брачных контрактов адвокаты достаточно часто женились на дочерях прокуроров, обратное же происходило куда реже. Однако Базанье — древний род парижских судейских, среди их родственников было немало адвокатов. Пилер же — родитель многодетный. Отметим, что сумма приданного, упоминаемая в контракте, составляла весьма приличную сумму — 1200 ливров звонкой монетой и 50 ливров ренты (то есть 600 ливров капитала). Это куда больше обычного “прокурорского” уровня, упоминаемого в брачных контрактах, использованных в нашей выборке, но весьма скромная сумма для аналогичных контрактов адвокатов.

Примечательно, что Пилер выступает кредитором в основном для лиц “своего круга”, упоминаемые в контракте ренты конституированы на судейских же — советника Парламента Антуана Фиме и прокурора Парламента Луи Руэ, и адвоката Шатле Жана Русселя.

Достаточно обстоятельно стороны оговаривают порядок действий в том случае, если одна из рент будет выкуплена.

Из примечаний, которыми обильно испещрены поля договора, следует, что из рент на сумму 50 ливров 15 происходят из наследства Денизы де Торшон, а остальная сумма из наследства Пилера.

Особым актом, приложенным к брачному контракту, Робер Базанье уточняет, что в размер “утреннего дара” (*prescipit*) включена “полностью вся практика указанного Базанье”, то есть, по-видимому, клиентура, и документы его конторы. Это дополнение делается сверх условий, оговоренных в брачном

сути это были брачные связи между адвокатами парижского Шатле и адвокатами Парламента. *Versoris N. Livre de raison / Publ. par G. Fagniez // Memoires de la soci  t   de l’Histoire de Paris et de l’Ile-de-France. Paris, 1885. T. 12. P. 99–222.*

контракте, но, в случае смерти Базанье без детей от этого заключаемого брака, Дениза Пилер должна будет уплатить компенсацию родственникам Базанье⁸⁹.

Дошедшие до нас позднейшие акты Пилера, содержали все те же особенности его стиля. Так, например, в договоре от 16 марта 1549 г.⁹⁰ с каменотесом Пьером Башело, последний передает Пилеру 1 арпан виноградника на территории Клиши в виде ипотеки за ренту в 100 ливров. С этого арпана надлежит выплачивать ренты его сеньору — кюре Клиши. Адвокат предусматривает, что если ему придется уплатить с этой земли сумму, превышающую 13 су, то каменотес обязан будет возместить Пилеру его убыток.

Итак, по сравнению с теми парижанами, чьи казусы мы до сих пор рассматривали в данной главе, Жана Пилера трудно назвать птицей высокого полета. Но близкое знакомство с ним обогатило нас не меньшим числом “профитов”, чем акты гуманиста, теологов или представителя высшей бюрократии.

Прежде всего, мы можем оценить плюсы и минусы альтернативной системы профессиональной подготовки юристов. Несмотря на все расходы, пребывание в учении у прокурора сулило в чем-то большие выгоды, чем престижная, но дорогостоящая университетская степень. Пусть новоиспеченные практики пользовались меньшим уважением, чем университетские лиценциаты, но они знали судейский мир “с изнанки”, владели тонкостями ремесла, заводили ценные знакомства и семейные связи в мире судейских. Тягаться с ними было очень трудно.

Не менее ценным оказалось знакомство с особенностью благотворительных учреждений. Одно дело читать у Филиппа Ариеса тезисы о возрастании обеспокоенности своей индивидуальной загробной участью на исходе Средневековья, другое дело наблюдать практическую реализацию этой озабоченности. Помимо многочисленных и многосложных родительских обязанностей на плечи адвоката давил груз ответственности за поддержание семейных благотворительных учреждений. Пребывание в Чистилище душ родителей, родственников, а в скором времени и самого Пилера не могло не заботить адвоката. Старые учреждения должны функционировать, в этом не может быть сомнений, но для этого все время надо отвечать на вызовы, предъявляемые жизнью. Франциск I издал закон против бродяг, и, главное,

---

⁸⁹ МС. СХ. 37 (27.04.1548). f. 4.

⁹⁰ МС. СХ. 37 (16.03.1548(49))

против тех, кто подает бродягам и нищим. Старые формы благотворительности сопротивляются некоторое время — обычай и забота о душе родной матушки, пребывающей в Чистилище, велят продолжать, хотя бы время от времени раздавать хлеб и мясо бедным, а Пилер даже добавляет к этим раздачам и денежные суммы. Но в итоге возобладало более гибкое отношение, и благотворительность обретает новые очертания. Впрочем, перспектива раздачи той или иной суммы бедным остается, хотя бы как пугало для нерадивых или упрямых контрагентов Пилера.

Более серьезный вызов, волновавший в той или иной степени всех современников Пилера, заключался в осознании опасности формализации веры, сожаления по поводу замены искренности лицемерием, благодарности — алчностью. Об этом он размышляет, планируя организацию собственных похорон, намечая будущее семейной гордости Пилеров — собственного “вдовьего дома”. Он хорошо представляет источник зла: обычай, рутина неминуемо убивают искренность, дружеские чувства и благоговейность. А без этого все возносимые молитвы не имеют большой силы. Для того, чтобы постоянно “освежать” отношение благодетеля и благополучателя, Пилер придумывает весьма прихотливую систему мер. Но эти меры сугубо институциональные, и носят внешний характер. Зашел ли рационализм Пилера так далеко, что бы принять учение об оправдании верой, или даже об абсолютном предопределении, проживи он еще лет десять? Не думаю, слишком уж погружен он в традиции парижской благотворительности. Для радикального разрыва с ними ему понадобился бы какой-нибудь внешний стимул.

Что же необычного в личности Жана Пилера, адвоката в Парижском парламенте? Мы бы назвали его склочником, но для своего времени в его судебных тяжбах с ближними не было ничего экстраординарного, мы уже могли убедиться в этом и в дальнейшем еще столкнемся с подобными адвокатами. Он многодетен, в чем также нет ничего удивительного, правда, Бог не только даровал ему много детей, но и многих из них сохранил, как минимум у него семеро взрослых детей от первого брака и не менее трех от второго, не считая пасынка. В реальности, наверное, детей было еще больше. Это создавало проблемы, с которыми адвокату все же удавалось справляться, не гоняясь за призрачными титулами и должностями для своих детей, но стараясь жить по средствам. Но и это отнюдь не оригинально, просто многодетная семья,

особенно городская семья, во все времена оказывалась в менее благоприятных условиях для социального воспроизводства.

Пожалуй, той чертой, которая придавала неповторимое своеобразие его стилю нотариального поведения, было стремление формировать альтернативы.

Практически каждый из его актов ставит партнеров в ситуацию выбора: поступить “по совести” (разумеется, если следовать оценке адвоката) или же действовать по-своему и при этом лишиться сулимых им выгод и его морального одобрения.

Возможно, не только он обладал подобным “проектным мышлением”, позволяющим хорошо представлять будущее развитие событий и направить их в нужное русло. Но он лучше других отразил эту черту в своих нотариальных актах. Оригинальность Пилера заключалась также в его несколько повышенной даже для адвоката склонности к резонерству. Это его гипертрофированное свойство позволяет разглядеть на его примере важное обстоятельство, по-видимому, свойственное и многим актам. Свершая некий, не вполне стандартный поступок (в данном случае он действует вопреки нормам парижской кутюмы), автор как бы “репетирует” судебную речь, примеривая на себя тогу оратора. Причем, поступая по своему, по своей воле (*en droit jugement*) в наиболее важных случаях Пилер советуется с друзьями, среди которых теологи и юристы. Но ведь так поступал и старейший теолог Парижа Николь Леклерк и хитроумный Пьер Галланд. В важные минуты жизни человек ничего не предпринимает без совета⁹¹. И, следовательно, его действия легитимны. Пилер старательно конструирует свой публичный образ, используя имеющиеся заготовки. Оппозиций этих несколько: благородный и бескорыстный глава семьи, не жалеющий средств для ее процветания, и алчные неблагодарные крохоборы из числа детей (или племянников, как в случае с Леклерком). Правдолюбивый адвокат, борец за справедливость и корыстные, ловкие крючкотворы-стряпчие, то есть прокуроры. Здесь-то и проявляется оригинальность Пилера, которая будет особо очевидной при дальнейшем знакомстве с казусами других парижских адвокатов. Поскольку он предвидит альтернативное развитие событий, то его дети лишь потенциально могут войти в фавор к прокурорам, породниться с ними и путем затяжек и проволочек разорить младших своих братьев и сестер. Но пока они этого не сделали, пока в дарениях и в завещании остается возможность интерпретации их облика в

---

⁹¹ *Малинин Ю. П.* Средневековый “дух совета” // *Одиссей*, 1992. М., 1994. С. 176–192.

благоприятном для них смысле. И, действительно, Пилеру не к лицу так брезговать прокурорами, за прокурора он выдает свою дочь, прокурором является его пасынок, да и детей от первого брака он сам решил сделать именно прокурорами. Речь идет лишь о потенциальной негативной интерпретации.

И еще одно наблюдение — Пилер использует, судя по всему, одну и ту же заготовку для разных случаев. Одно дело живописать беззащитность малых и неразумных детей от первого брака в 1539 г., когда составлялся первый акт. И совсем другое, повторять те же слова в 1548 г., да еще накануне свадьбы Денизы Пилер с представителем могучего клана прокуроров Шатле. Здесь эта аргументация не очень уместна, но адвокат не избежал искушения использовать ее еще раз, уж больно убедительной она ему показалась. А еще вернее, что он просто почти механически воспроизводит готовый текст предшествующего акта. По всей видимости, составляя завещание, он держал перед собой текст документа десятилетней давности. Точно также составляя, например, служебную записку на закупку расходных материалов, мы не пишем ее каждый раз заново, но берем из памяти компьютера готовую предшествующую форму. Главное, не забыть поменять дату.

С этой же чертой мы столкнулись, работая с документами Филиппа Кавелье.

В. Злосчастный Филипп Кавелье

Горячая благодарность другу. — Дело о фальшивой монете: сеньор против буржуа. — Комиссия Кеснеля и Бульта. — Первая попытка отвода судей и ее провал (осень 1547). — Новые надежды на короля (весна 1548). — Успех комиссаров: дело возвращено (лето 1548). — Еще один отвод и еще один провал (зима 1549). — Новая апелляция и этапирование в Париж (1550–1551). — Рождение монетной курии (1552). — Частичный успех и подготовка к новым тяжбам. — Судьба Кавелье и судьба королевства.

Некий Филипп Кавелье составил дарение в адрес своего друга и дальнего родственника, выражая ему благодарность за оказанную неоценимую помощь. Дарение составляется “*comme en droit jugement*”, то есть выходя за рамки кутюмного права. Поэтому данный акт нуждался в некотором дополнительном обосновании. Но обоснование это обернулось длительным и достаточно подробным рассказом о злключениях дарителя, об его обидчиках, о той

поддержке, которую ему оказал его друг и о тех трудностях, с которым последний при этом столкнулся.

Подобные истории, хоть и нечасто, но все же встречаются в книгах Регистров Шатле, но они относятся лишь к актам ревокаций (отмены дарений), когда требовалось продемонстрировать полную обоснованность своего решения. Мы видели это на примере акта Николя Леклерка, поведавшего о происках своих племянников. Я уже упоминал об акте вдовы Катрин де Веелю, которая “*перед Богом и людьми*” свидетельствовала в назидание всем о преступлениях своего сына, и решила отблагодарить своих верных слуг, помогавших ей с риском для жизни. Говорилось уже и об акте Жанны Пикард, вдовы шорника из Сен-Клу, обиженной своим собственным отцом, и вознамерившейся отблагодарить приютившего ее мэтра Ферри Ошкорна, служащего Парижского монетного двора. В данном случае при всей экстраординарности подобных актов, их логика вполне понятна — убедительно описать неблагодарность одних и ценность услуг других, ведь в отличие от завещания, дарение отменить было весьма непросто.

Но в акте Филиппа Кавелье нет речи об отмене какого бы то ни было акта, он совершает простое дарение. К чему же такое красноречие, требовавшее, как мы уже убедились, существенных расходов, столь неуместных в том бедственном положении, в котором, согласно документу, оказался как сам даритель, так и его одариваемый друг?

Обратимся к тексту этого странного акта⁹², настолько колоритного, что его придется процитировать почти полностью.

“Мартен Гольд и Филипп Кавелье, уроженцы Сент-Аньяна близ Руана заявляют comme en droit jugement, что заключили и заключают соглашение следующего характера. А именно: указанный Кавелье признает великое значение хлопот и тщания, которое проявлял указанный Гольд на протяжении примерно семи лет, пока Кавелье был по ложному поводу и ложному обвинению несправедливо заключен со своей женой Переттой в Консьержери Руана по заявлению Фредерика Года, сеньора де Сент-Аньян, Робера Бюльта и других их сообщников, желавших представить указанного Кавелье изобличенным в фальшивомонетничестве, чего указанный Кавелье не совершал и не организовывал но, напротив, надеется в будущем оправдаться в указанных ложных обвинениях и добиться доказательства своей невиновности. Благодаря

---

⁹² У 98, f. 453v.

хлопотам и тцанию указанного Гольда и на его средства, указанный Кавелье уже добился постановления о своем освобождении. Указанное постановление вынесено господами Генералами монет 22 июня [1553], согласно которому они объявили, что движимое имущество как то золото и серебро и прочая утварь должны быть возвращены указанному Кавелье и которым [генералам Монетной курии] по постановлению Большого Совета было передано ведение этого дела в соответствии с указом и эдиктом короля, забравшего дело в свой суд. В течение оногo семилетнего срока, на который указанный Кавелье и его жена были столь злосчастно заточены в тюрьму, вышеназванный Гольд хлопотал об освобождении их не только в Руане, где они содержались в заключении, но также в Тайном Совете Короля, в Канцелярии Франции, в Большом Совете, в которых он добился выдачи многих патентов, представляя многочисленные прошения в Тайный совет и во многие и разные места. И все это они могут подтвердить документами. В каковых хлопотах оный Гольд потратил и потерял не только свое время, но также издержал крупные суммы своих денег, что очевидно, и что указанный Кавелье признает и заявляет, что невзирая на все происки, хлопоты и старания названного Бюльта, Сент-Аньяна с сообщинками, которые они только могли чинить, указанный Гольд столько сделал своими величайшими хлопотами и тцанием за эти семь лет как в Тайном Совете, в Большом совете, в Руанской курии и перед указанными господами Генералами монет, что указанный Кавелье был освобожден из оных тюрем. Указанный Бюльт, Сент-Аньян и сообщиники приговорены к возмещению указанного имущества ими оплаченного(?) и захваченного в его доме во время ареста, как уже сказано. И известно указанному Кавелье, что когда он находился в заключении без имущества и без единого друга за исключением указанного Гольда, тот не только потратил свое добро и время на хлопоты по этому процессу, но ежедневно находился в опасности за свою жизнь, как показало расследование о нападениях и вторжениях к нему со стороны указанного Бюльта, Сент-Аньяна и сообщиников. Все это заставляло нести судебные издержки на получение королевских писем (lettres patents) и прочие акты и вещи, необходимые для расследования, суда и вынесения окончательного решения в указанном процессе.

Хорошо известно, что в момент начала процесса указанный Гольд был уважаемым и зажиточным человеком, ведущим хорошую торговлю, и владел королевскими должностями в Руане, и что он (затем) принужден был продать

даже свою недвижимость и наследство в указанном месте Сент-Аньяне, что (было) бесполезно, поскольку сеньор Сент-Аньяна гневался на него за хлопоты, которые он имел в этом процессе, и до такой степени он растратил все свое имущество и свою юность в хлопотах и заботах по этому процессу, что теперь он на пути нищенствования.

Указанный Кавелье знает и понимает все это, учитывая, что он не давал Гольду никаких денег на расходы по этому процессу, но тот велся на деньги и средства указанного Гольда и что без указанного Гольда он погиб бы несправедливо или умер бы сам так же, как три месяца назад умерла его жена по причине пыток, бедности и длительного заточения в тюрьме, которая совсем напрасно страдала и скончалась в Консьержери в Париже.

*И ныне его имущество и возможности не достаточны, чтобы возместить ущерб, нанесенный указанному Гольду, даже если бы он все продал. По этой причине указанный Кавелье по своей доброй воле и желанию из признательности за благодеяния вышеперечисленные и иные, которые он еще надеется в дальнейшем получить от указанного Гольда... передает ему две трети всего его движимого имущества, которые приговорены возместить Бульт, Сент-Аньян и сообщники..., а также те убытки, возмещения которых мог бы требовать он и его покойная жена. Он дает на имя Гольда генеральную доверенность на все имущество в силу всего вышесказанного, а также из-за семейной близости (*proximité du lighnaige*). Акт составлен 24 июня 1553 и подписан нотариусами Гектором Лескюйе и Пьером Леконтом”.*

Акт был зарегистрирован в Шатле уже через два дня, 26 июня, неким мэтром Шарлем Артом и самим мэтром Гольдом.

Как мы уже поняли столь сжатые сроки регистрации могут указывать на то, что участники сделки торопятся. И, действительно, как следует из текста, Кавелье на свободе, но гражданский иск только начинается, и в нем имущественные права истцов должны быть пояснены. Но зачем же бывшему узнику потребовалось проявлять такое красноречие? Сказывается потрясение от понесенных испытаний и потери супруги? Или же здесь присутствовал некий расчет?

Детективные подробности данного дела интересны сами по себе, тем более что, по всей видимости, уголовный конфликт разрастается в рамках одного документа до социально-политической коллизии. Местные буржуа, купец и, по видимому, обладатель некоей должности, связанной с финансами или с

королевской монетой (иначе, откуда бы взяться обвинениям в фальшивомонетничестве), вступили в борьбу с самим сеньором данного города и его людьми. Единственная надежда на королевскую власть и ее органы, способные защитить от сеньориального произвола. В конечном счете, союз буржуа и короля против сеньора приносит свои плоды, как бы продолжая иллюстрировать старый тезис Огюстена Тьерри об успехах третьего сословия во Франции. Помимо этого, микроисторический пафос возбуждает понятный интерес к поведению и реакциям человека, оказавшегося между жерновами грозной юридической системы и пытавшегося спасти свою жизнь. Но, главное, в этом акте указаны конкретные институты, в архивах которых могли бы храниться документы данного процесса — Большой королевский совет, Канцелярия, Монетная курия, Руанский Парламент.

Я предпринял розыски по этим адресам, и мне удалось отыскать часть материалов этого долго процесса⁹³.

Судебная “одиссея” Филиппа Кавелье предстает следующим образом. В регистрах уголовных дел Монетной курии хранилась подшивка документов по делу Кавелье, составленная на раннем этапе его процесса, в январе 1549 г.⁹⁴ Копии большинства этих документов хранились в Руане.

Подшивка открывается недатированной копией указа Франциска I (следовательно, подписанной ранее 3 марта 1547 г., даты кончины этого короля). Король предписывает советнику Руанского Парламента Жану Кеснелю (Jean Quesnel) принять экстренные меры.

“Видя, что многие люди отринув страх Божий и законы правосудия и честь занялись изготовлением фальшивых монет в нашем королевстве, ... впадая в преступление Оскорбления Величества (Lez-Majesté) и нанося величайший ущерб людям всех состояний нашего королевства, а в особенности простому народу и людям третьего сословия, которые не могут понять всего обмана и преступления, мы уже давали поручения различным судьям в разных провинциях и краях нашего королевства, но, тем не менее, это преступление продолжает множиться и грозит стать обыденным вследствие постоянства

---

⁹³ Данные поиски были бы безуспешными без любезной помощи М. Н. Бодуэн-Матузек. Во-первых, именно она осуществила титанический труд по изданию каталога актов Генриха II, где в именном указателе содержались сведения о Кавелье, а во-вторых, ей был дан ряд ценных советов, значительно ускоривших мои разыскания.

⁹⁴ AN. Z 1b. 433.

правонарушений. Этому надлежит найти подходящее противодействие. Желаем, чтобы это преступление было незамедлительно истреблено...”

Для этого Жану Кеснелю давались полномочия *“быстрого и тайного расследования”* преступлений фальшивомонетчиков. Король предписал своему комиссару призвать себе в помощь до шести достойных советников из числа членов Руанского Парламента, бальи и королевских заместителей в Нормандии, а за неимением достойных кандидатур брать сотрудников из числа адвокатов, *“чья репутация и опыт известны и кто будет вне подозрений в симпатиях к подследственным”*, чтобы выносить судебное решение, согласуясь с мнением своих советников⁹⁵.

В анализируемой подшивке документов этот текст приводится лишь как обоснование последующих действий, предпринятых в отношении нашего героя.

15 апреля 1547 г. был составлен не дошедший до нас документ, который, однако, неоднократно упоминался в других актах. Речь идет о письме Жана Кеснеля новому королю, с изложением обстоятельств дела Филиппа Кавелье и протестов с его стороны и со стороны его друзей. Можно предположить, что активность последнего не на шутку встревожила королевского комиссара. Ведь Кеснель получил свои полномочия от Франциска I, а Генрих II не особенно жаловал верных слуг своего отца, и все только и говорили о грядущих кадровых перестановках во всех сферах. В условиях *“новой метлы”* бурные протесты со стороны подследственного могли привести к самым неожиданным результатам, и Жан Кеснель спешит изложить королю свою версию событий.

К сожалению, до нас не дошел этот документ, способный пролить свет на многие обстоятельства дела. Но если донесения, адресованные королю сохранялись сравнительно редко, то документация, исходящая от короля, регистрировалась куда более аккуратно. В документах сохранилась копия письма Генриха II⁹⁶ Жану Кеснелю от 1 июня 1547 г.

Комиссар должен был быть доволен его содержанием — новый король⁹⁷ подтверждает его полномочия, вспоминая письмо своего отца, поручившего

---

⁹⁵ Ibid. f. 1–2.

⁹⁶ Z 1b 433; Catalogue des actes d’Henri II. Paris, 1979. Vol. 1. 06. 01/13.

⁹⁷ Полагаю, что нет особой необходимости объяснять, что король и не подозревал о существовании Кавелье, а, возможно, даже своего комиссара Кеснеля. Все документы

советнику Кеснелю “действовать против фальшивомонетчиков, биллонеров⁹⁸ и прочих нарушителей нашей монеты” и приказавшего судить их при помощи шести советников.

Генрих II с удовлетворением отмечает, “что приговоры, вынесенные нашими суверенными куриями, завершили многие процессы и казнили многих фальшивомонетчиков, но что еще есть некоторые, кто содержатся ныне в тюрьмах и среди прочих некий Филиппо (!) Кавелье и его жена, со стороны которых имелись [встречные иски]”. Король, по сути, выдает временное продление чрезвычайных полномочий комиссии Кеснеля — “даем вам право осуществить то, что осталось, без получения на то нашего особого разрешения, желая противодействовать ущербу, нанесенному нам и общему благу (*republicue*), в силу чего мы желаем, чтобы указанные процесс был бы завершен с наибольшим тщанием”. Что же касается других процессов, находящихся на стадии расследования, их надлежит спешно завершить, подготовить к судебным заседаниям и отправить в Парламент, “чтобы там по вашим представлениям были бы вынесены судебные решения. Ибо такова моя воля...”

Вот как воспроизводится заключительная часть данного документа в подшивке Монетной курии:

“Подписано в 1547 первый год [правления]. Король в своем совете. Секретарь Роштель”. Запечатано двойной висячей печатью, другой рукой приписка: *“копия снята мной, Журденом Александром, королевским приставом в Руанском Парламенте по просьбе Робера Болта, королевского прокурора, для дальнейшего использования по его разумению. Сделано 8 июня 1547, Александр”*.

Помимо прочего мы можем оценить скорость распространения информации. Письмо было подписано именем короля в его резиденции Сен-Жермен-ан-Лэ, близ Парижа, затем за неделю оно дошло до Руана, поступило в местный Парламент и было скопировано по просьбе королевского прокурора. Им оказался, конечно же, тот самый Бюльт (или Болт), о котором так много

составлялись и подписывались от его имени специалистами их королевской канцелярии или Большого королевского совета.

⁹⁸ В отличие от простых фальшивомонетчиков, биллонеры перечеканивали полновесную монету, несколько понижая монетную стопу, за счет использования дешевого сплава — биллона.

говорится в нотариальном акте самого Кавелье. Общий ход событий пока вполне ясен. Комиссия Кеснеля приступила к работе, и среди прочих арестовала Кавелье и его Перетту где-то в 1546 г. (на этот год указывают данные нотариального акта 1553 г., где говорится о семилетнем заточении). Как правило, по делу о фальшивой монете арестовывали и жену подозреваемого, чеканка или подделка монеты всегда проводилась втайне, дома, и только домашние могли знать правду. Кавелье подает встречный иск, по-видимому, обнадеженный сменой короля⁹⁹. Однако встречный иск не возымел успеха, король, может, и был склонен ограничить полномочия комиссии Кеснеля, оставив за ней на будущее только следовательские, а не судебные функции, но суд над Кавелье должны вершить именно те, кто возбудил этот процесс и на кого тот пытался подавать жалобы. Кеснель и его люди спешат (о чем свидетельствует быстрота снятия копии), для них дело Кавелье имеет особое значение: комиссия должна доказать королю свою эффективность, в противном случае суд над Кавелье будет их “лебединой песней”. Как бы то ни было, дела четы подследственных очень плохи.

Однако супруги не сидели сложа руки, о чем косвенно свидетельствует новое королевское письмо, адресованное на сей раз всему Руанскому Парламенту¹⁰⁰ и датированное 27 октября 1547 г. В нем упоминается об уже известных нам предшествующих документах, причем отмечалось, *“что названный Кавелье и его жена потребовали отвода нашего советника Кеснеля ... посредством чего указанный процесс пребывает без движения”*. Король желает положить этому конец и предписывает Руанскому Парламенту *“обеспечить решение суда по этому процессу, который осуществлен указанным Кеснелем по делу указанных фальшивомонетчиков”*, согласно данному ему королевскому поручению. Завершение процесса надо поручить *“тем из вас, кого сочтете нужным, и наделить его теми же или подобными правами, что и Кеснеля в его комиссии”*. За короля составил мэтр Франсуа де Конар, ординарный мэтр прошений Дворца. Подписано Робилар, наложение печати (collation) осуществлено в Лонгвале и *“переписано мной, Жаном Делапортом, королевским приставом в*

---

⁹⁹ Именно в этот период была предпринята попытка возбудить процесс против тех, кто по инициативе Эксского Парламента осуществлял карательную акцию против вальденсов. Однако иск был отклонен по инициативе правительства Генриха II.

¹⁰⁰ Z 1b, 433.

Руанском Парламенте по просьбе Робера Болта, прокурора короля в указанной реформации” 27 ноября 1547 г.

Проясняется статус Робера Болта (он же Бюльт), он не был королевским прокурором Руанского Парламента, как можно было понять из предыдущего королевского письма, но всего лишь королевским прокурором “указанной реформации”, то есть той же самой комиссии Кеснеля. Это значит, что его полномочия были сугубо временными, а его статус не слишком высоким. Обратим внимание, что на сей раз скорость движения письма замедлилась. Между наложением печати и составлением копии в Руанском Парламенте прошел целый месяц. То ли письмо шло медленнее, то ли копию снимать не торопились.

Таким образом, вопреки буквальному содержанию письма, ясно, что сопротивление четы Кавелье не было лишь заранее обреченным жестом отчаяния. Подавая на отвод Кеснеля, они, вероятно, старались сыграть на противоречии между ординарной судебной корпорацией — Руанским Парламентом и экстраординарной комиссией. Им удалось главное — получить некоторую отсрочку (их вполне могли бы казнить “под горячую руку”, а казнь фальшивомонетчиков была мучительной). Вроде бы компетенция Кеснеля подтверждена, но лишь как следователя, а не судьи. Обратим внимание, что если король называет его команду просто комиссией, или же вообще никак не именуется, то они устами прокурора продолжают гордо именовать себя реформационной комиссией, то есть претендовать на нечто большее, чем просто на поимку жуликов.

Двадцать второго апреля следующего 1548 г. король отправляет письмо своему Большому совету, то есть личному, как мы бы сейчас сказали вневедомственному, апелляционному суду. Из этого примечательного документа¹⁰¹ выясняется, что в ответ на жалобы Кавелье и его жены (она впервые названа по имени, Переттой, но форма имени Кавелье по-прежнему уменьшительная Филиппо) по поводу притеснений, дурного обращения и ущерба со стороны Жана Кеснеля, причиненных им во время следствия, расследование (information) было поручено бальи города Эвре и его лейтенанту. Но они, как следовало из очередной жалобы Кавелье, оказались связаны с Кеснелем узами родства и свойства и поэтому также подлежали отводу, о чем

---

¹⁰¹ Z 1b, 433.

Кавелье и составил письменные заявления для судебных секретарей. Вероятно, на этой стадии дела и было составлено предыдущее королевское письмо.

Однако 19 ноября после получения нового отвода, король дал поручение бальи Руана и его лейтенанту *“чтобы быстро и тайно произвести расследование по форме”*; материалы расследования, запечатанные малой канцлерской печатью, надлежит затем доставить в Малый королевский совет, который и должен вынести решение. *“Но указанный Кавелье и его жена жалуются, пребывая в заключении в величайшей нужде и лишениях, что по причине великой занятости, в которой суд пребывал и пребывает изо дня в день, что дело их до сих пор не решено”*. Жалобы и опасения подследственных вполне понятны — и их руанские судьи, и те, кто был призван контролировать процесс, да и те, кто должен контролировать контролеров, были людьми одного круга, связанные если не родственными связями, то корпоративной солидарностью. Их дело могло быть попросту положено под сукно. И они вот уже третий год оставались в заточении, во власти следователей. *“Этот Кавелье и его жена нас всепокорнейше просили передать этот процесс судьям, не заподозренным и не подлежащим отводу”*, — гласит текст королевского письма.

Со стороны подследственных было бы слишком оптимистично надеяться на то, что монарх заинтересовался их судьбой. Но факты нарушения судебной процедуры, самоуправство комиссии, назначенной еще предыдущим королем, случаи кумовства в местной судебной курии, все это показалось достойным пристального внимания хоть и не самому королю, но людям из его окружения. Ведь в это время, уже полностью приняв родительское наследие, Генрих II стал замышлять широкомасштабные преобразования, а точнее, наведение порядка, начав наступление на местные вольности. Похоже, что комиссия Жана Кеснеля выглядела в глазах короля уже не в столь выгодном свете, как год назад. Лица, обвиняемые Кавелье, названы следующим образом *“мэтром Жаном Кеснелем, советником нашей парламентской курии в Руане, называющем себя (!) комиссаром нашего досточтимейшего господина и отца короля, да спасет Господь его душу, по делу о реформации фальшивой монеты, и мэтра Робера Бюльта, так называемого порученца-(комиссара) прокурора”*.

Похоже, что люди из Малого совета, то есть из числа чиновной элиты решили сделать из этого казуса далеко идущие выводы: *“Настоятельно необходимо, во избежание еще большего скандала и примерного наказания в*

назидание другим ... и также потому что спустя немного времени было решено нашим Малым советом отправлять такие и подобные процессы [тем], кому надлежит ведать этими делами или иным судьям, кому укажем ... По поводу чего желаем для сокращения тяжб и процессов между нашими подданными, что правосудие должно быть единым и отправляться по отношению к бедным узникам согласно требованию данного случая, а также в силу других справедливых и разумных соображениям, к тому нас подвигающим, и, следуя постановлению, упомянутому ниже, нашего Малого совета — решение указанных поручений и расследований мы отсылаем с 20 мая сего года в ведение и суд Большого совета”. В письме содержалось поручение бальи Руана или его лейтенанту, который осуществлял это расследование, отправить скорейшим образом дела в Большой королевский совет, а “настоящий документ дать на ознакомление указанным Кеснелю и Бюлту”.

22.04.1548 Король в совете подпись Ле Пикар, большая печать, печать де Сент-Жюльена. И внизу, другим почерком, свидетельство об ознакомлении с текстом в Руане благородного человека Робера Булта.

Итак, король, а, точнее, чиновники из его Малого совета передали дело в Большой королевский совет, действовавший непосредственно от имени короля. Казалось, в деле Кавелье назревает благоприятный для него поворот. Во всяком случае, ему, а, скорее всего, его другу, известному нам по дарственному акту, удалось ознакомить нужных людей в Париже со своей версией своего дела.

Однако и руанские судьи не дремали. Со времени передачи дела в Большой королевский совет не прошло и двух месяцев, а король направляет в свой суд уже совсем другое письмо, датированное 4 июля 1548 г. Король напоминает обстоятельства дела и дает новую версию. Оказывается, что после отвода Жан Кеснеля его заменили “на нашего верного советника того же суда — Орше Постеля, который не приступил к процессу, так как указанный Кавалье и его жена, чтобы избежать наказания за свершенное ими преступление, нашли средство получить письма о переносе [дела]..., под видом чего они якобы добились разрешения начать следствие против господ чиновников и иных, кто якобы их велел арестовать и кто якобы подбросил красные и черные штампы в их дом и иные инструменты для чекана королевской монеты”.

Супруги потребовали отвода, адресуясь, согласно обычаю, в Большой Совет. “Желая под всеми этими оболочками понять суть указанного процесса о фальшивой монете ..., мы выделили это дело из ведения Руанского Парламента,

отделив от прочих дел о фальшивой монете... Принимая во внимание все обстоятельства, в особенности то, что Кеснелю было поручено вести эти дела, а указанный Кавелье и его жена проживают в краю, входящим в бальяж Руана, и что после отвода указанного Кеснеля указанный Постель его заменил ....., а Кавелье об этом не упомянул”, король распоряжается не забирать дело в Большой совет, а отослать его назад в Руанский Парламент. За короля подписал ординарный мэтр прошений Роберте.

*Запись другим почерком: 16 июня в субботу 1548 по просьбе почтенного человека мэтра **Робера Булта**¹⁰², прокурора короля по делу о фальшивой монете и в силу некоторых документов, данных королем 4 сего месяца, мной, Жаном Лапортом, приставом Руанского Парламента, эти письма были зачитаны Филипо Кавелье в Консьержери Руана, каковой попросил меня снять копию этого документа, что и было мной выдано”.*

Примечательно, что в этом, столь зловещем для подследственных письме, не упоминался Малый королевский совет. Напротив, в его адрес слышны скрытые упреки (фальшивомонетчики пытались сорвать судебный процесс, подавая ложные апелляции). По всей видимости, люди Кеснеля, получив предыдущее королевское письмо, запустили ответную бумагу и действовали по своим проверенным каналам: скорее всего, через старых служак покойного короля то ли из членов Большого совета, то ли из числа докладчиков прошений королевского Дворца (тот же Роберте, который и составил текст этого королевского письма, принадлежал к старой и уже известной нам чиновной фамилии). Возможно сработали старые связи, или знакомство с обстоятельствами дела выявило очевидную надуманность заявлений Кавелье, не исключено, что “старая гвардия” выражала недовольство прытью реформаторов из Малого совета, а, скорее всего все причины подействовали вместе, и в результате супруги вновь были отброшены на исходные позиции. У “Филиппо” еще хватило самообладания запросить копию этого страшного для него документа.

---

¹⁰² Обратим внимание на то, что в первом документе Булта называли благородным человеком, то в этом — почтенным. В этом нет ничего оценочного, второй акт намного более благоприятен для него, чем первый. Некоторая неразбериха с терминами и “титулами” является следствием пограничного положения Булта. Прокурор именовался только “почтенным” Благородным же был, как правило, человек с университетской степенью, не ниже адвоката. Но Булт был не простым прокурором, а королевским, правда, прокурором лишь временной комиссии.

Следующее из сохранившихся королевских писем датировано 3 января 1549 г. (48 по старому стилю)¹⁰³, данное в Сен-Жермен-ан-Лэ 3 января 1548 секретарем Гирно, вновь было адресовано Большому совету. *“Филипп Кавелье и Перетта, его жена, заключенные в Консьержери Руана, представили нам заявление с многочисленными обвинениями против мэтра Жана Кеснеля, советника .... Робера Бульта, называющего себя нашим прокурором по фальшивой монете и сьера Сент-Аньяна. Указанный Кавелье и его жена были обвинены в фальшивой монете указанным Кеснелем, Бультом и Сент-Аньяном и их пособниками с допущением многих нарушений, клеветы и ложных обвинений ... Поэтому мы ... отправляем вам документы, касающиеся этого дела, собранные по поручению нашего Малого совета, согласно прошению указанного Кавелье и его жены”*.

На ознакомление с документами Большому совету давалась неделя, а затем королю надо было доложить о принятом решении, то есть о том, забирать или нет это дело из Руанского Парламента. В предпоследний день января с этим письмом были ознакомлены и Робер Бульт и Филипп Кавелье, узник Консьержери, а также его жена, заключенная в тюрьме старого дворца города Руана.

Таким образом, в дело вновь включился Малый совет и вновь процесс отзывается в Большой совет. Какие же, собственно, обвинения, выдвинутые Кавелье, возымели действие?

Ответ на этот вопрос мы находим в извлечении из регистров Большого совета копии письма, поступившего в Руан ровно через год, 20 января 1549(50).

“Между мэтром Робером Бультом, прокурором короля в реформировании фальшивой монеты герцогства Нормандии, отведенного решением о судебной ошибке (default)¹⁰⁴, и мэтром Франсуа Флатоном, прокурором Филиппо Кавелье и его жены, потерпевших от судебной ошибки, с другой”. *“Генеральный прокурор установил, что действия суда были вполне законны и в результате дело отправлено в парламентскую курию Руана, чтобы вестись там”*, на что отводилось две недели. Супруги приговариваются к возмещению судебных издержек, а их прокурор Флатон приговаривается Советом к штрафу в сто су в пользу короля.

---

¹⁰³ Z 1b. 38. f. 135.

¹⁰⁴ До боли знакомым нам теперь словом “дефолт” (дефо — default) называлось судебное решение, по иску одной из сторон, без уведомления о том другой стороны. См. *Denissart J. B. Collection de decisions nouvelles et de notions relatives a la jurisprudence actuelle. Paris, 1745*

Второй раз события разворачиваются по одному и тому же сценарию — Малый совет изымает дело из Руана и передает в Большой Совет, Большой совет возвращает его в Руанский Парламент. Вновь Филипп и Перетта попадают в руги своих врагов, жаждущих положить конец их жалобам.

Но и на сей раз маятник королевского правосудия качнулся в другую сторону. 26 июня 1550 г. Большой королевский совет предоставляет на имя короля заключение на прошение, в очередной раз поданное Филиппом Кавелье и Перетой на имя короля, *“о том, чтобы угодно было указанному сеньору забрать их процесс, о котором говорится в прошении”*¹⁰⁵. Курия Большого совета *“придерживается мнения, что королю следует соизволить призвать на указанный совет сеньора де Сент-Аньяна, мэтра Робера Бульта, прокурора реформации фальшивомонетчиков в Нормандии, и иных, если надо будет их заслушать по этому прошению. Указанным советом было высказано мнение, что комиссарам указанной фальшивой монеты должно быть запрещено брать на себя судебные решения по данному вопросу”*.

Возможно, позиции друзей руанских парламентариев в Большом совете были уже ослаблены, или же совет был обеспокоен излишней активностью следственной комиссии, старавшейся взять на себя судебские функции и окончательно решить проблему.

Не известно, сколько раз еще бумаги злосчастных супругов передавались бы из Парижа в Руан и обратно. Но вскоре ситуация претерпела качественное изменение. В начале 1552 г. возникает новый суверенный суд — “Монетная курия”. Этот институт существовал еще с XIV в.; в XVI веке в его состав входили десять “генералов” (правильнее, генеральных мэтров монет), президент, королевский прокурор и королевский адвокат, но он являлся всего-навсего следственной комиссией, не имевшей права выносить судебные постановления (“сентенции”). Монетная курия передавала материалы следствия в Парламент, а в случае уголовных преступлений — в Шатле. Но в 1552 г. Генрих II возвел это учреждение в ранг суверенной курии, формально поставив ее в один ряд с Парламентом, Счетной палатой, Курией косвенных сборов. Теперь это был суверенный кассационный суд, имевший функцию контролировать и судить чиновников монетных дворов и ювелиров, измерять монетную пробу, а также вести дела о фальшивой монете. Парламент выступил

---

¹⁰⁵ AN. V 5. 1054, f. 169v.

с протестами, но, в конце концов, король настоял на своем, и курия приступила к работе.

Дальнейшая судьба дела Кавелье прослеживается по регистру уголовных дел Монетной Курии¹⁰⁶.

“Во исполнение королевского письма от 26 июня 1551 г. процесс между Филиппом Кавелье со своей супругой, заключенных в тюрьмах Руана, истцами и Жаном Кеснелем, советником Руанского Парламента, и Робертом Бюльтом, называющими себя комиссаром и прокурором короля по делу о Реформации монет указанного Руана, ответчиками, согласно заключению генерального прокурора, отзывается настоящим в Курию генеральства монет в Париже в двухнедельный срок, чтобы вестись там и перевести туда заключенных. Дано в Компьене 18 августа 1552, подписано: Дотон”. Но соответствующая запись появилась в регистрах Монетной курии лишь 18 декабря 1555 г.

Судьба дела Кавелье в 1551 году не вполне ясна, но вполне возможно, что уже в этом году оно было выделено в особое производство, дожидаясь того времени, пока не завершатся подготовка к началу работы курии.

Итак, решение об отзыве дела из Руана принято то ли 26 июня 1550, то ли 1551 года, в августе 1552 г. приняли решение о переносе его в Монетную курию. И только в декабре 1552 г. это решение было принято к исполнению. По-видимому, такая задержка была вызвана неизбежной волокитой и неразберихой, сопровождавшей создание новой курии. Этим можно объяснить столь длительный срок, затраченный на движение бумаг от Компьеня до Руана и Парижа.

Уже 20 декабря на основании прошения, поданного в монетную курию, четой Кавелье, было решено *“согласно постановлению Большого совета об отзыве дела от 18 августа сего года перевести в тюрьму Консьержери в Париже”.* Перевод заключенных был делом достаточно дорогостоящим, и в данном случае расходы на транспортировку были возложены на Жана Кеснеля и Роберта Бюльта.

Монетной курии поручено также произвести расследование и разобраться *“по поводу угрозы фактов оскорблений и насильственных действий произведенных в отношении Мартена Гонда, кузена, родственника и ходатая за подследственных и поставить его под защиту и охрану короля и указанной*

---

¹⁰⁶ Z 1b. 38.

курии, и да будет запрещено кому бы то ни было вредить и оскорблять указанного Гонда, его жену и семью”.

Нетрудно догадаться, что такой поворот дел ничего хорошего не предвещал для Кеснеля и его людей. Не без основания они видели корень зла в Мартене Гонде (или Гольде), без чьей помощи сопротивление заключенных было бы давно сломлено. Роковым обстоятельством для Кеснеля и Бульта оказалось то, что Гонд нашел выход на Малый королевский совет. К тому же так для них нехстати подоспело создание новой курии. Пока дело направлялось в Большой совет, оно каждый раз спускалось на тормозах и возвращалось в Руан, а дома, как известно, и стены помогают. Но теперь, несмотря на все протесты, Монетная курия все-таки была создана, и заполучив дело Кавелье, уже не собиралась выпускать его из своих рук. К тому же и подследственных переводили из Руана в Париж. Единственным выходом было надавить на Мартена Гонда, без него Кавелье оказывался бы бессилён.

Все же непонятно, почему между августовским постановлением курии и его занесением в регистр прошло почти полгода. Когда решалась судьба Кавелье, и когда он был переведен в Париж - в августе-сентябре, или все-таки в декабре? Последнее постановление из этой же подшивки оставляет эти вопросы без ответа.

*“Постановлением той же курии от **последнего числа августа** сего года (и) заключением королевского генерального прокурора в этой курии, указанному прокурору будет дано поручение доставить заключенного в том состоянии, в каком он есть, в тюрьму Консьержери в Париже на средства указанного Кавелье”.*

Это означало, что Кавелье и Гонд спешили выбраться из Нормандии. Конечно, заставить своих противников оплатить перевод арестантов было бы весьма эффективным актом. Но это могло занять много времени и к тому же, судя по формулировке, с подследственными что-то было не в порядке (возможно, болезнь?). *“Тюремщик той тюрьмы, где находятся указанные заключенные должен... выдать их по предписанию королевского прокурора и препроводить под доброй и надежной стражей в указанную тюрьму”*, имеется в виду парижская Консьержери. *“И да будет дано распоряжение секретарям или их клеркам отправить в указанную курию закрытые и запечатанные материалы следствия по поводу указанных заключенных и все прочие судебные документы (procedures) в виде писем или копий, подшитых к оригиналам. И известить их,*

что они получают оплату в разумных пределах. По завершению указанного будет дано поручение сверх того расследовать дело о нападениях, указанных в том прошении ... и указанные заключенные вместе с этим Мартеном Гондом будут взяты под королевскую охрану указанной курией они будут поставлены в известность”.

Другим почерком: “Указанное постановление и поручение выдано Мартену Гонду, кузену и ходатаю указанных заключенных 26 декабря 1552”.

Да, расходы от Гонда потребовались немалые, он оплачивал транспорт и конвой заключенных, оплачивал труд многочисленных клерков. Одного лишь решения о возврате конфискованного при аресте имущества было бы мало, надлежало заставить следователей возместить все судебные издержки, а размеры их становились поистине астрономическими.

Настало время вновь обратиться к памятного нам нотариальному акту. Из его текста следует, что 22 июня 1553 года генералы Монет вынесли, наконец, долгожданное постановление о возмещении ущерба за имущество, взятое во время ареста. Знаем, что Перетта умерла где-то в марте, возможно ослабленное длительными лишениями здоровье не выдержало доставки под конвоем в Париж. Кавелье освобожден из-под стражи и через два дня после постановления курии, 24 июня, составляет памятный нам акт, который очень быстро, уже через день регистрируется в Шатле. Мартин Гольд готовится к борьбе и процессу против своих противников. Правда, среди них нет имени Жана Кеснеля, главы комиссии, виновными оказываются “стрелочники”, но тем больше шансов на успех, годы мытарств выработали у Кавелье и Гонда хорошую интуицию в подобных вопросах¹⁰⁷.

Вернемся к изначальному вопросу: чем же вызвано столь удивительное красноречие этого акта? Мы получили редкую возможность посмотреть, что стояло за этими строками благодарности. Кавелье, действительно, было за что благодарить Гольда, двоюродного брата своей жены. Его самоотверженные действия позволили выйти на нужных людей, и колоссальные затраты оказались не напрасны. Кстати, судя по нотариальному акту, он действовал также и через

---

¹⁰⁷ Приведем еще раз указания на те документы, по которым нами была воссоздана тюремная “одиссея” Кавелье: недатированный документ конца правления Франциска I — Z 1b 433; 1.06.1547 — Z 1b 433; 27.10.1547 — Z 1b 433; 22.04.1548 — Z 1b 433; 4.06.1548 — Z 1b 433; 16.06.1548 — Z 1b 433; 3.01.1548/49 — Z 1b 38, f. 135; 20.01.1549 — Z 1b 433; 26.06.1550 — V 5 1054 f. 169v.; 18.12.1551/52 — Z 1b 38; 24.06.1553 — Y 98, f. 453v.

королевскую канцелярию, в имеющихся в нашем распоряжении документах это не нашло отражения, но известно, что это был чрезвычайно важный орган в делах о помиловании. Собственно, на основании прошений, поданных в канцелярию, дело и переправлялось на личный суд короля¹⁰⁸.

Думается, что красноречие нотариального акта определено и благодарностью Кавелье и его взволнованностью (ведь долгожданное постановление он заслушал лишь позавчера), но есть и еще одна причина. Несмотря на краткость выписок из регистров Монетной курии там встречаются одни и те же выражения и характерные черты

Так, например, ни в нотариальном акте, ни в судебных бумагах не уточняется “фамилия” (nom) жены Кавелье, хотя ее присутствие все время отмечается. Видимо, один и тот же текст многократно переписывался, имелась некоторая заготовка, которую воспроизводили в том или ином контексте (подобное мы предположили в завещании адвоката Пилера). Но то, что казалось вполне ordinary в материалах следствия или в ходатайствах о пересмотре дела, смотрелось несколько необычным среди дарственных актов. Но надо ли было участникам сделки этого опасаться? Вспомним, что нотариальный акт остается в основе своей публичным. Зачем же отказываться еще раз заявить перед всем миром о своей правоте и своих лишениях? Простая справка, призванная храниться в холщовом мешке прокурора на будущем процессе, приобретает характер еще одной диатрибы, чтобы при случае стать дополнительным аргументом в борьбе.

Для нас дело Кавелье — один из казусов, проливающий свет на многие интересные проблемы того времени. Но не явился ли он казусом и для своего времени, не повлиял ли как-нибудь он на ход Большой истории? Вполне возможно. Ведь еще на сравнительно ранней стадии, эти документы, попав в Малый совет, породили стремление придать этому делу образцовый характер.

Конечно, когда Генрих II и бюрократы из его окружения затевали создание нового суверенного суда — Монетной курии, они преследовали фискальные цели, ведь учреждались новые должности, которые можно было выгодно продать без особых затрат со стороны короля. Точно также вскоре будет затеяно куда более грандиозное предприятие — создание сети президиальных судов. Но учреждая Монетную курию, власть руководствовалась также и определенной “идеологией проекта” — упорядочением, специализацией и ускорением

---

¹⁰⁸ *Davis N. Zemon. Pour sauver sa vie: Les récits de pardon au XVI siècle. Paris, 1988.*

судопроизводства, поставленного под более строгий королевский контроль. Для реформы требовались весомые аргументы, хотя бы для того, чтобы сломить сопротивление Парламента. Этими аргументами была загруженность ординарных судов делами, накопление массы нерешенных дел, множась случаи судебных ошибок, случаи коррупции и кумовства. Трудно не согласиться с тем, что в момент дебатов по поводу создания монетной курии дело Кавелье могло послужить благодатным вместилищем примеров, используемых для демонстрации необходимости затеваемой реформы.

Г. Прославленный Шарль Дюмулен

*Две ревокации с разницей в один год.- На службе общественному благу.-
Женитьба ученого.- Неблагодарный брат.- Закон *si inquam* или закон *si totas*?-
Римское право против кутюмы.- Казус, вошедший в учебники.-Апогей славы.-
Судьба спорной сеньории.- Неожиданная развязка.- Дюмулен и Большая
история: взаимное влияние.*

Адвокат Парижского Парламента Шарль Дюмулен попал в затруднительное положение. 7 января 1550 года он регистрирует в Шатле сразу два акта. В первом, датированном 29 июня 1547 г., он рассказывает о том, как еще в 1533 г. он уступил своему брату Ферри Дюмулену сеньорию Миньо, ничего не оставив себе. Но между ними было договорено, что два других фьефа будут резервированы для того, чтобы выдать замуж их сестру. Шарль поясняет, что “*в то время он не имел ни малейшего намерения жениться и заводить детей, но исключительно продолжать свои занятия, чтобы перетолковать и прокомментировать заново как кутюмы, так и гражданское право*”. Но позже случилось так, что “*у указанного заявителя появились многочисленные законные и родные дети (plusieurs enfants naturelz et legitimes). И если бы он мог это предвидеть, он никогда бы не стал действовать в ущерб своему потомству*”. К тому же после смерти своего отца он содержал брата в школах, сделал его лицензиатом права и на свои деньги ввел его в адвокатское звание. Более того, одну из своих сестер он поместил в монастырь, теперь же он собирается выдать замуж другую. Посему дарение, сделанное ранее брату Ферри, отменяется и переадресуется ныне в пользу детей Шарля Дюмулена. Последние, однако, не должны требовать от Ферри Дюмулена чего-либо сверх сеньории Миньо.

Следующий акт, составленный годом позже, 7 августа 1548 г., повторял основные положения предыдущего и развивал их (например, уточнялось, в частности, что сеньория была передана в виде “*простого дарения*” (*purement et*

simplement), что он содержал своего брата в Орлеанских школах в течение трех лет и затем содержал в своем доме, “вводя в звание адвоката Парламента”. Но Ферри оказался “чудовищно неблагодарен, распускал порочащие ложные слухи о своем брате, возводил на него многие жестокие неправды, повергая его в отчаяние и меланхолию, стремился отвлечь от него друзей и под ложным предлогом изъять у него документы на владение (*lettres et tiltres*) и продал имущество, резервированное для приданого сестре, отрицая все имевшиеся ранее договоренности. В свою очередь брат возбудил против Шарля обвинения во время судебных заседаний 2 мая и 3 августа 1548 года”. Посему Шарль составляет новый акт, отменяющий дарение по причине неблагодарности и требует вернуть уже не только земли, но также и возместить средства, израсходованные на обучение неблагодарного брата и введение его в должность¹⁰⁹.

Как уже отмечалось, отмены дарений по жанру своему должны быть драматичны, обосновывая злодеяния тех, кому было адресовано дарение. В этом случае не жалели красок, ведь не должно было возникнуть особых сомнений в необходимости отмены дарения. Акты Дюмулена отнюдь не самые красочные в небольшом, но очень колоритном ряду ревокаций, зарегистрированных в Шатле. Удивляет другое. Если вчитаться в первый акт, получается, что его драматургию задают отнюдь не происки брата, но эволюция внутреннего мира самого дарителя. Сначала намеривался поступить так, движимый одними намерениями, затем намерения изменились, и появилось желание отменить сделанное ранее. Элементы подобного хода рассуждений слегка намечены в актах теолога Николя Леклерка и адвоката Жана Пилера, там отражены некоторые переживания и намерения, но только здесь им придан самодовлеющий характер. И только во втором акте рассуждения Дюмулена направлены по более привычному руслу, рисуя малопривлекательный образ неблагодарного брата.

---

¹⁰⁹ AN. Y 95, f. 158–161, что соответствует N 3269–3270 инвентаря регистров. В центральном хранилище нотариальных актов сохранилась минута только первого документа MC. VIII. 75. Следует отметить, что регистрах Шатле акты были записаны в обратной хронологической последовательности, что породило заблуждения у многих, кто писал об этой истории. В частности, у такого знаменитого историка права, как Франсуа Оливье Мартен (*Olivier-Martin F. Histoire de la coutume de la Prevotij et vicomtij de Paris. Paris, 1966 (reprint). T. 2. P. 490.*

К тому же, если в предыдущем случае мы только можем предположить, что дело Кавелье получило огласку и могло иметь некоторые последствия в спорах о необходимости создания нового института, то казус Дюмулена заведомо имел громкое эхо и оказал немалое влияние на юридическую мысль эпохи.

Со стороны Дюмулена не было простым бахвальством заявлять о своих планах прокомментировать все кутюмное и гражданское право. Он, действительно, достаточно рано стал весьма цитируемым юристом, пользовавшимся популярностью в своей среде. Пожалуй, он — самый известный из всех наших “пациентов”. Ведь даже Николь Леклерк и Пьер Галланд — личности несколько “перефирийные”. Во всяком случае, о них нет биографических исследований, кроме словарных статей в специализированных справочниках. О Дюмулене есть по крайней мере две биографических работы¹¹⁰.

События биографии Шарля Дюмулена, изложенные в его актах, находят свое подтверждения в других документах. Он происходил из старинного судейского рода, кичившегося своим достаточно древним дворянством. Жан Дюмулен, адвокат из города Мо, был аноблирован еще в 1391 г.¹¹¹ После смерти отца, адвоката Парижского Шатле, Шарль Дюмулен, оставшись старшим в семье, действительно распорядился имуществом не совсем тривиальным образом. Решив полностью посвятить себя занятиям, он начал, по словам его первого биографа, вести образ жизни настоящего философа. После заседаний Парламента он редко оставался, чтобы, как то было принято, поговорить со своими коллегами. Для адвокатской карьеры у него был существенный недостаток — плохая дикция или даже заикание. Однажды он даже получил за это выговор со стороны Кристофа Де Ту, будущего Первого президента, а в ту пору просто президента. Правда за него заступилась коллегия адвокатов, как за одного из самых образованных своих членов, и президенту пришлось принести извинения¹¹².

---

¹¹⁰ *Brodeaus L.* La vie de maistre Charles du Moulin. Paris, 1654; *Thireau J.-L.* Charles du Moulin (1500–1566): Etudes sur les sources, la méthode, les idées politiques et économiques d'un juriste de la Renaissance. Genève, 1980.

¹¹¹ Надо сказать, что в своих трудах Дюмулен часто высказывал пренебрежение выскочками-робенами, ставя под сомнение их притязание на дворянское достоинство.

¹¹² “Мудрый и достойный президент, преисполненный доброты и человечности принял правильное решение и на следующий день объявил, что погорячился, — продолжает биограф, — и с тех пор между ними установилась дружба” (*Brodeau L.* Op. cit. P. 28). Эту пасхальную картину следует, однако, дополнить: в 1564 г., когда Дюмулена арестовали в Париже за

Намерение посвятить себя юриспруденции не было пустым бахвальством. После нескольких лет напряженной работы в 1539 году выходит первая часть его грандиозного труда — комментарии к Парижской кутюме: систематическое перетолкование с позиций римского права статей парижской кутюмы¹¹³. В Посвящении Франциску I юрист заявляет, что все предпринятое им направлено на благо общего дела (*Res publica*), беря за образец для подражания самого Боеция. И в первой части комментариев к кутюмам, и в трактате о ростовщичестве, и в комментариях к “Эдикту о малых датах” он не забывал указывать, что отказывался от должности советника Парламента. А в трактате “Советы Александра” заявлял, что не желая идти на службу какому-нибудь принцу, отказывался от всякого рода пенсионов, которые ему предлагались, опасаясь, что это ограничит его свободу или отвлечет от его занятий и написания книги и вынудит давать советы в плохих делах, ведь дела принцев и великих государей управляются иными способами, чем дела частных лиц¹¹⁴. Вообще Дюмулену было свойственно достаточно много говорить о себе и в посвящениях, да и в самих трактатах. Он часто подчеркивал отсутствие практической сметки и неопытность в житейских делах. И почти каждый его контакт с реальной действительностью погружал его в раздумья, венчавшиеся пространными пассажами, а то и целыми трактатами. В его комментариях к Парижской кутюме есть упоминания о судьбе своего отца и проблемах с замужеством своей сестры, рассуждения о сеньории Миньо¹¹⁵. Его замечательные труды о рентах, начатые в 1542 году¹¹⁶, на мой взгляд, много обязаны своим происхождением его собственным опытам конституирования рент в 1540 г.¹¹⁷ Пытаясь отменить уже известное нам дарение, сделанное брату,

---

составление трактата против Тридентского собора, вмешательство короля чудом спасло его от виселицы. На немедленной казни настаивал ни кто иной, как Кристоф Де Ту. См. *Thireau J.-L.* Op. cit. P. 29.

¹¹³ *Consuetudines sive constitutiones almaie Parisorum Urbis, atque ad ei totius Regni Franciae principales. Commentariis amplissimis par D. Carolum Molinaum, iureconsultum. Parisii, 1539; Francfurt, 1575.*

¹¹⁴ *Annotationes super consultationes Alexandro [Tartagni] libri 7. Paris, 1551.*

¹¹⁵ см. *Commentaire de la coutume de Paris. Art. 33. Gl. 2. N 93.*

¹¹⁶ *Tractatus de usuris и Labyrinthe de eo quod interest.*

¹¹⁷ AN. MC. VII. 68 — акты от 13.05 и 3.06.1540.

он написал два трактата¹¹⁸, опубликованные в 1550 году. Два других труда родились в результате его затянувшейся тяжбы по этому поводу¹¹⁹.

Создается впечатление, что он не просто делился с читателями своими проблемами, но осознавал их важное общественное значение. Это именно от него мы узнаем, что он хотел полностью удалиться от всяческих благ и имущества, от всех развлечений и даже от столь привычных для адвокатов послеобеденных бесед во Дворце правосудия. Дабы своими занятиями способствовать общему он вел отшельническую жизнь и даже отказался от модной в ту пору бороды а-ля Франциск I¹²⁰, чтобы не тратить время на ее расчесывание. В переиздании “Советов Александра”, предпринятого в 1561 г., он воспроизводит свою беседу с Франсуа де Монтоном, его соседом, а после одним из президентов Парламента. Сосед удивлялся, что адвокат возвращается из Дворца в час дня, Дюмулен отвечает: *“Там адвокаты-консультанты, отошедшие от дел, или не занятые процессами, ведут досужие беседы, и так проходит вся их жизнь”*. Дюмулен, по его словам, ответил, что он удаляется, дабы работать над книгами, и что его мир — это его кабинет. Он не желал отвлекаться ради развлечений, но посвятить себя служению Общему благу¹²¹. Зато как он негодовал, когда на него пала налоговая разверстка 1536–1537 гг., введенная в связи с очередной угрозой Парижу со стороны императорских войск. Заставить платить того, кто расстался со своим добром и полностью посвятил себя Общему благу! Он оказался в числе тех, кто не смог выплатить положенного взноса. Вскоре, как повествует сам Дюмулен, он даже заболел от напряженного труда. И тогда друзья посоветовали ему жениться. В комментариях Дюмулена к каноническому праву, в тексте, относящемся к

---

¹¹⁸ De donationibus factis vel confirmatis in contractu matrimonii и De inofficiosis testamentis donationibus et dotibus.

¹¹⁹ Commentaire sur les registres de Chancellerie и Stylus Curiae Parlamenti.

¹²⁰ Напомню, что шрам, полученный в битве при Мариньяно, обезобразил подбородок молодого короля, и тот спрятал его за элегантной бородой. До того бороды были не в моде при французском дворе. Королю стали подражать придворные, однако скоро их примеру последовали и многие юристы, что вызвало, впрочем, неудовольствие ортодоксальной части Парламента. Для них магистрат был сродни духовной особе, и потому обязан был быть тщательно выбрит. Но молодежь из числа офисье их не очень слушала, а адвокаты, пользуясь статусом “свободной профессии”, и вовсе не обязаны были следовать предписаниям магистратов, предпочитая походить скорее на придворное дворянство, чем на священников.

¹²¹ Annotationes ... Introd. F. III; Brodeau L. Op. cit. P. 30.

слову *Uxor*, мы можем найти его признания в своих сомнениях по поводу женитьбы¹²². Наконец, он объясняет, что он женился на Луизе де Бельдон “*не из похоти и не из корысти, но для отдохновения и для сохранения домашнего очага и для досуга во время занятий (non ad voluptatem et ad divitias sed ad restitutionem, et ad conservationem domus et otii ad studia instauranda)*”¹²³.

Это его качество, гипертрофированная публичность, в данном случае весьма выгодна для нас и позволяет восстановить всю историю с отменой дарений.

Итак, решив не жениться и провести всю жизнь в одиночестве, в октябре 1531 г. он дарит своему брату Ферри земли Миньо: фьефы Левек и Гиенкур и вообще все наследственные права и имущество и прочее с условием выплатить ренты и пристроить сестер. “*Себе же оставил лишь книги, одежду и прочие необходимые вещи, чтобы жить плодами своего разума*”, и, действительно, несмотря на слабую адвокатскую практику, Шарлю поступали определенные доходы от его консультаций, которые он давал провинциальным судам. По словам Шарля Дюмулена, он не выговорил себе от брата никакого пенсионера или узурфрукта, надеясь на то, что брат найдет выгодную партию, и что он сможет сохранить имя рода. Он приводит этот поступок, как пример братского расположения. Такая партия была найдена, и в 1535 г. Ферри Дюмулен, также ставший к тому времени адвокатом Парламента, вступил в брак с Мари Майар, дочерью Жилия Майара, криминального лейтенанта парижского Шатле. В качестве дуэра жених в брачном контракте оговаривал сумму в 200 ливров ренты на сеньорию Миньо и на другое имущество.

Однако, вняв советам друзей, Шарль все же и сам женился в 1538 г. на Луизе де Бельдон, дочери одного из парламентских секретарей (*greffier des presentations au parlement*); от этого брака у них родились дети Шарль, Луи и Анна. По его словам, в 1547 г. встал вопрос о судьбе его младшей сестры Жанны. До этого две сестры Дюмуленов были отправлены в монастырь, и им выплачивалось по 25 ливров пенсионера. Младшей сестре Жанне требовалось выделить 1400 ливров приданого. И тут-то Шарль принял решение об отмене старого дарения брату.

Судя по всему, составив свой первый акт ревокации, Дюмулен представил его в королевскую канцелярию, где достаточно быстро (7 декабря 1547 г.) получил

---

¹²² *Verbo uxorem*, 17 (Цит по *Thireau J.-L. Op. cit. P. 44*).

¹²³ *Du Moulin Ch. Tractatus duo analytici... Prior de donationibus*. Paris, 1578. § 84. P. 36 Точно теми же словами он объяснял и свой следующий брак в 1558 г. (См. *Thireau J.-L. Op. cit. P. 46*).

высочайшее соизволение отменить свой дарственный акт¹²⁴. Но письма, выданные в канцелярии (будь то легитимизация детей, натурализация иностранцев, прошение о помиловании или отмена сделанных прежде дарений), обретали законную силу лишь после того, как они регистрировались Парламентом, проверявшим соответствие королевской милости духу и букве закона. Эта процедура во французском праве называлась “энтуринацией” (*entürinement*).

Вот на этом этапе Шарля Дюмулена ждал неприятный сюрприз. На заседании 31 декабря 1547 г. против отмены дарения выступил советник Парламента Николя Аро (Nagault), опекун детей Ферри Дюмулена. Это было нетрудно сделать, ведь Шарль не смог представить в Парламент документов на владение спорными землями (хитроумный Ферри заранее отобрал их у него “*под ложным предлогом*”). Это было первое важное упущение прославленного юриста. Кроме того, если мы сопоставим даты актов об отмене дарений с датой их регистрации в Шатле, то обнаружим грубое нарушение предписаний ордонанса Виллер-Коттре, требовавшего производить это в четырехмесячный срок.

Итак, к моменту подачи дела в Парламент имелись некоторые основания для придинок к формальной стороне процедуры ревокации. Но ахиллесовой пятой акта Дюмулена было другое обстоятельство. Он намеревался воспользоваться законом “*si unquam*”, восходящим к императору Константину, согласно которому дарения подлежат отмене в случае рождения родных и законных детей (отсюда в акте отмены Дюмулен подчеркивает именно это качество своих детей, чего обычно не делается в остальных актах, зарегистрированных в Шатле)¹²⁵.

Но Дюмулен не упомянул, то ли по забывчивости, то ли умышленно, что в 1535 г. то же самое дарение сеньории Миньо было подтверждено им по случаю свадьбы своего брата Ферри. А это уже в корне меняло дело. Имущество, переданное по случаю заключения брака, пользовалось особой защитой кутюмного права, и кому как не Дюмулену, лучшему толкователю кутюм, было

---

¹²⁴ Я надеялся найти копию этого акта в регистрах королевской канцелярии, но по обидной случайности в серии JJ 257 C именно данные за декабрь 1547 отсутствовали.

¹²⁵ Эта фраза ввела в заблуждение даже таких опытных историков, как Кампардон и Тюетей, которые поняли ее так, будто у нашего адвоката родились незаконные дети — во французском языке “*enfants naturels*” чаще употребляется именно в этом значении. Но для Дюмулена важнее иная оппозиция — “*naturel — adoptif*”, “родной — усыновленный”, для римского права это имело немалое значение.

это знать. Пожалуй, оценка Дюмулена, сделанная Николя Луазелем в “Диалоге об адвокатах Парижского Парламента”, была справедливой: “самый ученый из юрисконсультов был в то же время весьма слабым и неумелым адвокатом”¹²⁶.

Вот мнение об этом деле младшего современника Дюмулена и признанного авторитета в вопросах судебной практики, Жана Папона, чьими сочинениями мы уже пользовались в предыдущей главе.

“Адвокат Парламента, превосходящий всех своими знаниями, передал все свое имущество своему брату по брачному контракту,... затем поменял мнение и раскаялся в свершении дарственной. Он стал искать средства отменить сей акт. Ему посоветовали жениться, что он и сделал и завел детей [Папон остается глух к усилиям Дюмулена создать свой идеализированный образ аскета, борца за общественное благо] ... Его указанный брат выдвинул в противовес весьма важные причины: ... что указанный Дюмулен объявил во всеуслышанье о своем желании даровать все свое имущество брату, дабы хорошо его женить... И что веря этим словам, он нашел женщину, на которой и женился, и без данного обещания свадьба никогда бы не состоялась, и что исходя из этой щедрости он выделил солидный дуэр своей супруге. И что отмена дарения была бы обманом и непростительным мошенничеством, свершенным по отношению к браку, который является таинством, честью и божественным установлением”¹²⁷.

Закон “*si unquam*” говорил об отмене только “простых дарений” (*pures et simples*)¹²⁸, а вовсе не тех, что были сделаны с целью вознаградить или отметить какое-нибудь событие. По всей видимости, сопротивление Ферри Дюмулена в этом процессе было организовано достаточно продуманно. Он вчинил встречный иск по поводу растраты материнского наследства Шарлем Дюмуленом в период несовершеннолетия Ферри¹²⁹, отрицал наличие каких-либо устных договоренностей и проч.

Летом следующего, 1548 г., как видно из второго акта, Шарль решает изменить свою тактику. Не отказываясь от аргументации на основе закона “*si unquam*”, он

---

¹²⁶ *Loysel A. Le dialogue des avocats du Parlements de Paris // Divers traites tirés des memoires de m. A. Loysel. Paris, 1651. P. 82–83.*

¹²⁷ *Rapon J. Instrument de premier notaire. Lyon, 1575. P. 355–358.*

¹²⁸ На деле речь шла лишь о дарениях вольноотпущенникам, но это ограничение римского права, как и многие другие, с легкостью отменялось Дюмуленом, да и прочими юристами.

¹²⁹ Вспомним, в какое негодование впадал Жан Пилер, когда думал об аналогичном иске со стороны своих детей от первого брака.

обращается к более эффективному и более эффектному закону Юстиниана “*si totas*”, согласно которому дарения могут отменяться в том случае, если одариваемый угрожает жизни дарителя, порочит его честь или отказывается выполнить записанные или устные обязательства, взятые на себя при получении дара. Все признаки неблагодарности были подчеркнуты во втором акте Дюмулена. Пафос второго акта оказался не напрасным: подчеркивая переживания (расстройство и меланхолию), автор ставил вопрос о прямой угрозе своей жизни в результате действий брата. Быть может, нам будет теперь понятнее страстность актов Леклерка, да и того же Пилера: болезнь, вызванная неблагодарностью тех, кому некогда было адресовано дарение, не есть ли в этом прямая угроза жизни, и, следовательно, повод для отмены дарения?

Дело, однако, растянулось на долгие годы, Ферри выдвигал контраргументы. У него были сторонники в Парламенте, хотя бы тот же советник Аро, опекун его детей. Возможно, президент Де Ту не простил вынужденного унижения и затаил обиду на Шарля Дюмулена.

Борьба продолжалась. Шарль Дюмулен зарегистрировал, наконец, свои ревокации в Шатле, вчинил еще один иск о возмещении судебных издержек за срыв “этиринации” документа, выданного канцелярией. Противоположная сторона, по всей видимости, старалась использовать факт оммажа, уже принесенного Ферри за оспариваемую сеньорию и фьефы. За время следствия накапливалась масса побочных исков, причем каждое действие одной из сторон рождало встречные претензии другой. 31 декабря 1549 г. сторонам было предложено решить дело “*без доискивания истины по поводу исков взаимно вчиненных мэтрами Шарлем и Ферри Дю Муленами и без вытекающих последствий*”. Но дело продолжалось. За это время Шарль Дюмулен написал целых четыре трактата, посвященных этому процессу — два по юридическому существу отмены дарений, два по вопросам процедуры судопроизводства. Свршая то или иное юридическое действие, адвокат пускался в рефлексю, соотносил свои поступки с нормами римского права и с кутюмами, в результате публиковалось новое сочинение. На стороне Дюмулена был авторитет если не лучшего, то одного из лучших юристов, королевский фавор, поддержка общественного мнения, хорошо информированного о данном процессе не только из его трактатов, но и из предисловий к другим книгам. Ведь предисловия, в отличие от самих работ, писались по-французски и были доступны более широкому кругу читателей.

Вот, например, он добился от короля комплексной привилегии на издание своих сочинений последних лет. Привилегия, датированная 1 января 1552 г., дана в необычной форме¹³⁰. Очевидно, с подачи самого Дюмулена, в тексте перечисляются его заслуги *“содержащиеся в том, что за 30 лет, на протяжении которых он пребывал в звании адвоката указанной курии, он прилагал усилия к соединению теории с практикой во имя благой и настоящей преданности общественному благу, продвижению и развитию образованности и облегчению науки права и судопроизводства”*¹³¹.

То, что лично Дюмулен высоко ставил свои заслуги, мы уже убедились. Но в данном случае под словами похвалы в его адрес стоит все же королевская подпись, пусть даже и текст привилегии подсказан самим юристом. Зима 1551–1552 г. — наивысшая точка в карьере Дюмулена.

В этот период обострились отношения между папой и Генрихом II. Помимо политических противоречий в Италии, под угрозой была поставлена система компромисса между Римом и королем в управлении галликанской церковью (Болонский конкордат). Обострился вопрос о присвоении бенефициев и распределении церковных доходов. Дюмулен, уже прочно закрепивший за собой славу известного специалиста по согласованию разных систем права (он был знатоком кутюмного права, права римского, королевских ордонансов, процессуальных норм), взялся за проблему соотнесения норм канонического права с остальным действовавшим в стране законодательством. На конкретном примере спора о “малых датах”, относящегося к срокам и формам замещения вакантных бенефиций, Дюмулен защитил права галликанской церкви и права короля от “узурпации” со стороны папы. Скорее всего, адвокату “подказали” тему люди из королевского окружения, “курирующие” итальянскую политику — то ли королевский секретарь Жан Дютье, то ли сам коннетабль Монморанси. Королевскому правительству было важно показать папе Юлию III, что дальнейшая антифранцузская политика может привести к чему-нибудь вроде “акта о супрематии”. Вряд ли христианнейший король желал двигаться в этом

---

¹³⁰ Об институте привилегий см. *Pallier A. Les métiers du livre à Paris au XVIe siècle (1535–1560)*. Genève, 1974.

¹³¹ contenant que des et depuis 30 ans, qu’il a exercé l’estat d’avocat en ladite cour, il est appliqué à conférer la pratique avec la theorique et pour le bonne et affectionné desir qu’il a eu, et à au bien public, avancement et promotion des lettres et abbreviation de la science des droictz et pratique. (Текст привилегии воспроизводился Дюмуленом во многих изданиях. Цит. по: *Traicté de l’origine: Progrès et excellence du Royaume des Françoys...* Lyon, 1561).

направлении до конца, доводя дело до полного разрыва с католицизмом. Важна была лишь демонстрация силы.

Трактат Дюмулена “Комментарий к эдикту о Малых датах” имел самый широкий резонанс. Юлий III в корне пересмотрел свою политику.

Именно в эту пору коннетабль Монморанси сказал, явившись в лагерь Итальянской армии, где находился король, представив ему книгу Дюмулена: “*Сир, Ваше Величество не смогло с тридцатью тысячами человек принудить папу Юлия III к миру: сей человек сделал это при помощи вот этой маленькой книжечки*”¹³².

С точки зрения историка права подобные факты носят вне-юридический характер и не могут относиться к существу дела об отмене дарения. Конечно, то, что аргументы Дюмулена возымели действие именно в тот момент, когда он был обласкан славой и королевским фавором, могло оказаться и простым совпадением.

Как бы то ни было, 12 апреля 1552 г. в деле Дюмулена было вынесено окончательное решение. Причем, сама форма его оглашения была избрана в наиболее торжественной манере “*purpurato rosato*”, то есть в торжественном облачении в красные мантии. Поэтому, кстати, самого текста этой сентенции мне так и не удалось найти в обычных регистрах Парламента. 12 апреля был последний рабочий день перед Пасхой и, следовательно, последний рабочий день года. Курия хотела закончить максимально возможное число дел и вынесла несколько десятков постановлений (*arrests*), причем к ним даже было составлено специальное оглавление. Но интересующего нас дела в этом списке нет. По всей видимости, торжественные постановления регистрировались в какой-то другой книге. Но решение Парламента по делу Дюмулена полностью воспроизведено в сборнике¹³³ Барнабе Ле Веста и упоминается большинством “арестографов” Старого Порядка (то есть специалистами по постановлениям Парламента).

Решение было принято в соответствии с законом “*si unquam*”. Ферри приговаривался оставить спорное имущество в пользовании истца и возместить те доходы, какие были извлечены с оспариваемых земель с момента составления акта об отмене дарения (то есть с 1547 г.). Полная формулировка в публикации Ле Веста звучит следующим образом: “*XLIX приговор в пользу*

---

¹³² *Cormier T. Rerum gestarum Henrici II, regis Galliae libri quinque. Paris, 1667. P. 74.*

¹³³ *Le Vest B. Arrests celebres et memorables du Parlement de Paris. N XLIX. Paris, 1612. P. 234–238.*

мэтра Шарля Дюмулена, касательно закона “Si unquam sive de revoc. donat.”, но все же с условием ипотеки дуэра, от которого супруг не освобожден”.

В приводимых материалах судебного постановления намечены основные моменты процесса, откуда мы и черпали информацию о ходе этого многолетнего разбирательства. Некоторые иски Шарля Дюмулена отклонялись (в частности, претензии к Николя Аро, опекуну детей Ферри Дюмулена, сорвавшего “антиринацию” акта об отмене дарения, выданного Канцелярией) но в целом *“указанный Ферри приговаривается оставить в пользование истца указанные вещи как было до указанного дарения и возместить ему доходы после вычета улучшений”*. Теоретически Ферри должен был вернуть доходы за время, прошедшее с 1547 г., с начала судебного разбирательства. Однако размер выплат мог быть существенно сокращен за счет “улучшений”: например, строительных работ или мелиорации, учет которых был достаточно затруднен. В отношении дуэра Маргарите Майар, уже покойной к тому времени, но оставившей детей, законных наследников “вдовьей доли” своей матери, суд нашел компромиссное решение. Сеньория была возвращена Шарлю, но *“указанные имущества пребывают под ипотекой в том случае, если имущества указанного Ферри не будут найдены достаточными для этого дуэра”*.

Вроде бы Дюмулен одержал блестящую победу. Но сам он оставался недоволен. Дюмулена, как поборника применения норм римского права для трактовки кутюм, не могла устроить такая двойственность в определении собственника. Он говорит об этом во втором издании своего трактата о дарениях, опубликованном в 1563 г. в Бордо.

Кроме того, не удался его план отмены “по причине неблагодарности”, то есть в соответствии с законом “si totas”. Его биограф рассказывает: *“он много жаловался по поводу неблагодарности и угроз со стороны своего брата и по поводу его уловок, коими он отнял у него три или четыре года времени, свершая нечто вроде кражи общественного достояния, ибо это помешало ему работать над сочинением книг”*¹³⁴.

Действительно, находясь на вершине славы, Дюмулен хотел примерно наказать неблагодарного брата и других обидчиков, ведь покушаясь на него, они покушались на благо всего королевства.

---

¹³⁴ Brodeaus L. La vie de m. Charles du Moulin. Paris, 1654. P. 62. Бродо работал над биографией Дюмулена в начале XVII века, приобретя его личные бумаги и книги с его пометами у зятя Шарля Дюмулена.

Но 1552 г. был именно апогеем его карьеры, дальше события развивались куда менее благоприятно для него. И дело даже не в происках завистников, хотя их у него всегда хватало. Его стремление идти во всех вопросах до конца, столь благодатное в работе правоведа, соприкоснувшись с реальностью большой политики, привело к тяжелым последствиям. В планы короля и его окружения не входил полный разрыв с папством, нужно было лишь поугатать несговорчивого Юлия III. После заключения мира пыл Дюмулена был неуместен. А ему самому пришлось иметь дело с мощной “консервативной партией”, теологами университета и их парламентскими единомышленниками, стойкими в борьбе за сохранение католической веры. Если соперничать в ученой аргументации “Трактата об эдикте о Малых датах” было трудно даже заправским канонистам, то текст посвящения, сделанного на французском языке, оказался легкой мишенью для критики, ведь в нем Дюмулен открыто призвал возродить идущее с каролингских времен верховенство короля в церковных делах и дать отпор чудовищным притязаниям папства. Первый биограф и апологет Дюмулена пишет об этом следующими словами: *“Это посвящение было чудовищным образом оклеветано, и посеян мятеж”*. Дюмулену пришлось столкнуться на сей раз с очень серьезными противниками, ведь их возглавлял наш старый знакомый Николь Леклерк, декан факультета теологии. Кстати, в “Индекс запрещенных книг”, любимое детище Сорбонны, был включен и трактат Дюмулена “De usures”, в котором усмотрели апологетику ростовщичества¹³⁵.

Добиться осуждения Дюмулена его противникам не удалось. 16 мая 1552 г. от имени короля трактат Дюмулена “о малых датах” был запрещен к дальнейшей публикации, но запрещена также была и публикация факультетской цензуры, наложенной на это сочинение. Дело было передано в Большой королевский совет, затем отложено до возвращения короля. Однако проповедники, по словам Дюмулена, возбудили против него чернь, ему стали угрожать расправой. Вскоре Дюмулен покинул Париж и переехал на службу к ландграфу Гессенскому. Осенью ему удалось тайно возвратиться в Париж и забрать свои книги. Он успел вовремя, вскоре его дом был разграблен толпой. Дальнейшие скитания по Германии и Швейцарии были полны многообещающих успехов и горьких

---

¹³⁵ Guy Coquille — “aucuns conseillers de la cour furent pris prisonniers que l’on disait adherer aux nouvelles opinions au fait de la religion/ entre lesquelles etait celle ci, que les usures moderes sont permis” // *Fauve J.* Le prkt a intyrkt dans l’ancienne France. (These du Droit). Paris, 1900. P. 147.

разочарований. В 1557 г. ему удается вернуться во Францию и добиться своего восстановления в звании адвоката Парламента. К тому времени Луиза де Бельдон умерла, и он вступил во второй брак.

С началом Религиозных войн он попеременно подвергается гонениям то со стороны католиков, то со стороны кальвинистов, которым он указывает на несообразности в их доктринах и в практике. В 1564 г. он был арестован и содержался в той камере, где ранее сидел сам Ан дю Бург. Первый президент Де Ту торопился с приведением в исполнение смертного приговора, но вовремя подоспела королевская амнистия. Умер Дюмулен в 1566 г., примирившись с католицизмом.

Вернемся к судьбе отмененных дарений. Процесс Шарля Дюмулена против Ферри Дюмулена стал классическим юридическим казусом, изучаемым многими поколениями юристов. Но никто не заинтересовался дальнейшей судьбой сеньории Миньо. А ее история не закончилась на судебном решении 1552 г. Новые данные содержатся в нотариальных минутах. Уже 24 июля 1552 г., от имени детей, новых владельцев сеньории, договор с фермером, заключенный еще с Ферри, подтвердила жена Шарля Дюмулена (он сам в ту пору уже бежал из Парижа). Но 1 октября 1564 г. Шарль Дюмулен в нотариальной конторе объявил, что *“начиная примерно с 1548 г. он обрел эти земли, но, опасаясь интриг и покушений, предпринимаемых против него и также, чтобы избежать преследований, обрушившихся на него вскорости и принудивших его бежать в Германию, он сделал дарения земли и сеньории Миньо своим указанным детям”*. Но при этом *“заявляет, что никогда не хотел бы, чтобы это дарение имело место, если бы не означенные преследования. На этом основании дарение сеньории Миньо детям отменяется”*¹³⁶.

Это заявление несколько противоречит тому образу, над созданием которого Дюмулен трудился в сороковые годы, и надо сказать, трудился не без успеха. Однако оно в принципе соответствует первому акту ревокации, с которого мы и начали свое знакомство с адвокатом. Главной оказывается воля собственника, в этом вопросе Дюмулен оставался последовательным сторонником римского права. На сей раз, дети не подали в суд на эту новую ревокацию, судя по всему, особых проблем с наследованием не должно было возникнуть. Во всяком случае, после смерти Дюмулена из всех его детей в живых осталась лишь его

---

¹³⁶ AN. MC. XVIX. 126.

дочь Анна, вышедшая замуж за Симона Бобе, который настолько почитал труды своего тестя, что взял на себя заботу о посмертной их публикации.

Но наследники Дюмулена недолго смогли пользоваться доходами с сеньории Миньо, весной 1572 г., пока Симон Бобе отсутствовал, неизвестные напали на дом Дюмуленов в Париже. Они убили Анну Дюмулен, ее новорожденного ребенка и прислугу, похитили ценности и документы, в том числе и бумаги на владение сеньорией Миньо. Преступление получило широкий резонанс, о нем даже запрашивала Елизавета Тюдор французского посла в Лондоне¹³⁷. Дело безутешного Симона Бобе взялся вести модный адвокат Барнабе Бриссон¹³⁸. По его ходатайству были арестованы наследники покойного мэтра Ферри Дюмулена. Подозрение пало на них, так как они неоднократно говорили, что сеньория принадлежит им по праву, и что они, так или иначе, вступят во владение своими незаконно отнятыми землями. На их причастность к преступлению указывало многое: злоумышленники зачем-то похитили документы на владение сеньорией, если, убив взрослых, они избавлялись от свидетелей, то зачем им было убивать младенца, если за этим не стояло задача уничтожить всех возможных наследников?

Парламент назначил большую сумму денег в награду за разоблачение убийц, допрашивали всех преступников, содержащихся в тюрьмах, стремясь выйти на исполнителей или заказчиков убийства. Но расследование не принесло результата. Тем более что опять вмешались вне-юридические факторы. Грянула Варфоломеевская ночь, на фоне которой жестокость убийства семьи Дюмулена как-то поблекла, да и работа парижского правосудия была дезорганизована. Через год подозреваемые были выпущены на свободу. А сеньорию Миньо Парламент конфисковал для возмещения судебных издержек.

Всю историю с братьями Дюмуленами трудно назвать иным словом, чем “казус” — исключительный, экстраординарный случай, проверяющий “на

---

¹³⁷ Именно тогда она упомянула о своем дальнем родстве с Дюмуленами, погрузив в тяжкие раздумья специалистов по генеалогии. Ее мать Анна Болейн происходила из рода, с четырнадцатого века натурализовавшегося в Англии, возможно, что какое-то дальнейшее родство с бовезийской дворянской семьей Дюмуленов имело место. Во всяком случае, Анна Болейн, прибыв во Францию, прежде, чем быть представленной ко двору, некоторое время жила в какой-то дворянской семье в Бовези. Возможно, что это были Дюмулены.

¹³⁸ Он прославится своим сводом законов Генриха III (не менее величественной затеей, чем свод кутюм Дюмулена). Став президентом Парламента, он останется в период Лиги в Париже и будет казнен за свои роялистские симпатии и недостаточное рвение в защите веры.

излом” существующие нормы. В данном случае, соотношение принципа кутюмного права, предполагавшего, прежде всего, незыблемость имущества, выделенного во вдовью долю, с принципом свободы собственности по римскому праву. По иронии судьбы, а точнее, в силу некоторой закономерности, сам Дюмулен, всю жизнь работавший над соединением этих двух правовых традиций, оказался в центре этой юридической коллизии.

Продолжая извлекать “профиты”, мы можем узнать многое. И про систему подготовки юристов, например. Если Пилер отправил своих детей к прокурорам, то Дюмулен дал брату полноценное юридическое образование, обучая его сначала в Париже, затем в Орлеанском университете. После, что очень важно, оплачивал еще необходимый период стажировки, ведь теоретические знания надо было подкрепить практическим опытом. Как видим, мэтр Ферри кое-чему научился.

Мы можем найти подтверждение и практике многократного использования документа, о существовании которой мы сделали предположение, разбирая дело Филиппа Кавелье. Дюмулен использовал одни и те же риторические заготовки и в нотариальном акте, и в теоретических трактатах, и, вероятно, в судебных речах.

Есть и еще одно наблюдение, касающееся взаимного влияния институтов и казусов. Конечно, все наши действующие лица испытывают на себе влияние исторических событий и являются заложниками социальных институтов, или, во всяком случае, вынуждены считаться с ними в своих, казалось бы, свободных поступках. Но возможно ли было обратное влияние? Мы предположили, что казус Филиппа Кавелье мог как-то повлиять на создание нового института — Монетной курии. Это предположение высказывалось без особых оснований. Но в случае с Дюмуленом свидетельств “институциональных” последствий акта гораздо больше, ведь в итоге судебный процесс вошел в рабочие пособия для практикующих правоведов. Но влияние этого дела могло выходить за рамки чистого правоведения.

Вернемся к материалам нашей второй главы. Напомню, что изучая ритмы регистраций некоторых типов нотариальных актов в книгах Шатле, мы столкнулись с двумя явлениями: число университетских дарений начинает стремительно снижаться в конце пятидесятых годов, а число регистраций дарений, связанных с брачными контрактами, резко возрастает примерно с 1550 г. Причину спада интереса к регистрации университетских дарений мы

раскрыли — ряд ордонансов существенно ограничил круг лиц, которые могли пользоваться университетскими привилегиями в подобных случаях. Что же касается “брачных” дарений, не связан ли всплеск интереса к ним деятельностью самого Дюмулена, ведь начиная с 1549 г. он публикует свои трактаты по данной проблеме, его процесс получил немалую огласку. А ведь люди, подсказывающие дарителям те или иные действия — адвокаты, прокуроры, стряпчие Дворца Правосудия и Шатле, при всей своей многочисленности, оставались, по сути, “большой деревней”, где все информация распространялась очень быстро. Те же самые адвокаты в своих послеобеденных разговорах (в которых не пожелал участвовать амбициозный Дюмулен), наверняка, обсуждали нашумевшее дело, кое-кто ознакомился с содержанием новых трактатов, кто-то не соглашался с ними. Во всяком случае, стало ясно, что дарения, связанные с брачными контрактами, “дарения по причине свадьбы”, обладают особым статусом, их гораздо сложнее отменить и поэтому они требуют особой тщательности при оформлении, в том числе и своевременной их регистрации в Шатле.

Но, главное, это подтверждение гипотезы о сохранении личностного характера в, казалось бы, формализованных и обезличенных нотариальных актах. Тьерри Дюмонт, Жан Пилер, Филипп Кавелье и Шарль Дюмулен демонстрируют некий особый стиль во всех своих документах, что делает возможным некую “графологическую экспертизу”, где вместо почерка выступают элементы нотариального поведения.

Правда, акты, послужившие нам отправными точками расследования в данном параграфе, никак не назовешь ординарными. По самому своему жанру они предполагают нечто экстраординарное: доля личностного начала в них по определению высока. Речь ведь шла о таком редком виде документа как “олографическое” завещание, ревокация дарения, дарение только что вырвавшегося на свободу человека. Справедливо ли подобное наблюдение для документов, обладающей *большой* степенью формализации?

§ 3. Два университетских дарения

Самым массовым типом дарений, зарегистрированных в книгах Парижского Шатле, были, как мы помним, акты, адресованные студентам Парижского университета. Более того, в первых двух параграфах третьей главы мы установили, что этот тип документов, составленных в конторах парижских

нотариусов, был максимально унифицирован. Поэтому обнаружение каких-нибудь “случаев отклонения” на примере университетских дарений означало максимальную чистоту эксперимента. И, по меньшей мере, пара таких актов обнаружилась, причем люди, составившие их, как выяснилось, превзошли в экстравагантности всех прочих дарителей, рассмотренных нами в этой главе.

А. Благочестивый Жан Бриссоне.

Президент среди крестьян. — Демарш 1525 г. в поисках виновных в пленении короля. — Против еретиков и сквернословов. — Любовь к “Красным детям”. — Идея Чистилища и жанр портрета.

И во второй, и в третьей главе нам приходилось сталкиваться с актом Жана Бриссоне, президента Счетной Палаты. Напомню его содержание. 13 марта 1549 г. он совершает дарение в адрес Жана Байе, магистра искусств в университете, своего крестника и слуги. Ему достается пожизненная муниципальная рента в 30 турецких ливров, “которая после смерти названного Байе возвратится... в госпиталь Божьих детей, называемых “Красные дети”... это дарение совершается с тем, чтобы указанный Жан Байе имел бы средства достичь святых орденов священства. И также, чтобы Байе и дети вышеуказанного госпиталя могли молить Бога за душу вышеуказанного господина президента”¹³⁹.

Мы уже вполне можем оценить типичность такого акта. Многие чиновники обязаны были покупать муниципальные ренты, а потом с некоторой легкостью с ними расставались, жертвуя на благотворительные нужды (правда, Тьерри Дюмонт делал это на исходе Итальянских войн, а Жан Бриссоне раньше, еще в тот период, когда они не обесценились). Как мы поняли на примере Тьерри Дюмонта, сиротские дома также часто становились объектами их благотворительности.

Но что касается дарений, адресованных студентам и магистрам университета, то пожелание “достичь святых духовных чинов”, не раз встречавшееся нам, были почти исключительно свойственны дарителям из числа провинциалов, главным образом, из крестьян. Мы предположили даже, что в среде последних более живучи были представления о сакральном характере знания. Причем это пожелание землепашцы высказывают не только в тех актах, которые были составлены в провинции, но и в документах,

---

¹³⁹ У 94, f. 283.

составленных в конторах высокомерных парижских нотариусов. Как бы то ни было, президент Бриссоне остается со своим пожеланием “белой вороной” в окружении крестьян и провинциальных ремесленников. Это привлекло наше внимание к истории сего высокопоставленного дарителя.

Он оказался из числа “тех самых” Бриссоне. Его младший брат и был знаменитым епископом города Мо, который собрал в своей епархии единомышленников Лефевра д’Этапля, пригласив и его самого, и попытался воплотить в одном отдельно взятом диоцезе идею реформирования католической церкви на основе христианского гуманизма.

Чтобы не потонуть в истории этой знаменитой семьи, ограничимся лишь одним эпизодом из жизни президента Бриссоне.

Когда до Парижа дошли вести о поражении в битве при Падуе и о пленении короля, Парламент собрался на экстренное заседание 20 марта 1525 г. Слово взял Жан Бриссоне, “президент Счетов”. Его речь произвела такое впечатление, что регистр Парламента, вновь проявив несвойственное ему красноречие, воспроизводит ее чрезвычайно подробно.

“Сегодня Жан Бриссоне, шевалье, президент Счетов, сказал ассамблее, что ему кажется, что смута и несчастья, случившиеся в сем королевстве происходят из-за величайших грехов, творимых ежедневно в сем королевстве и, особенно, в сем городе, величайшем и состоящем из всех наций”. Президент в данном случае вполне органично придает сугубо урбанистическим заботам вселенский размах. Поскольку Париж, “caput urbis”, глава всех городов и центр королевства, а Франция — страна “христианнейшего короля”, то задача наведения порядка в Париже обретает космический или даже эсхатологический характер. Бриссоне конкретизировал свою мысль: “И что есть два основных греха, которые царят и кишат здесь — сиречь ересь и богохульство, которым нужно противодействовать и искоренять их. В этом городе и в других местах сего королевства есть многие, кто поддерживает доктрину Лютера, а этих ошибок следует избегать. Далее он сказал, что было некое лицо в сем городе, весьма высокопоставленное, скончавшееся некоторое время назад, которое однажды оказалось за одним столом с указанным Бриссоне. Был поднят вопрос de purgatorio vel resurrectione [о Чистилище и воскрешении из мертвых] и тот шепнул ему на ухо: ”Господин президент, находите ли вы сказанное правдоподобным? Это ведь вся для поповской выгоды”. Бриссоне ничего не ответил и не обращался к нему более, но его уважение к нему убавилось. И ему

сказали, что один из его сыновей, ныне здравствующий стал большим лютеранином. Каковое высокопоставленное лицо *est mortuus intestans et inconfessus* [умерло без завещания и покаяния], как он его и предупреждал. Хотя может быть он потом и раскаялся, *Juxta illud psalmiste, "Justus etsi preoccupatus fuerit. Anima tamen ejus in refrigerio erit"* [как сказал псаломпевец, "А правдник, если и рановременно умрет, будет в покое"]]

Бриссоне здесь не вполне точен, а может быть, его неверно понял секретарь или клерк, заполнявший регистр. Прочитированные слова относятся не к Псалмам, но к Премудростям Соломоновым.¹⁴⁰ Но рассказ об умершем вольнодумце — лишь начало обвинительной речи Бриссоне.

"И также был еще один высокопоставленный человек, впрочем менее важный, чем предыдущий, каковой находился в одном из мест сего города в начале этого Великого поста вечером, и между ним и Бриссоне был поднят вопрос de jejuniо [о посте], указанный Бриссоне сказал, что quod nos tenebatur jejeunare nisi subesset causa legetima et rationabilis. Ipse vero contra [что мы должны держать пост, если нет какой-либо законной и оправданной причины. Ему же возразили] говоря quod ecclesia non poterat obligare ad peccatum mortale; [что церковь не может предписывать смертный грех] и среди резонов, им приводимых, было сказанное, Marci secundo, ubi Pharisei dixerunt ad Christum "Quae discipuli Johannis jejunant frequenter, tui vero non jejunant" [от Марка вторая, когда фарисея спросили Христа: "Почему ученики Иоанновы ... постятся, а твои ученики не постятся?"]¹⁴¹. И наш Господь ему отвечал: "Non possunt filii sponsi jejunare quamdiu cum illis est sponsus. Venient autem dies in quibus auferetur ab eis sponsus, et tunc jejunabunt"¹⁴² [Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься. Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни].

Не вполне понятно, был ли перед секретарем текст, содержащий ученые аргументы президента Бриссоне, или же эти аргументы были настолько у всех на слуху, что он с легкостью воспроизводил их по памяти. Далее президент пересказывает реплики нового вольнодумца.

---

¹⁴⁰ Прем. 4. 7 — *Justus autem, Si morte praeoccupatus fuerit, In refrigerio erit.*

¹⁴¹ Мс 2:18

¹⁴² Мс 2:19–20

“После каковых слов ...он сказал Бриссоне: “Думайте, что это хорошее основание, причем весьма фривольное”. Тогда указанный Бриссоне ему возразил, что это плохо сказано, и что не должно клеветать на слова Господа нашего, и что многие останавливались на этом — большие мудрецы и доктора Церкви, и что он клеветает на слова святого Петра и Святого Павла и евангелистов, а они опора христианской церкви”

Но президент далек от того, чтобы выступать в роли простого доносчика; он, хотя и не был столь образованным, как его младший брат, — епископ, но не мог оставить без экстренной помощи несчастного грешника.

“И указанный Бриссоне был тогда сильнейшим образом скандализован этим человеком и его словами и поговорил об этом с доктором теологии, который ему сказал, чтобы тот выяснил, из какого прихода указанный человек и поговорил бы с его кюре, что он и сделал, и что указанный кюре ему обещал сделать соответствующее внушение на исповеди”.

Вопрос о необходимости соблюдения постов — не самый главный из тех, что волнует президента и его собеседников. Некий *“человек некоторое время назад спорил с Бриссоне о святом Писании; указанный Бриссоне привел ему авторитет Исаяи и Иеремии ... и этот авторитет был отвергнут тем человеком, говорящим quod omnes prophetie Testamenti veteris erant nulle [что все пророчества Ветхого завета не содержат никакой истин], так как omnia fuerant consummata in morte Christi [все было исполнено в смерти Христовой]. И вдобавок, спустя недолгое время, тот человек, говоря о Библии с Бриссоне, ему сказал, что было много книг — апокрифов, которым не должно придавать веры, что есть против текста главы Sancta Romana Ecclesia, XV distinctione”*¹⁴³.

После отповеди, данной вольнодумцу, тот признался, что знает по меньшей мере двоих своих единомышленников, одного с ним положения. Но этого мало: *“также было сообщено, что есть другие, кто ест мясо, сыр и яйца в пост; и делают много других вещей против Бога, не уважая его и предписаний Церкви”*. Уже одного этого достаточно, чтобы вызвать Гнев Господень, справедливо обрушившийся на Париж и на все королевство. Но этого мало, и президент

---

¹⁴³ Эта глава представляет собой список канонических книг, устанавливаемых папой Гелазием в подтверждение решений Никейского собора (cap. 2. D. 15 // Corpus juris canonici / Ed. E. Friedberg. Leipzig, 1879. Col. 35 (Спешу выразить благодарность Е. В. Казбековой за ценные консультации).

вынужден продолжать свою инвективу. Божба есть грех даже более страшный, чем прямое сомнение в заповедях веры, поскольку имя Божье все поминают все от мала до велика, и ругаясь и клянясь.

“А что до хулителей, то когда он идет по городу, он то и дело слышит хуление имени Господа, и что 10 или 12 дней тому назад, выходя из Дворца Правосудия и направляясь домой, он встретил человека с которым шел полпути, и который считал своим долгом хулить имя Бога; и что грех этот распространен так, что дальше некуда.

И что в прошлую пятницу мэтр Гильом де Керкю рассказывал в своей проповеди, как он встретил маленького мальчика лет пяти-шести, который хулил имя Бога; и знает, что в этом городе есть дом, где был ребенок *unicus filius patris* [единственный сын у отца], который имел привычку ругаться и богохульствовать, что удручало отца, и не хотел он его наказывать, потому что тот был единственный ребенок, но случилось, что он заболел и умер; и в этой своей болезни упал наземь и сказал: “Уберите от меня, грифонов, львов и ужасных зверей, которых я вижу”, прятался на груди отца и матери, и так умер. Это доподлинно известно указанному Бриссоне, потому что там были свидетели, которые ему это пересказали”.

В последнем рассказе есть некий назидательный смысл для историков культуры. В самый разгар французского Ренессанса, ученый человек, хотя бы в силу семейного положения связанный с рафинированными гуманистами из окружения своего брата, воспроизводит текст, абсолютно идентичный экземплярам XIII в., а то и раннесредневековым поучительным историям. В борьбе за спасение родного града от эсхатологической угрозы все средства хороши.

“И надо бороться против вышеназванных вещей, чтобы они не кишели, и что Господь наш смилостивится тем раньше, чем раньше он увидит, что мы исполнили свой долг”¹⁴⁴.

Парламент не остался глух к речи Бриссоне, во всяком случае, к той ее части, что затрагивала дисциплину в рядах парламентариев.

“БЫЛО СКАЗАНО, что имеются некоторые адвокаты, которые ели мясо в запретные дни. Раз тому есть свидетель, и надо, чтобы указанный Бриссоне

---

¹⁴⁴ AN. X1A 1527 f. CCXVIv–CCXVIIIv. (20.03.1525).

назвал тех, о ком говорил, с тем, чтобы им устроили наказание, так, чтобы другие могли усвоить пример.

И указанная ассамблея приказала указанному Бриссоне, чтобы тот назвал тех, о ком говорил, и просила епископа Парижа их принудить sub vinculo excommunicationis, с чем согласился и епископ”.

В этом смысле события, вызванные шоком пленения короля, предвосхитили будущую традицию меркуриалов Парламента — систематических дисциплинарных внутренних расследований, которые будут особо интенсивными в конце XVI века¹⁴⁵.

Возможно, столь пламенное выступление Жана Бриссоне было не экспромтом, но частью подготовленного сценария. Ведь после него выступил Первый президент Парламента Жан де Сельв, начавший кампанию против кружка вольнодумцев из города Мо, находившихся под покровительством Гильома Бриссоне. “Консервативной партии” было бы крайне нежелательно представить дело так, что атака ведется на весь могущественный клан Бриссоне.

Но Президент Счетной Палаты отнюдь не был простым статистом в этом действе. Он продумал пути борьбы с обозначенными им же злодеяниями. Если вольнодумцев из числа судейских перепоручили заботам епископа Парижского, то кто же будет бороться с богохульниками? И Президент берет слово во второй раз.

28 марта 1525 г. *“В тот день Жан Бриссоне,... сказал ассамблее, что в прошлый раз говорил о двух предметах, касающихся чести Бога, ... которыми являются богохульство и кои столь распространены, что требуют принятия мер, что тому назад три или четыре дня он нашел некоего человека, который начал хулить имя Бога, и когда он стал ему делать замечания, что тот поступает нехорошо, он ответил, что если бы его товарищи были здесь, он услышал бы еще и не то. Этот порок множится и если ему не противодействовать, то никогда не успокоит гнев Божий”.*

Когда-то, еще во времена Карла VI, королевский ордонанс предписывал усекновение языка рецидивистам-богохульникам, но эта мера не помогла. Но как юрист-практик Бриссоне понимал, что такие меры будут лишь

---

¹⁴⁵ *Kaiser C. Les cours souveraines au XVIe siècle: Morale et Contre-Réforme // Annales. E. S. C. 1982. Vol. 37. P. 15–31.*

выборочными. А истинно эффективными могут быть лишь систематические мероприятия и для этого одного правосудия мало.

“И чтобы ему противодействовать, он предложил бы одну вещь, если ассамблея одобрит ее: что Парламент должен отправить приглашение купеческому прево и эшевенам присоединиться к ним, дабы муниципалитет призвал своих квартальных и десятских, и чтобы им приказали раз в день наведываться в таверны и в общественные места, чтобы они записывали имена тех, кого найдут ругающимися или богохульствующими; и что, незамедлительно по их выявлении, их помещали бы в Консьержери, и чтобы распорядились о том, чтобы их процессы были бы быстрыми, чтобы умерить гнев Господень и дать пример другим”¹⁴⁶.

Не удалось Президенту разделаться с этим пороком¹⁴⁷, да и опасные сомнения в вере среди магистратов искоренить оказалось не так просто, как это виделось участникам парламентской ассамблеи. Но можно ли провести хотя бы пунктирную линию между несколько экзальтированным выступлением Жана Бриссоне в условиях “форс-мажорных обстоятельств”, пленения короля и угрозы, нависшей над Парижем, и его экстраординарным актом дарения своему университетскому крестнику, свершенного четверть века спустя?

В дарении слуге и крестнику упомянут и госпиталь “Красных детей”. В другом своем акте, составленном в 1547 г., Бриссонэ упоминает и предшествующие документы, адресованные этому учреждению. Президент составил дарение “Красным детям” еще 27 сентября 1539 г. во исполнение завещания своей жены Луизы Рагье. Покойница пожаловала сиротам 75 ливров ежегодной муниципальной ренты, и Бриссоне от себя добавил еще столько же.

“Госпиталю малых детей, называемому Малые Дети Господни, вновь воздвигнутому близ Тампля, передаются 75 ливров ренты, составляющих половину от 150 ливров ренты, приобретенной указанным господином президентом, ее мужем в период их замужества, на город Париж”. Оговорено и назначение этих денег: они пойдут “главным образом на обустройство и завтраки (fondation et desjeuner) указанных малых детей, и для оплаты пропитания для почтенной женщины, чтобы следила за ними”. Но в отличие от

---

¹⁴⁶ X1a 1527 f. ПсLXVv–ПсLXVI.

¹⁴⁷ Хотя правительство регентши Луизы Савойской буквально через несколько дней после этого памятного заседания Парламента приняло эдикт против богохульства. См. Recueil gйnйral des anciennes lois franзais / Ed. A. Isamber et al. Vol. 12. P. 231 § 127.

прагматичного Тьерри Дюмонта, ратующего за профессиональное образование воспитанников, заботы четы Бриссоне иные: в первую очередь надо подумать о воспитании духовном. Поэтому в обязанности воспитательницы входит, *“чтобы она заставляла бы каждого из них перед завтраком говорить Патер ностер и Аве Мария, если они это уже знают, и в конце [трапезы] Покоятся в мире, а по окончании обеда, ужина и когда указанные малые дети пойдут спать (Requiescat in pace — “Покоятся в мире”) за ее душу, душу указанного президента, ее мужа и прочих своих родных и друзей, как живущих, так и усопших...”* Как мы видим, обучение основам молитвы служит помимо прочего и вполне утилитарной цели дарителей — обеспечить помин души. Но как сделать так, чтобы дети представляли, за кого они возносят молитвы?

Завещание предусматривает этот вопрос: “предписывается, чтобы в зале, где будут есть указанные малые дети, было бы повешено изображение страстей Господа нашего, и чтобы под картиной была бы нарисована женщина, с тем, чтобы указанные дети имели бы напоминание, чтобы молить Бога за указанную усопшую”.

Помимо образа должно быть и письменное напоминание: *“как только в указанном госпитале будет воздвигнута капелла, то на увеличение этой капеллы была бы передана сумма в 200 ливров, с обязательством вырезать на стенах капеллы из меди или камня, близ главного алтаря, ее имя и имя указанного президента”.*

Правда, в завещании предусмотрен и другой вариант развития событий. Если вновь открытый госпиталь, предназначенный для детей, забранных из Отель-Дье, не сможет продлить свое существование, то в этом случае половина средств поступит в госпиталь Святого духа в Париже (то есть к “Красным детям”) и в Отель-Дье на тех же условиях. “То есть в конце еды, предназначенной для бедных, они должны читать “Покоятся в мире””, другая же половина должна будет в таком случае быть возвращена наследникам.

1 марта 1544 г. Жан Бриссоне от имени мэтров и управителей госпиталя *“Красных детей”* дал поручение своему капеллану Франсуа Гефрело, с тем, чтобы он собирал деньги, ренты и дары, адресованные *Красным детям*, и за это получал бы 15 турецких ливров в год за труды и хлопоты.

Президент адресовал в госпиталь *“Красных детей”* в 1549 г. еще 25 турецких ливров муниципальной ренты, *“сверх 150 ливров, уже дарованных им совместно со своей покойной супругой, во имя любви, которую он питает к*

указанному госпиталю, дабы дети смогли бы правильно определиться...”. Правда, в случае прекращения деятельности госпиталя, эти ренты будут переданы бедным из Отель-Дье¹⁴⁸.

Напомню, что в дарении своему крестнику с тем, “чтобы тот достиг чинов священства”, предназначенная для него пожизненная рента должна позже также поступить в приют “Красных детей”. Причем и крестник и “Красные дети” также обязуются молиться за душу дарителя.

В данном случае у нас не так много документов, чтобы стремиться воспроизвести облик президента Жана Бриссонэ. Однако общее впечатление составить удалось. Его “выпадение из ряда”, пожелание духовной карьеры, нетипичное для чиновников, соответствует повышенной озабоченности президента духовными делами. Он сумел продиктовать нотариусу Симону Лебрагу или Северену Годару именно ту формулировку, которую он счел нужной.

Вполне очевидно, что его возмущение словами собеседника, усомнившегося в существовании Чистилища, никак не было притворным.

И он, и его супруга тщательно продумали порядок и продолжение загробных месс, призванных облегчить пребывание их душ в Чистилище. Помощь сиротским приютам была для Бриссонэ задачей хоть и важной, но все же, как представляется, подчиненной основной цели индивидуального спасения.

Кстати, почти в те же дни, что и акт Бриссонэ, в Книге Шатле было зарегистрировано дарение советника Парламента, Жана Эннекена, адресованное другому знакомому нам приюту — госпиталю Святой Троицы (“Синим детям”). Эннекен уделяет большое внимание духовному образованию сирот, предписывает украшение капеллы, “дабы оградить указанных сирот от лютеровой заразы” (вспомним стремление оградить тех же сирот от заразы физической, исходящей от соседнего кладбища). Так же, как и Тьерри Дюмонт, Эннекен одаривает и обитель “Аве Мария”, предписывая, чтобы на аналое там лежала парча, украшенная его гербом¹⁴⁹.

Обратим внимание, что в тех актах, где даритель склонен размышлять о спасении души и где относится к поминальным обрядам неформально, он проявляет заботу о том, чтобы благотворительность сочеталась бы с увековечением памяти о нем самом. Эннекен напоминает о себе своим гербом,

---

¹⁴⁸ Y 94, f. 307.

¹⁴⁹ Y 94, f. 137v.

адвокат Жан Пилер — своим портретом во вдовьем доме, Бриссоне — портретом донаторши в приютской столовой и своими именами в капелле. Важно, чтобы образ или имя попадались на глаза молящимся в нужный момент, это, вероятно, увеличивало действенность молитвы, повышало ее “адресный характер”. Не связано ли нарастание подобных забот на исходе Средневековья с удивительным расцветом портретной живописи, с ее психологизмом, порой представлявшим персонаж в весьма непрезентабельном виде? Ведь важнее всего была точность в передаче характера, узнаваемость портрета, иначе молитвы могли быть вознесены не за того человека. Впрочем, это не гипотеза даже, а лишь приглашение к дальнейшему разговору, адресованное историкам искусства.

Вернемся к изначальной посылке. Мы предприняли небольшое расследование “дела Бриссоне” не потому, что нас привлекла его важная должность или родство с представителем христианского гуманизма. Нас заинтересовала в общем-то вполне типичная формулировка мотива университетского дарения, но обычно употребляемая представителями иной социальной группы. Мы не смогли бы использовать этот акт как “зацепку”, если бы не проделали длительную предшествующую работу и если бы университетские дарения не обладали бы такой степенью унифицированности.

Б. Непреклонный Рауль Спифам

“Извлекать пользу из занятий”. — Алая мантия на черном фоне. — Рауль Спифам, его враги и друзья. — Адвокат против Парламента. — “Помутнение разума и чувств”. — “Самиздат” как оружие. — Тайна автора “Дикаерхии”: помешанный, ясновидец или аналитик? — Королевские указы и документальные приложения. — Судебная стратегия и тактика Рауля. — Рыцарь общественного блага. — Дела личные и дела королевские. — Успех тактический или стратегический. — Кто победил?

Рауль Спифам, адвокат Парламента, со своей женой составили в 1542 г. дарение сыну-студенту, *“какового они хотят отправить учиться в прославленные университеты королевства, чтобы быть образованным и воспитанным в наилучших науках, чтобы придать ему желание к продолжению занятий и побудить его наилучшим образом извлекать из них пользу”*¹⁵⁰.

---

¹⁵⁰ У 87, f. 314.

И опять все кажется вполне органичным — такой язык можно обнаружить в королевских ордонансах, относящихся к университетам, и эта формулировка вполне соответствует чаяниям большинства родителей студентов. Поэтому этот пример исправно цитируется в работах, упоминающих об университетском образовании¹⁵¹. Но все же мотивация Спифама остается уникальной среди 1054 университетских дарений.

Три года спустя в другом акте Спифам представляется как шевалье, доктор прав, адвокат Парламента. Что было уже не вполне обычно — упоминать о своей степени среди столичных адвокатов было не принято, поскольку ею обладали здесь все по определению. В этом акте он передавал два благородных фьефа в держании по праву вассальной присяги (*en foi et hommage*) каждому из двух своих сыновей от второго брака (им было соответственно два и три года), которым при этом вменялось в обязанность в случае, *“если даритель и его жена будут взяты в плен на войне... или будут находиться в крайней нужде, продать фьефы, чтобы освободить их”*¹⁵².

И вновь вроде все правильно. Не так давно, всего несколько месяцев назад, англо-имперские войска угрожали Парижу, а владения Спифама расположенные в Бри, находились не столь далеко от театра военных действий. И, весьма вероятно, что адвокат и его молодая супруга были весьма напуганы пережитым. Вспомним, как для защиты родной сеньории запасался фальконетами Тьерри Дюмонт после битвы при Сен-Кантене. Простая предусмотрительность на случай плена или другого несчастья? Что же касается принесения фуа и оммажа, то это опять же было абсолютно законное требование, несмотря на то, что новому владельцу не исполнилось и трех лет. Однако, как правило, такие подробности в актах опускались, они подразумевались сами собой. Также, как само собой подразумевалось наличие у адвоката ученой степени или стремление извлекать пользу из полученного образования. Все правильно, но все как будто немного утрировано.

Концентрация этих мелких странностей позволяла предположить некоторые особенности личности, побуждающие к дальнейшим разысканиям. Угадывалось

---

¹⁵¹ Inventaire des registres des insinuations du Châtelet de Paris: Rignes de François I et de Henri II / Ed. par E. Campardon et A. Tuetey. Paris, 1906. P. 18; *Julia D.* L'Histoire des universités en France. Toulouse, 1986. P. 179–182; *Уваров П. Ю.* Французы XVI века: Взгляд из Латинского квартала. М., 1993. С. 211.

¹⁵² Y 90, f. 288v., 292v.

за этими актами личность оригинальная, может, даже экстравагантная. Действительность же превзошла все ожидания.

Рауль Спифам был одногодком Шарля Дюмулена, родившись в 1500 г., он становится адвокатом Парламента в 24 года и (как и Дюмулен) остается в этом звании всю жизнь. В “Диалоге об адвокатах Парижского Парламента”, написанном Антуаном Луазелем, я нашел любопытное свидетельство того, что Спифам выделялся на общем фоне адвокатов в совершенно буквальном смысле: “Будучи достаточно известен, принадлежа к одному из лучших домов города, он так сдал в конце своей жизни, что прославился лишь одним. Желая добиться или восстановить древнюю славу адвокатов... к ежегодной присяге перед открытием сессии Парламента он являлся в алой мантии [вместо черной адвокатской], которой никто никогда нигде не видел, кроме как на нем, да еще на старинных изображениях, которые можно найти в церквах”¹⁵³.

Но Рауль Спифам привлекал к себе внимание не только алым цветом своих одежд, сразу бросающимся в глаза среди массы его коллег, одетых в черное. Он продолжал утрировать норму, остро критикуя своих товарищей по Парламенту. С 1552 г. его имя появляется на страницах парламентских регистров: ему то и дело запрещают составлять и распространять пасквили и клеветнические измышления, направленные против чести и достоинства членов парламентской курии и других важных особ. В конце концов, в 1554 г. по настоянию его родных и друзей Парламент назначил ему опеку, “*по причине затемнения разума и чувств*”. Выясняя, кем же были эти ближние, взявшие Рауля Спифама под опеку, я понял, что ситуация в семье Спифамов превосходила по своему драматизму все, с чем мы до сих пор сталкивались. По сравнению с этим отношения Николя Леклерка с его племянниками, а Шарля Дюмулена с его братом могут показаться если не идиллическими, то, во всяком случае, банальными.

Рауль, второй сын в семье, имел сестру Жакетту и четырех братьев, из которых наиболее известными были двое. Старший, Гайар Спифам, генерал финансов, в 1531 г. был обвинен в подлоге и махинациях, арестован и покончил с собой 26 марта 1535 г., бросившись с балкона тюрьмы Консьержери (семья

---

¹⁵³ Loysel A. Le dialogue des avocats du Parlements de Paris // Divers traittys tiris des mmoires de m. A. Loysel. Paris, 1651. P. 524–525.

настаивала на том, что это был несчастный случай)¹⁵⁴. Постановление “Квадратной башни” (комиссии по финансовым преступлениям) обвинило его в хищении суммы поистине астрономической: 692 585 ливров 12 су и 1 денье. Финансистов при Франциске I судили часто, но сумма инкриминируемого Гайяру Спифаму, была “рекордной”: даже в самом громком деле сюринтенданта Сенблансея речь шла о сумме, составлявшей “всего лишь” 300 000 ливров¹⁵⁵. И это только *доказанный* ущерб казне, а изначально ему инкриминировалась еще более крупная растрата. Замять дело удалось опекуну детей Гайяра, выступившему гарантом возврата этого долга казне. Этим опекуном был младший брат Гайяра Жак Спифам, тот самый гуманистически настроенный канцлер университета, который поддержал реформу Галланда. Он занимал также ряд важных парламентских должностей, стал президентом палаты расследований Парламента, а в 1546 г. епископом Неверрским и докладчиком королевского Дворца. Он пользовался доверием у Екатерины Медичи еще до того времени, как она стала регентшей. Вполне возможно, что, оценив по достоинству его разносторонние таланты, королева могла бы обеспечить ему карьеру наподобие Мишеля Лопиталья. Однако этого не произошло: 20 февраля 1559 г., прочитав страстную проповедь против реформаторов, он... бежал в Женеву. Там, представ перед кальвинистской Консistorией, он заявил, что еще в 1539 г. вступил в тайный брак с Катриной Гасперн, вдовой прокурора Шатле, в доказательство чего предъявил соответствующий брачный контракт. Консistorия признала брак и объявила законными детей, которые родились у них за эти годы. Жак Спифам стал весьма влиятельной фигурой в лагере гугенотов, но затем запутался в политических интригах, был судим и обезглавлен в Женеве в 1566 г. Обвинений ему предъявлялось много, но,

---

¹⁵⁴ *Cronique du roy Franzois premier de ce nom / Publ. par G. Guiffrey. Paris, 1860. P. 136: “в четверг преставился господин Спифам, генерал финансов короля, в ту пору находившийся в заключении накануне оглашения приговора, и зная об этом, он бросился с галереи Консьержери парижского Дворца вниз и убили. После смерти тело долгое время не предавалось земле, пока Парламент не предписал, чтобы он был захоронен в освященной земле, но без шума и траура”.* См также *Le journal d’un bourgeois de Paris sous le rigne de Franzois I, 1515–1536 / Ed. par V. L. Bourielly. Paris, 1910. P. 377–378.*

¹⁵⁵ *Hamon Ph. L’argent du roi: Les finances sous Franzois I. Paris, 1994. P. 457–458.*

пожалуй, самым неблагоприятным для него оказалось установление подложности брачного контракта¹⁵⁶.

Рауль Спифам начал конфликтовать с братьями еще с 1526 г., когда начался раздел родительского имущества¹⁵⁷. В конце концов, в 1528 г. материнское наследство было разделено таким образом, что Гайар Спифам, Жан Спифам, Жак Спифам и Николь Лекок, муж Жакетты Спифам, признавали за Раулем, с которым вели процесс, его права на сеньорию Гранж и большой лесной массив, взятый в долгосрочную аренду их отцом еще в конце XV в. Кроме того, Гайар от лица всех прочих родственников гарантировал Раулю помощь в защите от притязаний третьих лиц и особенно монахинь Сен-Сирского аббатства, обязуясь помогать в расчетах по кредитам и рентам, выплачиваемым за арендуемые земли. Со своей стороны Рауль отсчитал Гайару в присутствии нотариусов 1804 ливра 16 су 8 денье а также передал Гайару свои права на сеньории Биссо и Цесси близ Мелена и Пасси близ Санса, а также и на иные части родительского наследства. Правда, было оговорено, что земли Гайара могут быть использованы в качестве гарантийного залога за арендованное имущество.

Каковы же были отношения между братьями? Наличие судебных споров, конечно, не способствовало установлению сердечного согласия, однако споры ведь были улажены. До какого-то времени можно говорить о взаимной приязни. Младший из сыновей Гайара носил редкое по тем временам имя Рауль, очевидно, что наш адвокат был крестным своего племянника. Гайар вторым браком, а Рауль первым были женаты на сестрах, соответственно на Жанне и Мари Парен. Правда, адвокат Спифам никогда не участвовал в финансовой деятельности старшего брата, в отличие от других своих братьев¹⁵⁸.

Но грянул арест, процесс Гайара и его скоропостижная смерть. Рауль не вошел в состав того круга родственников, который решал судьбу осиротевших детей Гайара и вопросы погашения долга перед казной.

Нам невозможно восстановить точную событийную канву семейной коллизии, но, насколько можно судить по последующим памятникам¹⁵⁹, дело обстояло следующим образом. Когда король подписал указ о конфискации

---

¹⁵⁶ *Delmas A. Procès et mort de Jacques Spifame // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. Paris, 1944. T. 5. P. 105–137.*

¹⁵⁷ X1c 256v, N 108 (1526); X1c 255. N 106 (10.09.1526).

¹⁵⁸ BN. Ms. fr. 3073. P. 121(original signй).

¹⁵⁹ О том, каким образом нам удалось собрать эти сведения, мы будем говорить ниже.

имущества проворовавшегося финансиста, остро встал вопрос, затронутый в акте 1528 г. Земли, отошедшие Гайару из семейного наследия, были уступлены Раулем при том условии, что они послужат гарантией в случае трудностей с лесом, оспариваемым монахинями Сен-Сира. Таким образом, эти земли не принадлежали только Гайару и не подлежали конфискации. Более того. Если опальный финансист лишен всех прав гражданского состояния, то, следовательно, право старшинства должно перейти следующему брату, то есть самому Раулю. И тогда можно аннулировать раздел 1528 г. и собрать все земли в одних руках, решив, помимо прочего, и проблему спорных лесных угодий.

Однако этого не произошло. Раулю Спифаму не удалось вернуть оспариваемую часть имущества Гайара (по собственным оценкам адвоката общая стоимость этой части имущества составляла 60 тысяч ливров). Правда, не удалось это осуществить и королю. Опекуны детей Гайара Жанна Парен (напомню, что она была не только вдовой покойного брата, но и сестрой жены Рауля), ее новый муж Мишель Шампрон, бальи Шартра, Филипп де Лотье, долгие годы служивший клерком у Гайара, и Жак Спифам сделали все возможное, чтобы минимизировать ущерб. Деньги были спрятаны, имущество переведено задним числом на других лиц; было доказано, что те или иные земли и дома Гайара принадлежали не ему, но по кутюмному праву считались собственностью его детей или вдовьей долей его супруги. Имущества бывшего генерала финансов не хватило на возмещение и малой доли искомой суммы¹⁶⁰. Но в 1539 г. Жак Спифам сумел подписать с генеральным прокурором Парламента соглашение о компенсации: выплаты в казну прекращались и семья считалась чиста перед королем. В этом не было ничего особо удивительного — по меткому замечанию Филиппа Амона, дети обанкротившегося купца находились куда в более тяжелом положении, чем дети казненного финансиста. Между королем и “господами финансов” отношения были весьма деликатными¹⁶¹ — кого-нибудь могли и наказать для острастки, но при этом интересы семьи, как правило, не очень ущемлялись, иначе число желающих добывать деньги для короля снизилось бы, а это вовсе не входило в планы королевской власти.

---

¹⁶⁰ *Hamon Ph. L'argent du roi...* P. 467. Если сумма растраты, вменяемая в вину Гайару была рекордной, то “рекордно” был и размер выплаченного королю возмещения — всего 20 000 ливров, что составляло менее 3% от требуемой суммы.

¹⁶¹ *Hamon Ph. Op. cit.* P. 498.

Вряд ли Рауля удовлетворил такой результат. Вероятно, он пытался протестовать против “увода” семейного имущества. Речь шла не только о сеньориях, “гарантирующих” владение Сен-Сирским лесом. Он заявил свое несогласие с продажей дома по улице Саль-де-Конт, деньги от которой (8 300 ливров) получил новый муж Жанны Парен, вдовы Гайара. Но Рауль заявил, что также имеет права на этот дом, поскольку еще в 1528 г. конституировал на него ренту в 200 ливров.

К тому же Рауль оказался участником еще одной семейной коллизии. Изабо де Лесплюк, вдова Гильома Парена¹⁶² (и, как мы помним, теща Гайара и Рауля), а также ее сын Пьер Парен, который вскоре станет аудитором Счетной палаты, были на стороне вдовы Гайара и его наследников, но второй брат, священник Жан Парен, опирался на Рауля Спифама в своей борьбе против родителей и брата.

Начиная с ноября 1542 г., Жан Парен составляет дарения (“*в знак любви*”), адресованные детям от брака Рауля Спифама и Мари Парен, сестры священника. Эти дарения продолжались и после смерти последней. В качестве объектов дарения выступали в основном свои права на ведение процесса против своего отца Гильома Парена, парижского буржуа и сеньора де Митри, а также против Симона Каера, бывшего официала парижского епископского суда. Целью Жана Парена было добиться возмещения ущерба, понесенного им из-за дела об “*отцеубийстве*” (parricide), возбужденного против него в церковном суде. Что скрывалось за этим термином, непонятно, поскольку процесс был начат еще при жизни Гильома Парена. Речь могла идти об обвинении в покушении на отцеубийство или на убийство какого-либо иного родственника.

Из дальнейших актов выясняется, что Жан Парен был насильственно сделан монахом, но что его монашеский обет был аннулирован решением апостолического суда, вынесенным летом 1542 г. Жан передает сестре свое право первородства при разделе отцовского имущества, а затем дарит Раулю свое приобретенное имущество.

Наконец, в 1547 г. им был составлен документ, напоминающий те акты, что составлялись в адрес сержанта Николя Филона. Жан Парен передает (с правом узуфрукта) свои права на наследство отца Гильома Парена, сеньора де Митри, в пользу несовершеннолетних детей Рауля Спифама и покойной Мари Парен, при

---

¹⁶² Гильом Парен, “парижский буржуа”, также принадлежал к миру финансово-откупщиков. *Parent Le Clech A. Histoire de ma famille. Paris, 1926.*

условии что дарителя будут кормить, одевать и обходиться достойно его положения, а также выплачивать жалование его слуге. Со своей стороны даритель обязуется завершить процесс против своего брата Пьера Парена. Жак называет конкретные судебные постановления, предписывающие возмещение ему судебных издержек, каковые он и дарит своим несовершеннолетним племянникам и племянницам.¹⁶³

Таким образом, Рауль Спифам не только сам ведет борьбу за свои права, но и помогает или, во всяком случае, пытается помочь другим. Он вел в суде дело Гадран Овре, вдовы помощника каменщика Гильома Бодена, убитого при исполнении обязанностей (*tuy et occis en besongne de son hastelier*) на службе Раулю Спифаму в переулке Пти Мариво. Ответчиком на этом процессе был Клод Марсель, ювелир и парижский буржуа. Из акта 1545 г., в котором один из сыновей Рауля получал комплекс парижских домов, мы узнаем, что Клод Марсель был его соседом по улице Мариво. Ювелир являлся грозным противником; в дальнейшем он займет ключевые посты в парижском муниципалитете, будет пользоваться безграничным доверием Екатерины Медичи и станет исполнять обязанности купеческого прево, как раз накануне Варфоломеевской ночи¹⁶⁴. Поскольку карьерный рост Клода Марселя никак не остановился после иска, вчиненного по инициативе Рауля, можно предположить, что он избежал ответственности или легко договорился с вдовой о возмещении ущерба. Во всяком случае, Спифам остался недоволен ходом процесса и добивался отвода судей по этом делу: президент Парламента Жиль Леместр и королевский адвокат Дени Рийан, приходились родственниками Клода Марселя по женской линии. Справедливости Спифам не добился, а новых врагов себе нажил.

Но главная неудача постигла нашего адвоката в его тяжбе с монахинями Сен-Сирского монастыря. 18 февраля 1549 г. постановление Парламента вынесло окончательное решение в пользу монахинь, предписав Спифаму возместить “*плоды*”, то есть доходы с оспариваемого имущества, накопившиеся с начала возбуждения процесса. Если ответственность по “*возмещению плодов*” за период с 1518 по 1529 г. распределялась между всеми наследниками Жана Спифама-старшего, то деньги за следующий период, продолжительностью в 21

---

¹⁶³ Y 87, f. 54, 316; Y 88, f. 153; Y 89, f. 189, 288v.; Y 93, f. 126–127v.

¹⁶⁴ Mouton L. Claude Marcel. Paris, 1931; Diefendorf B. Beneath the Cross: Catholics and Huguenots in Sixteenth-Century Paris. Oxford, 1991.

год должен был возмещать один лишь Рауль. Это составляло 4200 ливров (при оценке доходности леса в 200 ливров в год). Более того, Рауль в 1536 г. продал третьей стороне права пользования лесом (все за те же 200 ливров в год), но оставил за собой дубы и фруктовые деревья, которые затем вырубил.

Особую сложность составляло то, что еще во времена первого договора об аренде, заключенного Жаном Спифамом-старшим в 1496 г., площадь леса по данным монахинь составляла в 366 арпанов, Спифамы тогда не сумели провести своих землемерных работ, сейчас же измерения показали, что лес занимает всего 212 арпанов. Рауль Спифам настаивал на низкой доходности леса (он никак не мог получать с них свыше 50 ливров в год), а также требовал учесть стоимость произведенных “улучшений” — прореживание леса, закладка дренажных и противопожарных канав. Но в целом процесс был проигран, а помощи от могущественных родственников ожидать не приходилось, они не спешили “*гарантировать*” отсуженное у Рауля имущество.

Нашего адвоката ожидал еще один удар. Жанна Спифам, его дочь от брака с Мари Парен, против его воли вышла замуж за адвоката Франсуа Тевено. Рауль обвинил его в тяжком преступлении — похищении невесты и добился ареста “похитителя” (*rapteur*), однако из-за попустительства судьи Гильома Бургуина и королевского прокурора Ноэля Брюлара Тевено ускользнул от наказания. Судья Бартелеми Фай, который вел этот процесс, в ту пору отсутствовал, другой судья, Гильом Бургуин, не знакомый с материалами следствия¹⁶⁵, подписал постановление об освобождении по представлению королевского прокурора. Спифам пытался оспаривать решение этих должностных лиц, но также без особого успеха. Франсуа Тевено в дальнейшем продолжал оставаться в звании адвоката Парламента, скорее всего, дело удалось замять.

Взглянем еще раз на ситуацию глазами Рауля Спифама. Его проблемы обострились после 1549 г., когда перед ним встал вопрос о выплате весьма солидной суммы. Отношения с парламентскими судьями были основательно испорчены. Компромисса с родственниками также ожидать не приходилось. Они достаточно легко рассчитались с казной, и теперь адвокату противостояла

---

¹⁶⁵ Это произошло до 1551 г., поскольку Гильом Бургин, хорошо знакомый нам по делу Николя Леклерка (он был женат на его племяннице) умер где-то между 1549 и 1551 гг. В попустительстве похитителю дочери Рауль вполне мог усмотреть происки своих родственников: Гильом Бургуин был человеком герцога Неверрского, а в ту пору важной фигурой в этой клиентеле становится Жак Спифам, новый епископ Неверрский.

сплоченная группа очень влиятельных и богатых людей. Старший сын Гайара, Жан VI Спифам, унаследовавший от отца сеньорию Пасси (на которую Рауль претендовал, надеясь отобрать для себя право первородства), в 1549 г. становится советником Парламента¹⁶⁶. Эта должность, стоившая очень больших денег, свидетельствовала о солидном богатстве (а ведь всего десять лет назад наследники Гайара убедили казну в том, что они не имеют средств). Жану удалось породниться со старым парламентским родом де Лионов. Один его брат, Жером Спифам, занимает должность контролера королевских соляных амбаров и при этом занимает должность прево городка Шамбли, близ Санлиса, а другой, Рауль-младший, казначей артиллерийского ведомства. Он уже достаточно тесно интегрирован в среду финансовых чиновников, ведь он женат на племяннице Филиппа де Лантье, того самого сотрудника покойного Гайара Спифама, что некоторое время был опекуном его детей. Опекунство продлилось не очень долго, поскольку де Лантье, в свою очередь, был обвинен в казнокрадстве, но успел бежать из страны. Однако несколько лет спустя он сумел договориться о компенсации вменяемого ему ущерба и вернулся во Францию, где вновь достиг немалых успехов на финансовом поприще. И, наконец, младший из сыновей Гайара от первого брака, Жиль Спифам, в ту пору стал деканом церкви Сен-Марсель и каноником Санса; он служил также викарием у своего дяди Жака Спифама, епископа Неверрского (позже, после 1559 г., он сам займет эту кафедру). Анна Спифам, дочь Гайара от Жанны Парен, проживала совместно со своей бабушкой, Жанной Делесплюк, вдовой Гильома Парена (как мы помним, Спифам получил от священника Жана Парена права на ведение процесса против Гильома Парена). В 1553 г. Анна получает от этой своей бабушки 345 ливров ренты¹⁶⁷ и вскоре вступает в брак с Жаном ле Монье, криминальным лейтенантом Шатле. К врагам Рауля Спифама следует отнести также Жанну Парен, вдову Гайара, и ее второго супруга, бальи Шартра. Судился с Раулем и Пьер Парен, брат Жанны, аудитор Счетной палаты.

Таким образом, Раулю пришлось иметь дело с мощной коалицией, превосходящей по своему политическому и социальному весу даже объединенные усилия племянников декана Николя Леклерка, а ведь на стороне последнего был авторитет прославленного факультета теологии.

---

¹⁶⁶ *Maugis E.* Histoire du Parlement de Paris de l'avènement des rois Valois a la mort d'Henri IV. Paris, 1913. Vol. 1. P. 360.

¹⁶⁷ Y 98, f. 391v.

Но Рауль продолжал борьбу даже в этой, казалось, совершенно безнадежной ситуации. Он поступал так, как в те же годы действовал его коллега Шарль Дюмулен: он сделал ставку на придание конфликту максимально публичного характера. Но результаты, достигнутые Спифамом, были не столь блестящи. В тот же год, когда Парламент торжественно провозгласил победу Дюмулена в его затянувшейся тяжбе с братом, по поводу Спифама было опубликовано беспрецедентное решение. Запись в парламентском регистре от 30 сентября 1552 г. гласит: *“Вызван был Рауль Спифам, которому вменяется авторство пасквилей и эпиграмм (petits libelles et epigrammes), сочиняемых и печатаемых против многих известных персон указанной курии, ему предписано впредь не составлять указанных пасквилей и сатирических эпиграмм и вести себя скромно, как подобает по его положению. Вызван криминальный лейтенант Шатле и опубликован запрет печатать впредь эти сочинения всем типографам, и персонально — типографу Николя Кресъену”*¹⁶⁸.

Но этот запрет не возымел действия, и голос Рауля становился все громче. Очевидно, Рауль обратился напрямую в Королевский совет. В Фонтенбло, 1 марта 1553 г. *“Король в своем совете”* отзывает дело в свой суд.

Не известно, как двигалось расследование, однако 5 мая 1554 г. Парламент вновь занимается Раулем и принимает важное решение — о *“помешательстве ума и чувств”* (perturbation de sens et d’esprit), в которое впал Рауль Спифам¹⁶⁹. По просьбе родственников и друзей Спифама Парижский прево и его гражданский лейтенант назначает опеку над личностью и имуществом адвоката, а самого его предписывает держать взаперти. *“Курия рассмотрела многие писания, клеветнические пасквили и публичные акты, свершенные указанным Спифамом, и сочла помешательство очевидным.*

Жану Спифаму, советнику Парламента и племяннику указанного мэтра Рауля Спифама, предписывалось в трехдневный срок собрать родственников указанного Рауля Спифама числом десять человек в присутствии советника Кристофа Арле, которому курия поручает организовать выборы куратора и сам мэтр Рауль будет помещен в такое место под надежную охрану, чтобы он не смог после чернить и угрожать кому бы то ни было клеветническими пасквилями, письменными или иными. А родственникам позаботиться о пропитании и содержании указанного Спифама, его жены и семьи. А чтобы

---

¹⁶⁸ X^{1a} 1573, f. 599.

¹⁶⁹ X^{1a} 1579, f. 583.

избежать процессов и опасности для жизни самого Мэтра Рауля Спифама и по иным соображениям, указанная курия постановляет, чтобы он был заключен в Консьержери Парижа”.

Но если Рауль и пробыл в тюрьме, то очень недолго, поскольку вскоре, 11 июля 1554 г., последовало новое постановление Парламента, отклоняющее кассационную жалобу Рауля Спифама. Ему запрещалось впредь противодействовать решениям курии и предписывалось *“находиться в своих домах, без того, чтобы являться в Парламент, и не слоняться (ne divaguer) по другим местам, и в особенности не посещать королевской курии, не злословить, не составлять и не распространять клеветнических пасквилей против чести кого-либо как печатно, так и словесно (verballement), и курия предписывает родственникам и свойственникам Спифама обеспечить выполнение постановления, и если он откажется повиноваться и [станет] бродить по улицам, по Дворцу правосудия и в других местах, ... обязать его подчиняться кураторам как из числа родных и свойственников, так и из [числа] иных достойных персон, которые будут ему назначены в соответствии с настоящим постановлением в отношении его личности и имущества. Передать [ему] копию настоящего постановления через пристава”*¹⁷⁰.

Судя по другим источникам, ему был назначен опекун из числа комиссаров Шатле — Жермен Жанно. Однако опальный адвокат не сложил оружия. Как и Филипп Кавелье, он вновь пробивается в королевский совет и 10 июня 1555 г. получает оттуда постановление об освобождении из-под опеки и о восстановлении в своих правах, причем королевский совет вновь подтверждает свое решение забрать в свое ведение дело Спифама.

Но, как мы помним, любое решение королевского совета или канцелярии должно было пройти процедуру регистрации в Парламенте (“энтеринации”). Парламент же активно сопротивлялся и вновь приказал поместить Рауля в Консьержери. Тем не менее, наш адвокат успел возбудить процесс против бывшего куратора имущества комиссара Жанно, обвиняя его в разбазаривании вверенного ему имущества. По-видимому, на начальной стадии (еще 8 мая 1555 г.) исковое заявление было подано женой Рауля Изабеллой Спинола, а затем, освободившись из Консьержери, Рауль, в свою очередь, добивается постановления о помещении в тюрьму самого Жанно. Однако, как жаловался

---

¹⁷⁰ X1a 1579, f. 23v.

Спифам, комиссар Жанно был вскоре выпущен из Консьержери благодаря потворству Жана ле Монье, криминального лейтенанта Шатле. По мнению Рауля Спифама, он выступал в роли пристрастного судьи (*juge et partie*), так как был женат на дочери Гайара, Анне Спифам и, следовательно, входил в число злейших врагов Рауля.

По всей видимости, Спифам восстановил против себя решительно всех в Парламенте, и решение от 12 октября 1555 г. было еще жестче предыдущих. Советник Жан Спифам выступил с заявлением по поводу *“тяжелых скандальных оскорблений и угроз (injures atroces scandaleuses et parolles outrageuses) Рауля Спифама на протяжении трех или четырех лет, а с недавнего времени нашедших выражение в нескольких тетрадах, приложенных к данному заявлению”*. Таким образом, жанр, избранный Раулем, становится все менее легким — от эпиграмм до каких-то объемных текстов, от сплетен до угроз. Постановление генерального прокурора, с которым согласилась парламентская курия, разрешало *“господину Жану Спифаму поместить указанного адвоката Спифама в тюрьму Консьержери, по причине забвения (la court temorative) им прежних постановлений и запретов”*.

Парламент вновь вернулся вскоре к этому вопросу: через 10 дней (22 октября 1555 г.), возможно, после того, как внимательно ознакомился с представленными материалами “тетрадей”. Ради обеспечения спокойствия Жана Спифама, его родственников и прочих лиц, Раулю и его клерку под страхом тюрьмы было сделано повторное запрещение составлять или заказывать указанные клеветнические пасквили и запретить жене Спифама их разносить, публиковать и распространять, а парламентским приставам приказано было не принимать и никому не передавать никаких документов Спифама без согласия назначенных ему кураторов.

Итак, опека была восстановлена, а родственники получили что-то вроде “исполнительного листа”, позволяющего в любой момент бросить Рауля в тюрьму.

Вскоре появляется нотариальный акт, по которому мы можем судить о действенности опеки. Он был составлен 3 декабря 1555 г. в конторе нотариуса Венсана Мопу, у которого обычно составлял свои акты епископ Неверрский. Жак Спифам выступает от своего имени и от имени своего брата - *“благородного человека Рауля Спифама сеньора де Гранж”*, таким образом, впервые опущено его адвокатское звание; в противном случае он писался бы

как “noble homme et sage maotre”. Среди других участников сделки, от лица которых действует епископ, перечислены:

их сестра, Жакетта Спифам, вдова Жана Лекока,
их племянники Жан Сифам, королевский советник в Парламенте; Жером, гофмейстер короля Наваррского; Рауль, казначей сотни королевских гвардейцев под началом великого экуюе месье де Буаси; Жиль, декан Санского собора,
а также Жан де Монье, криминальный лейтенант Шатле, от лица Анны Спифам; Изабелла Спифам, вдова покойного Луи ле Балю, хлебодара королевы Наваррской “и прочие дети покойного Гайара Спифама”.

Речь шла о договоре с представителями Сен-Сирского монастыря о процедуре выполнения судебного постановления 1548 г. Кстати, именно из данного акта мы узнаем о некоторых подробностях этого процесса. Суть сделки сводилась к тому, что в возмещение отсуженной суммы, епископ передает монастырю драгоценные предметы церковной утвари и выплачивает 400 золотых экую звонкой монетой сразу, а через полгода еще 200 экую. Стороны договариваются об аннулировании встречных исков, за исключением одного, связанного с обвинениями в адрес Рауля Спифама в вырубке дубов и плодовых деревьев¹⁷¹. Наконец-то с абатиссой Сен-Сирского монастыря договариваются все потомки Жана IV Спифама. Но отнюдь не на такую помощь рассчитывал некогда Рауль.

1556 г. сулил некоторое затишье: буйный Рауль Спифам нейтрализован, бесконечная тяжба семьи Спифамов, казалось, улажена, благодаря богатству и дипломатическим талантам епископа. Но не таков был Рауль Спифам, чтобы отступать перед лицом вопиющей несправедливости. Он лишь затаился на время.

Имя Рауля вновь появляется на страницах регистров в конце лета 1556 г. Причем затишье было нарушено, казалось, по простой случайности. В среду, 26 августа, Парламент рассмотрел заявление адвоката Арнуля Лекурта, “назначенного правосудием опекуна и куратора личности и имущества дамуазель Клоды Спифам, несовершеннолетней дочери мэтра Рауля Спифама и покойной Мари Парен”. Мэтр Лекурт напомнил, что “более года назад принужденный постановлением курии взять на себя опеку Клоды и поместить ее в свой дом... а прежде она некоторое время находилась в доме Пьера Парена, советника короля и аудитора счетной палаты”. Два дня назад, 24

---

¹⁷¹ MS VIII, 222 (03.12.1556).

августа, жена адвоката Лекурта возвращалась из города вместе с Клодой, *“и повстречали указанного Спифама, каковой среди бела дня на улице схватил свою дочь и увел ее”*. Заявитель просит заставить Спифама вернуть дочь, а в случае его отказа отобрать ее через пристава, вскрыв, если понадобится, жилище Спифама, или же освободить заявителя от обязанностей по опеке над Клодой Спифам. Курия предписала своему приставу силой забрать Клоду и передать ее опекуну Лекурту¹⁷². Хрупкое перемирие было нарушено и правосудие вступило в борьбу, поводом для которой, по видимости, служил вполне понятный эмоциональный порыв Рауля. Однако не все было так просто — из записей, появившихся буквально на следующей странице, следовало, что люди Парламента давно с опаской следили за действиями затаившегося смутьяна и лишь воспользовались удобным предлогом для решительных действий.

В пятницу, 28 августа, появляется следующая запись: ознакомившись с протоколом Жана Дюрана, пристава, исполнявшего внесенную утром жалобу *“людей короля”* в Парламенте¹⁷³ против адвоката Рауля Спифама, *“по поводу некоторых скандальных и оскорбительных книг, которые он печатает у себя на дому вопреки запрету указанной курии”*. Обратим внимание, сначала говорилось об эпиграммах и пасквилях, год назад — о тетрадях, а теперь уже о печатных книгах. Из протокола явствует, что, по словам соседей, Спифам со вчерашнего дня уехал в свой загородный дом, прозываемый Гранж, близ Мелена, чтобы не слушаться решения курии, предписывающего его сдать все книги, которые он велел отпечатать, а также их черновики. Ознакомившись с заявлением Дюрана, *“курия, чтобы избежать еще большего скандала и чтобы указанный Спифам не смог бы впредь вопреки постановлениям и запретам, вынесенным по его поводу, завершить печать указанных книг будь то в сем городе, в Гранже или в ином месте, ни публиковать напечатанное”*. Постановлено было схватить Спифама где бы он ни находился и силами пристава или королевского сержанта доставить его в Консьержери. Вне зависимости от того, смогут или нет задержать Спифама, решено было провести обыск в его доме и если *“будут обнаружены какие-нибудь черновики, типографские шрифты и типографские доски, и набор и иные материалы, относящиеся к указанным клеветническим пасквилям и скандальным*

---

¹⁷² X1a 1583 f. 133–133v.

¹⁷³ То есть “паркета” — королевского прокурора и королевских адвокатов.

заявлениям”, то их надлежит собрать вместе и доставить в Консьержери, и также поступить с рукописями Спифама, типографскими прессами и иными вещами, которые будут найдены в домах типографов [работающих по его заказу]¹⁷⁴, все это надлежит сдать секретарю курии.

2 сентября был допрошен парижский переплетчик и книготорговец, Делюизьер, показавший, что он *“переплетал некие книги мэтра Рауля Спифама, содержащие многие заявления и скандальные пасквилы против чести и власти наиболее видных лиц Правосудия”*. Курия поручила мэтру Роберу де Сен-Жермену, одному из четырех парламентских секретарей, совместно с приставом Жаном Друаром и переплетчиком Делюизьером вскрыть в доме Спифама помещение, где находятся книги, на которых укажет Делюизьер, дабы осуществить изъятие *“черновиков и рукописей книги Спифама и произведений, составленных им для печати, содержащих указанные пасквилы и скандальные заявления, а также набор шрифтов для печати этих книг”* и доставить все в дом секретаря Сен-Жермена¹⁷⁵.

Еще через несколько дней 8 сентября пристав Жан Друар представил протокол об исполнении, отчитался и сдал ключ от комнаты Дворца правосудия, *“в которой были заперты книги, бумаги, черновики и прочие вещи, указанные в его протоколе”*. Советники Парламента Де Сирье и Арле приложили к нему протокол, составленный Сен-Жерменом и выдали копию своему коллеге, советнику Жану Спифаму.

После этого вновь наступило затишье, прерванное лишь в декабре 1556 г., когда в регистрах Парламента было записано: *“Указанный Спифам, начиная с прошлого воскресенья, несмотря на арест всех рукописей, публикует monition (предупреждение перед церковным осуждением), сделанное по его настоянию официалом Парижа тем, кто причастен к аресту его книг, черновиков, и шрифтов, и прочих вещей”*. В этом тексте Спифам (а у курии нет сомнения в том, что именно он является инициатором данного церковного порицания) утверждает, что при изъятии книг у него похитили золото и серебро в большом количестве. Тем самым выдвинутое обвинение наносит ущерб чести тех, кто по распоряжению курии осуществлял эту конфискацию.

Курия запретила священникам и викариям Парижа и пригородов касаться этого предупреждения, испрошенного Спифамом, и под угрозой наказания

---

¹⁷⁴ X1a 1583, f. 134–134v.

¹⁷⁵ X1a 1583, f. 155.

предписывает официалам парижского епископа и их вице-регентам не выносить впредь подобных предупреждений по просьбе Спифама и не оглашать их в церквах¹⁷⁶.

В том же декабре Робер де Сен-Жермен жаловался, что он постоянно преследуется адвокатом Спифамом, настаивающем на выдаче ему протокола изъятия книг и набора. *“На что было указано, что копию протокола надлежит выдать лишь куратору Спифама, а не ему самому”*¹⁷⁷. Курия продолжала придерживаться одной линии — Рауль Спифам не является ни истцом, ни ответчиком, он невменяем и его интересы может представлять только опекун-куратор.

Через полгода, 11 июня 1557 г., в парламентских регистрах появляется запись о новом утверждении опеки. *“В соответствии с предписанием суда по поводу Рауля Спифама были заслушаны епископ Невера Жак Спифам, докладчик прошений королевского дворца [поздравим от себя этого ученого прелата с обретением новой должности] и Жан Спифам, советник Парламента, а также прочие родственники и свойственники Спифама”*. По поручению курии племянник Рауля, Жером Спифам (как мы помним, он служил при дворе короля Наваррского), *“согласился взять на себя заботу по присмотру (garde) за особой своего дяди, а епископ Неверрский предложил выделить для этого 1200 ливров в год, что было одобрено курией”*. Жерому Спифаму вменили в обязанность содержать Рауля под присмотром *“в его парижском доме, где он проживает ныне, или же в том месте, которое указанный Жером сочтет более надежным или удобным”*. Главное было обеспечить действие запрета что-либо писать как самому, так и при помощи Изабеллы Спинола. Племянник должен был обеспечить строжайший запрет на появление Спифама в королевской курии или иных местах без сопровождения одного из своих охранников, принимая во внимание тот факт, что епископ Неверрский будет платить ежемесячно по 20 ливров в виде жалования тому, кто будет присматривать за Раулем¹⁷⁸.

Э. Можис, апологет Парламента и главный его историк, не смог сдержать раздражения, ознакомившись с делом Спифама в парламентских регистрах: *“Столько времени у курии поглотила необходимость заставить замолчать этого*

---

¹⁷⁶ X1a 1583. f. 381.

¹⁷⁷ X1a 1583. f. 390.

¹⁷⁸ X1a 1585. f. 486 v.

невоздержанного писаку (*set йcrivailleu incontinent*). Столько шума и столько потраченного времени из-за столь ничтожной личности!”¹⁷⁹ И, действительно, Спифам отнял много времени и сил у очень занятых людей (в те годы с неслыханной ранее частотой поднимался вопрос о чрезвычайной загруженности Парламента вследствие “*напыва дел*”), мятежный адвокат многократно игнорировал строжайшие запреты Парламента, оскорблял авторитет отдельных судей, курии в целом, а, следовательно, и всю систему королевского правосудия. За гораздо меньшие прегрешения адвоката могли отправить на виселицу. Со Спифамом же обходятся на удивление мягко. Жалели “своего”, хотя и сбившегося с пути, но все же потомка славного чиновничьего рода? Принимали во внимание жалкое умственное состояние своего оппонента?

Впрочем, это только Э. Можис называет Рауля ничтожной личностью, ему хорошо были знакомы парламентские регистры, но он так и не поинтересовался, что же за книгу написал Спифам, и почему она так взбудоражила магистратов. Несмотря на совместные усилия Парламента и родственников Спифама, “скандальная” книга была все же им отпечатана, переплетена и по этой причине хоть как-то дошла до современников и историков. В настоящее время, по моим данным, сохранилось не менее 9 экземпляров его сочинения¹⁸⁰, что для книги середины XVI в., напечатанной в экстремальных условиях и старательно уничтожаемой правосудием, выглядит не столь уж малой величиной.

Книга Рауля Спифама была озаглавлена весьма замысловато: “*Dicaerchiaie Henrici regis christianissime progymnasmata*” (“*Упражнения Христианнейшего короля Генриха в законах правления*”) и составлена в форме 306 указов от имени короля Генриха II, данных “с целью реформирования многих вещей, находящихся в беспорядке как в галликанской церкви, так и в правосудии”. Из предисловия следовало, что число указов (*arrests*) должно было доходить до 500, но по понятным для нас причинам, автору пришлось ограничиться лишь первым томом своего издания. Том носит отпечаток крайней спешки, в которой приходилось работать автору и типографу: изобилие опечаток, ошибки в пагинации (в конце концов, издатели вообще от нее отказываются), несколько сбоев в нумерации самих указов, несоответствие порядка указов той их

---

¹⁷⁹ *Maugis E. Histoire du Parlement de Paris. Vol. 1. P. 362.*

¹⁸⁰ 4 экземпляра остались в Париже (2 в Национальной библиотеке, 2 — в библиотеке Святой Женевиевы). Еще 2 экземпляра находятся в Амстердаме, и по одному в Лондоне, Руане и Принстоне.

компановке, которая была заявлена в “Содержании” и др. Вряд ли в задачу автора входила мистификация или анонимность издания, предисловие завершалось стихами, раскрывающими авторство Рауля Спифама:

Statue honorificae Henrici
Regis, christianissimi positum
Lutetiae Parisorum plebiscitum
Radelpho Spifama poeta Gallo
Praeconii huius autore...

Лишь несколько из указов внешне подражали форме реальных королевских ордонансов, в остальных случаях главным для автора было донести основную мысль. Указы затрагивали широкий круг проблем: реформирование госпиталей, “прославленных университетов”, порядка проведения судебных сессий, наказания супружеской неверности и пр. В своих указах “король” не забыл и своего верного слугу и жалует “*Раулю Спифаму, рыцарю, доктору прав*”, высшую должность — Диктатора и хранителя печати, а также защищает его от клеветы и ложных обвинений, и забирает его дело на свой суд. В этом труде содержалось немало проектов, полностью или частично реализованных впоследствии. “Прозрения” адвоката оказывались, порой, настолько точными, что его “*постановления Генриха II*” включались в некоторые сборники законов и цитировались в серьезных изданиях как вполне аутентичные королевские ордонансы¹⁸¹. Только Франсуа Секус, участник знаменитой комиссии по публикации ордонансов французских королей и член королевской Академии надписей и изящных искусств, разоблачил “подделку” как творение рук

---

¹⁸¹ Brillon J. P. Dictionnaire des arrkts ou jurisprudence universell, Paris, 1727. Т. 3. P. 926; Bouhier J. Observation sur les coutumes de Bourgogne. Dijon, 1742–1746; Sainte Marthe A. Discours au Roy sur le rġtablissement de la bibliothique royale de Fontainebleau // Plaidoyez de Messire Nicolas de Corberon avec les arrests intervenues sur ces plaidoyez, Paris, 1693. P. 502. В последней работе автор приводит в пример королевский указ о введении “права обязательного экземпляра”: один экземпляра каждого напечатанного во Франции издания должен поступать в королевскую библиотеку. Абель Сен-Март в данном случае слегка лукавил, он понимал, что речь идет не об аутентичном королевском ордонансе. Один из экземпляров “Дикаэрхии”, хранящихся в Национальной библиотеке (in-8 Z 209 Res), содержал владельческую запись семьи Сен-Мартов. В маргиналиях содержались точные сведения о Рауле Спифаме, но хранителю королевской библиотеки было выгодно опереться на давний прецедент. Во всяком случае, в относительно современной работе, посвященной истории “права обязательного экземпляра” во Франции, о предложении “Дикаэрхии” говорится как о реальном ордонансе Генриха II. *Estivals R. Le Dġpft legal sous l’Ancien Rġgime en France, de 1537 a 1791. Paris, 1961. P. 108.*

“частного лица, никак не уполномоченного на то королем”. Некоторые акты казались ему экстравагантными и даже шокирующими, но “поскольку даже дурак иногда поучает мудреца”, то ученый отмечает некоторые очень ценные предложения Спифама, реализованные впоследствии (строительство Нового моста в Париже, перенос начала года на 1 января, резкое ограничение действия сеньориальной юстиции и пр.)¹⁸².

С точки зрения адвоката времен Людовика XIV Николя Катерино, Спифам вполне сознательно избрал маску “мудрой глупости” вслед за Себастьяном Брандтом, Эразмом, Томасом Мором и Франсуа Рабле, чтобы высказать очень ценные мысли. В данном случае автора интересовали предложения Спифама по реорганизации кредитной сферы¹⁸³. Жан Офрей, экономист и поклонник физиократов, в 1775 г. опубликовал избранные указы Рауля Спифама со своими комментариями. Он также признавал некоторую странность отдельных указов “Дикаэрхии”, но в целом настроен вполне апологетически по отношению к Спифаму, что следует из заглавия его книги: “Взгляды политика XVI века на законодательство своего времени, в равной мере подходящие для реформирования оногo в наши дни”¹⁸⁴.

После некоторого забвения, вновь возобладала трактовка книги Спифама как несколько экстравагантной по форме, но свидетельствующей о знании дела и компетентности автора и потому содержащая ряд “пророчеств”. Ее разделяет историк французского права Ив Жанкрос¹⁸⁵ и канадский исследователь Генри Хеллер¹⁸⁶, высоко оценивающий новаторский потенциал предложений Спифама по созданию системы национального светского образования, включая женское, по унификации системы мер и весов, банковского дела и, особенно, по реорганизации сельского хозяйства.

Но достаточно рано сложилась и другая версия, объясняющая появление книги Спифама, версия, которую я бы назвал “романтической”.

Жерар де Нерваль включил рассказ о Спифаме, написанный в 1838 г. в свою книгу об “Иллюминах” — иллюминатах, прорицателях. По не вполне понятной

---

¹⁸² *Secousse F.* Notice d’une livre singulier et rare intitulé Dicaerchie // Histoire de l’academie Royale des Inscriptions et Belles-Letters. 1756. P. 271–277.

¹⁸³ *Catherinot N.* Le Prest gratuit. Bourges, 1679.

¹⁸⁴ *Auffray J.* Vues d’un politique du XVIe siècle sur la législation de son temps, également propres a réformer celle de nos jours. Amsterdam, 1775.

¹⁸⁵ *Jeanclous Y.* Les projets de réforme judiciaire de Raoul Spifame. Genève, 1977.

¹⁸⁶ *Heller H.* Labour, science and technology in France, 1500–1620. Cambridge, 1998. P. 69–73.

причине он придумал версию об удивительном физическом сходстве короля и адвоката. Увидев короля, явившегося в Парламент, несчастный адвокат заболел манией величия и стал отождествлять себя с монархом. Попав в сумасшедший дом (Бисетр — заведение тюремного типа для буйно-помешанных, аналог английского Бедлама), Спифам и его сокамерник фабриковали листки с ордонансами от имени короля и выбрасывали их на улицу¹⁸⁷. Версия о физическом сходстве Спифама с Генрихом II, плод буйной фантазии художника-романтика¹⁸⁸, оказалась настолько привлекательной, что была некритически воспринята в ряде сугубо научных трудов¹⁸⁹. Эрнст Нис взял этот тезис под сомнение, указав на явную разницу в возрасте (Генрих II был на двадцать лет младше Рауля Спифама). Однако его работа содержит элементы этой “романтической” версии. Безумный мечтатель, намного опередивший свое время, но ненавидимый своей средой. Недаром он назвал Спифама “якобинцем до якобинцев” (*jacobin avant lettre*)¹⁹⁰. Еще хлестче сформулировал ту же мысль Жюль Маторе: “Радикал-социалист времен Генриха II”¹⁹¹. Даже в новейшей работе начинающей исследовательницы Оливии Карпи-Майи, Рауль Спифам был назван утопистом, страдающим манией величия и манией преследования.

Однако никто из писавших о Спифаме не попытался проанализировать всю его книгу, соединив этот анализ с изучением комплекса нотариальных и судебных документов, имеющих к нему отношение. Но только так можно ответить на вопросы, остающиеся пока без ответа: почему Спифам написал свое сочинение, почему Парламент прореагировал на нее так бурно, почему он, тем не менее, не уничтожил смутьяна и, наконец, каким образом простому адвокату удалось предвидеть будущее французского законодательства — от тех эдиктов, которые

---

¹⁸⁷ *Nerval G. de. Le roi de Bicêtre (XVIe siècle): Raoul Spifame //* Hувres. Paris, 1958. P. 82–97.

¹⁸⁸ К тому времени писатель уже страдал психическим расстройством, которое через несколько лет приведет его к самоубийству. Кстати, впав в безумие, Нерваль отождествлял себя с королем Франции.

¹⁸⁹ *Lhuillier Th. Un seigneur des Granges-près-Melun, au XVI siècle // Bulletin de la société d'archéologie, sciences, lettres et arts du département de Seine-et-Marne. Meaux, 1878. Vol. 82; Moulin H. Portraits judiciaires: Jacques et Raoul Spifame. Paris, 1884. Но эта версия присутствует и в таком сравнительно новом издании, как Dictionnaire des lettres français. Paris, 1961.*

¹⁹⁰ *Nys E. Raoul Spifame: Avocat au Parlement de Paris // Revue de droit international et de législations comparée. 1890. T. 22. P. 481–519.*

¹⁹¹ *Mathorez J. Un radical socialiste sous Henri II: Raoul Spifame // Revue politique et parlementaire 1914. T. LXXIX. P. 538–559.*

будут изданы буквально через год-другой после публикации “Дикаэрхии” до тех, которые появятся в эпоху короля-солнце, канцлера Мопу или даже тех предложений, что войдут в кодекс Наполена?

К сожалению, несмотря на наличие некоторых гипотез по этому поводу, мы не можем осуществить в данный момент полноценное исследование этой интереснейшей проблемы. Это сильно увело бы нас в сторону от главной темы исследования — реконструкции французского общества на основе нотариальных актов. Надеюсь, что такая работа будет осуществлена в недалеком будущем.

Сейчас же мы ограничимся некоторыми соображениями.

Обратим внимание на то, что вне зависимости от оценки личности Спифама и его творчества, почти все, кто обращается к переживаемой им коллизии, пишут о жизненном поражении Спифама, не сомневаясь ни в некоторой его неадекватности, ни в плачевном для него исходе конфликта. Удивление лишь вызывают лишь “прозорливые догадки” помешанного адвоката и сравнительно мягкое с ним обращение.

И, действительно, если мы взглянем на эту коллизию с высоты птичьего полета, с высоты наших знаний о макроисторических социальных и политических процессах в обществе, трудно будет придти к каким-либо иным выводам. Рауль Спифам то ли в силу личных качеств (“патология характера”), то ли в силу своих убеждений и представлений, а, скорее всего, в силу обеих причин вошел в конфликт со своими преуспевающими родственниками и с их социальным окружением. Он обречен по нижеследующим причинам.

Рауль так и остался адвокатом Парламента, то есть так и не стал обладателем королевской должности. Адвокаты — потенциальные “исторические неудачники”, в XVI столетии они породили плеяду талантливых мыслителей (даже если не относить к ним самого Рауля, то достаточно указать имена Шарля Дюмулена, Жана Бодена и Франсуа Отмана), в этот период адвокаты могли еще надеяться на неплохую карьеру, и некоторые историки, как мы помним из историографического раздела, рассматривают социальные коллизии времен Религиозных войн как попытку адвокатов пробиться в ряды социальной элиты¹⁹². В XVII в. звание адвоката деградирует, путь “наверх” ему заказан, он становится ближе к “крапивному семени” — сутяга, лишенный иных амбиций, кроме мелкого стяжательства.

---

¹⁹² *Barnavi E. Le Pari de Dieu ...; Лозинский А. А. Генеральный совет Лиги...*

Родственники Рауля Спифама, братья и племянники, были людьми преуспевающими. Они были прекрасно интегрированы в мир высшей юстиции, финансов, в административный аппарат, в ряды высшего духовенства. Покушаясь на них, обвиняя их в хищениях и махинациях, намекая на их несоответствие высоким должностям и на потворство со стороны высших должностных лиц, Рауль замахивался на святая святых — круговую поруку высших судебных и финансовых чиновников и уже потому был лишен шансов на успех.

Кроме того, вступив в конфликт с Парижским Парламентом, нападая на отдельных его советников и даже президентов, на целые группы (приставы, адвокаты, прокуроры), утверждая, что Парламент не справляется со своими обязанностями и нуждается в кардинальном реформировании, Рауль Спифам делал своим противником мощную привилегированную корпорацию, средоточие королевского правосудия, эманацию королевской власти. Не говоря уже о том, что, самовольно присвоив себе королевское имя, он мог быть уличен в тягчайшем преступлении *Lize-majesté*. Таким образом, конфликт из социальной плоскости грозил перейти в плоскость политическую.

Он должен был быть неминуемо раздавлен бюрократической машиной французского абсолютизма. Отсюда и мания величия, и мания преследования. Но, учитывая суровые реалии эпохи, ему еще очень повезло в том, что его сочли сумасшедшим. А, может быть, это была всего лишь маска, способ самозащиты? На эту возможность, кстати, также намекают некоторые исследователи¹⁹³.

Подобное видение диктует логику описания судьбы Рауля Спифама и его сочинения, как то ли отчаянную, то ли смешную попытку бунта одиночки, инакомыслящего стародума-утописта против железной поступи социально-политических процессов. Это же видение не вызывает сомнений в закономерности поражения Рауля. С этой точки зрения, подобный казус может представлять интерес как иллюстрация некоторых особенностей утверждения французского абсолютизма.

Однако не следует забывать, что в данной главе мы пытаемся действовать в рамках микроисторического подхода. А он предписывает строить изыскания, имея целью не описания крупномасштабных исторических явлений и длительных процессов, а реконструкцию интересов, ценностей и жизненных стратегий действующих субъектов истории. Это открывает возможности иного

---

¹⁹³ *Heller H. Op. cit. P. 70; Jeanclos Y. Op. cit. P. 9.*

прочтения данной коллизии и иных оценок. Если в первом случае контекстом является история государственных учреждений, политическая история XVI столетия, то во втором — история семьи Спифамов, судьбы наследников основных участников конфликта, судебные действия, предпринимаемые сторонами, документы, возникающие в результате этих действий и ответные реакции на них.

Ведь мы, в отличие от всех остальных, кто, так или иначе, занимался Спифамом, уже ознакомились с подборкой его документов личного происхождения. Характерно, что даже те из историков, кто являлся убежденным сторонником Спифама, отмечали, что, наряду с дельными предложениями, в сборнике содержатся какие-то нелепые документы, порожденные нездоровой фантазией автора. Это и были “королевские” акты, относящиеся непосредственно к нашему адвокату. Таких актов в общей сложности десяток. В одном случае мы имеем дело с чистым вымыслом: в указе № 19 король учреждает особую Диктаторскую печать, хранителем коей назначает Рауля Спифама. В основу остальных указов положены вполне аутентичные документы, иногда приводимые в качестве приложений к королевским указам в виде “justificatives”, а иногда лишь пересказываемые в них. В тех случаях, когда удается отыскать прототип такого документа из “Дикаэрхии”, убеждаешься, что Спифам старался точно передавать их содержание¹⁹⁴. Таким образом, фантастическая книга является вполне надежным источником информации о его личных делах. Перечислю такие “указы”:

**Номер,
стр.**

Прилагаемые или упоминаемые документы, указы

№19,
f. 139v

Указ №19 об исполнении законов. Ввести особую диктаторскую печать. Назначить хранителем этой печати (“диктатором”) Рауля Спифама, секретарем ведомства диктаторской печати — Жана Дютье, бывшего королевского секретаря, типографом ведомства Диктаторской печати — Жана Лесколье, парижского типографа.

---

¹⁹⁴ Так, мне удалось отыскать нотариальную минуту акта 3 декабря 1555 г., посвященную договору между Спифамами и представителями монастыря Сен-Сир (МС. VIII. 22. Dicaerchiaie... f. 135, и выписку из регистров парламента от 5 мая 1554 г. относительно установления опеки над Раулем (XIA. 1579. f. 583. Dicaerchiaie... f. 130).

- №100, Договор раздела наследства между Раулем и Гайаром от 16 марта
f. 126v 1528 г.
- f. 128v Выписка из регистров Квадратной Башни (обвинение Гайара
Спифама) от 30 мая 1535 г.
- f. 130 Выписка из регистров Парламента (опека над Раулем Спифамом и
помещение его в Консьержери) от 5 мая 1554 г.
- f. 130v. Протокол пристава Давида о вручении Спифаму запрета являться в
Парламент, ответ Спифама. от 10 июля 1554 г.
- f. 133v. Королевское письмо Парламенту о снятии опеки и отзыве дела в
королевский суд от 10 июня 1555 г. (Фонтенбло)
- f. 134v. Королевское письмо Парламенту об эвокации имущественных исков
Спифама от 13 июня 1555 г. (Фонтенбло)
- f. 135 v. Королевское письмо Парламенту (в ответ на жалобу Изабо Спинолы)
предписывающее комиссару Жанно не наносить ущерба подопечному
имуществу от 8 мая 1555 г.(Фонтенбло)
- f. 136v. Свидетельство сержанта Шатле о предъявлении королевских писем
комиссару Жанно от 11 мая 1555 г.
- f. 136v. Свидетельство сержанта Шатле о предъявлении королевских писем
комиссару Жанно и 8-ми арендаторам Спифама от 15 мая 1555 г.
- f. 138 Свидетельство сержанта Жана Кромери о выплате Жерменом Жанно,
заключенным в тюрьму по иску Рауля Спифама, денег, полученных с
8-ми арендаторов Спифама, и о передаче ему этой суммы,
ознакомление Жанно с постановлением об эвокации его дела в
королевский суд в соответствии с письмом от 13 июня 1555 г. 4 июля
1555 г.
- f. 139v. Свидетельство из регистра тюрьмы Большого Шатле о заключении
Жермена Жанно сержантом Жаном Кромери.
- f. 139v. Нотариальный акт договора о выполнении судебного решения,
заключенного от имени семьи Спифамов Жаком Спифамом,
епископом Неверрским, с представителями монастыря Сен-Сир от 3
декабря 1555 г.
- f. 142 Указ №100. Изложение финансовых преступлений Гайара и его
родственников, справедливых претензий Рауля и клеветнических
обвинений, выдвинутых против него с целью сокрытия махинаций.
Требование продолжить выплату компенсации наследниками Гайара,

аннулирование сделки епископа Неверрского с монахинями Сен-Сира, переход права первородства к Раулю Спифаму; переход сеньорий Пасси и Биссо к нему же в виде компенсации за имущество, отсуженное монахинями. Аннулирование дарений, сделанных епископом Неверским советнику Жану Спифаму, как незаконных. Приказ об аресте всех виновных в сокрытии сумм, похищенных Гайаром, и о проведении расследования.

- f. 148v. Указ № 101. Признать права Рауля Спифама на дом по улице Саль-де-Конт, принадлежащий ранее Гайару Спифаму и переданный Мишелю Шампрону, второму мужу вдовы Гайара.
- № 102,
f. 149v. Указ № 102. Удовлетворить просьбу Рауля Спифама об отводе судей и назначении особого королевского комиссара по срочному расследованию его дел. Аннулировать все предпринятое против него криминальным лейтенантом Жаном Монье (племянником Спифама и его должником), наказать лейтенанта за злоупотребление служебным положением. *Упомянуты королевские письма от 12 и 13 июня 1555 г., адресованные криминальному лейтенанту.*
- № 186,
f. 246 Указ № 186. Удовлетворить апелляцию Спифама на решения палаты вакансий Парламента, запретившую ему печатать свои поэтические произведения и труды по правоведению. Принять во внимание, что Спифам имеет докторские степени на трех факультетах и, согласно привилегиям “прославленных университетов”, имеет право чтения лекций в публичных школах, чем он и занимался на протяжении 35 лет.
- 184 (193),
f. 254v. Указ № 184(193). Передать дела по отводу Спифамом судей Парламента, лейтенантов и советников Шатле в суд Архигенералов юстиции¹⁹⁵. Обеспечить краткое арбитражное решение споров, чтобы Спифам не был бы полностью занят ведением тяжб и смог бы больше сделать во имя и к выгоде общего блага, и по воле Государя, поскольку Спифам является старейшиной адвокатов Парламента и может выступать заместителем (substitut) генерального прокурора.
- № 199,
f. 261 Указ № 199. *Упомянуты королевские письма от 10 и 13 июня 1555 г.; постановление об аресте Спифама парижским прево и его*

---

¹⁹⁵ Особый арбитражный орган, “созданный” указами “Дикаэрхии”.

криминальным лейтенантом от 6 июля 1555 г. и запрещение продолжать процесс против комиссара Жанно. За злостное нарушение королевской воли и препятствие в осуществлении правосудия лишить лейтенантов Шатле и советников, виновных в этом нарушении, их должностей. Назначить временно исполняющими их обязанности адвокатов из числа старейших. Вернуть комиссара Жанно в тюрьму, освободить из тюрьмы Рауля Спифама и помогавшего ему сержанта Жана Кромери.

- № 200,
f. 263v. Протокол пристава Давида об ознакомлении Спифама с постановлениями Парламента от 3 июля и 23 декабря 1555 г. и 12 июня 1556 г. Ответ Спифама о клеветническом характере этих постановлений, идущих вразрез с волей короля и с нарушением процессуальных норм.
- f. 264 Указ № 200. *Упомянуты письма об эвокации дела Спифама от 10 июня 1555 г. (Фонтенбло), постановление парламента от 13 августа 1555 г. и ... декабря того же года, о снятии опеки со Спифама и скандальное постановление от 12 июня 1556.* Ввиду того, что эти постановления вынесены с вопиющим нарушением процессуальных норм, президенты и советники, выносившие это решение, будут лишены должностей. Назначить исполняющими их обязанности адвокатов на половинном жаловании, а вторую половину распределить между воинами гарнизонов крепостей в Пикардии, Шампани и городе Мариенбурге.
- № 216,
f. 280v. Указ № 216. В связи с незаконным освобождением из-под стражи Франсуа Тевено, похитителя Жанны Спифам, дочери Рауля, незамедлительно судить Тевено, а генерального прокурора Парламента Ноэля Брюлара, при пособничестве которого был освобожден Тевено, приговорить к возмещению судебных издержек. Отстранить его от занимаемой должности вплоть до возмещения убытков Спифаму. Назначить исполняющим его обязанности советника Луи Мартино.
- № 252,
f. 310v. Указ № 252. В связи иском вдовы каменщика Гильома Бодена, поддержанным Раулем Спифамом, против ювелира Клода Марселя, обвиняемого в убийстве и с отводом Спифамом судей Парламента — Жилия Ле Местра и Дени Рияна, как родственников обвиняемого,

государь приказал завершить уголовный процесс против Клода Марсея, поместив его в тюрьму.

№ 300, f. 370   Указ № 300. Король принимает во внимание рвение и преданность общественному благу, проявляемую Раулем Спифамом и все беды, вызванные ложным обвинением в помутнении рассудка и чувств со стороны врагов общественного блага и, в особенности, со стороны его родственников и свойственников. Спифам отказывается от всяких родственных уз, поскольку единственным ближним, проявившим милосердие к нему и к его семье является король, и впредь Спифам будет служить ему как сын, усыновленный по процедуре отдачи под покровительство (*par civil arrogation*). Король освобождает Спифама от какой бы то ни было юрисдикции, кроме своей личной.

Собственно, фантастическими в этой подборке оказываются первый и последний акты, все остальное присочинено лишь отчасти. Указы, относящиеся к самому Спифаму, напоминают стандартную подборку документов, хранящуюся в мешках прокурора: копии судебных решений, копии нотариальных актов, повестки вызова в суд, свидетельства об ознакомлении и пр.

И этой информации достаточно, чтобы понять, что Рауль воспроизводит обычную стратегию судебной защиты, идентичную той, с которой мы уже знакомы по актам Николя Леклерка, Филиппа Кавелье и Шарля Дюмулена. Эта стратегия сводилась к изложению обстоятельств дела, естественно, в той версии, которая была выгодна данной стороне; к созданию собственного благоприятного имиджа; к дезавуированию обвинений путем подачи встречных исков и выявления корыстных побуждений со стороны обвинителей и свидетелей; к переносу дела в другой суд, вплоть до прямой апелляции королю с целью получения помилования.

Но вместо одних только судебных документов наш адвокат задействовал еще такой необычный ресурс как свою “самиздатовскую” книгу. В ней, помимо различного рода соображений о реформировании дел в королевстве, Спифам — излагает существо своих тяжб, приводя для этого выдержки из старых нотариальных актов и судебных протоколов;

—с успехом конструирует образ Рауля Спифама, шевалье, доктора обоих прав, старейшего из адвокатов, бескорыстного борца за общее благо, персоны,

чрезвычайно важной для короля. Он ненавязчиво использует для этого свои приводимые копии протоколов, немного проливая свет на причины столь удивительной для нас, казалось бы, нефункциональной пафосности некоторых актов (Кавелье, Дюмулена, Леклерка) Так, протокол пристава, предъявившего Спифаму запрет появляться в Парламенте, опубликован в виде приложения к указу № 100, и возможно, впрочем, в несколько приукрашенном Спифамом виде. Трудно удержаться, чтобы не процитировать его начало. Спифама пристав *“нашел в одиночестве в кабинете своего дома..., каковой ответил, что уединение и бегство от мира не претит ему, поскольку он стремился к этому всю жизнь, и находит в нем величайшее удовольствие и духовную пользу, которая стоит куда больше, чем посещение компаний стряпчих, разменивающих свой дух на суетное крюкотворство”*¹⁹⁶. Под этими словами вполне мог бы подписаться и Дюмулен. Они со Спифамом, несмотря на образованность и хорошее происхождение, так и остались всего лишь адвокатами. Они были неумелыми практиками, и не стыдились этого, рассматривая себя прежде всего служителями общего блага, уединенными учеными отшельниками, взвалившими на себя гигантскую ношу — прокомментировать заново все кутюмы в духе римского права или же реформировать все правосудие и церковь в королевстве. Откуда и проистекает подчеркнутая публичность их, с виду сугубо частных, актов. Борьба против личных врагов обретает универсальное измерение;

—далее Спифам вскрывает низменные мотивы своих противников, повествуя о чудовищном казнокрадстве Гайара со товарищи, приведшем к “национальной катастрофе”, гибели армии маршала Лотрека и безвозвратной потере Неаполитанского королевства, о махинациях наследников Гайара, доказавших казне, что покойный не оставил почти никакого имущества, подлежащего конфискации (что не помешало им самим оставаться очень богатыми людьми и приобрести дорогие королевские должности), о попустительстве этому со стороны многих парламентских советников, о кознях, чинимых Раулю в его отстаивании своих и общественных прав;

—говорит о переносе дела из Парламента и Шатле в Королевский совет, а в конечном счете на личный суд короля, на его высшую милость.

Но Рауль Спифам как человек, выделявшийся даже на пестром фоне прочих действующих лиц данной главы, этим не ограничивается, а постоянно

---

¹⁹⁶ *Spifame R. Dicaerchiaie... F. f. 130 v.*

расширяет концентрические круги своих рассуждений. У него есть основания намекать на светский образ жизни своего брата-епископа и на симпатии его к женеви́ским реформаторам¹⁹⁷. И Рауль посвящает добрую дюжину “королевских постановлений” ужесточению контроля над нравами духовенства, необходимости их постоянного пребывания в своих приходах, требованию конфискации имущества перебежчиков. Адвокат пострадал от необъективности судей и создает в своих вымышленных указах сложную, но весьма строгую рациональную систему недопущения “кумовства” при отправлении правосудия. Он возмущен махинациями своих родственников и посвящает вопросам финансовой дисциплины ряд постановлений, где филиппики и упоминания конкретных примеров перемежаются с разработкой систем мер финансового контроля и перекрытия основных каналов “отмывания” ворованных денег.

У Спифама есть немало претензий к судебной процедуре, и он реформирует ее в духе общих королевских ордонансов. Он надеется на правосудие короля, на защиту им своего верного слуги Рауля Спифама и для этого не просто сочиняет королевские указы о защите Рауля от клеветников, но и создает особый институт. “Гвоздем” его сочинения и, видимо, давно вынашиваемой идеей, было введение “Большой диктаторской печати” (ее описание представляет особый интерес для сигиллографии). Эта печать является “*живым образом короля*”: указы, запечатанные ею, должны незамедлительно приниматься к исполнению, как если бы они были приняты во время “*Lit de justice*”, а ослушники немедленно обвиняются в “оскорблении величества”. Спифам устами Генриха II раскрывает необходимость принятия такого рода мер, поскольку исполнение королевских указов порой недопустимо затягивается во время их регистрации в Парламентах путем ремонстраций, подачи апелляций и исков, что наносит непоправимый ущерб общему благу, особенно в военное время. От сопротивления, саботажа со стороны судебных корпораций и, в первую очередь, Парламента страдали не только Франциск I и Генрих II (а позже их преемники), но и Рауль Спифам, что совершенно очевидно из приводимых им документов.

Так, решая собственные проблемы, Спифам органично переходит к исправлению недостатков во всем королевстве. Он внимателен даже к мелочам — указы о содержании городов в чистоте дополняются комплексом мер против бродячих собак. Он озабочен мерами по укреплению институтов семьи и брака,

---

¹⁹⁷ Тем более, что Жером Спифам входил в окружение короля Наваррского.

он стремится расширить права женщин, предлагает сократить число праздничных нерабочих дней, позаботиться о воинах, распускаемых на мирное время. Он оговаривает новые правила управления университетами, делая шаги по их огосударствлению. Избыточное число церковных колоколов надлежит переплавить на мелкую монету, а в приграничных районах — на пушки. Бродяг, здоровых нищих, должников из долговых ям следует отправлять на принудительные работы (в “*общественное рабство*”). Каждый день команда из двенадцати музыкантов должна играть во время начала и конца судебных заседаний, что способствует развитию музыкальных талантов с одной стороны и прославлению правосудия, с другой. Знаки траура следует вообще отменить, но для прославления героев, во имя общего блага павших на поле брани, надо создавать особые пантеоны, где их будут чтить на манер того, как почитают святых. Год надо начинать с первого января, а не по Пасхе. Публичные женщины должны будут в обязательном порядке проходить медицинское освидетельствование на предмет венерических заболеваний, а нарушительницы будут обвинены в покушении на убийство. Судебный округ Парижского Парламента следует сократить и создать новые парламенты в Лионе и Пуатье, а также основать Парламенты во вновь присоединенных областях. Придворный историограф и придворный поэт должны вести хронику деяний королевства (с жалованием, равным жалованию советника Парламента), им же разрешено присутствовать и иметь голос на заседании судебных курий. Команда из подготовленных специалистов должна будет заниматься архивными изысканиями для выявления исторических прецедентов и феодальных прав, способствующих укреплению влияния христианнейшего короля в сопредельных королевствах. Причем за каждым специалистом закрепляется особый “сектор ответственности”.

Эти и многие другие меры Спифам не просто декларирует устами короля в своем объемном труде, но и указывает конкретные пути и сроки реализации, иногда определяет ответственных и почти всегда распоряжается о способах финансирования данного нововведения. При этом он зачастую предвосхищает реальные мероприятия королевской власти. На год-два (как в случае с законом против тайных браков и против сокрытия беременности), на пять-десять лет (как в случае с календарной реформой), на десятилетия (как в случае со строительством Нового моста и разделом компетенции парижских квартальных комиссаров), на сто лет, предугадывая реформы Кольбера и короля-солнце, на

двести, опережая реформы Мопу. Кое что из его мер будет претворено в жизнь якобинцами и Наполеоном, что-то (как, например, возведение мемориалов павшим воинам) осуществится лишь в XX веке. Но строительным материалом для воображаемых миров служит современное Спифаму королевское законодательство. Рауль превосходно знал законы Генриха II и его предшественников; скорее всего, у него были связи в королевской канцелярии и до него доходила информация о “законодательной кухне”. Чаше он отталкивается от неких, уже имевших место королевских мероприятий, и, руководствуясь неплохой эрудицией, здравым смыслом и интуицией, доводит эту мысль до некоего завершения. Иногда портрет короля-законотворца получается шаржированный, почти пародийный, но чаще всего Раулю удается распознать “зримые черты будущего”, построить свой альтернативный вариант развития французской государственности (как если бы не было исторического зигзага Религиозных войн). Поэтому “нормальное исключение” сочинения Спифама оказывается чрезвычайно полезным для понимания “духа законов” раннего французского абсолютизма.

Но вернемся к судьбе самого Спифама. На что он надеялся, предпринимая эту, казалось бы, роковую в своей безнадежности попытку защититься от грозных противников своими воображаемыми мирами? Не было ли в этом чего-то от его младшего современника — Дон-Кихота?

Скорее всего, Рауль, как и его современник Шарль Дюмулен, был неважным адвокатом-практиком, он хорошо знал законы и слишком уважительно к ним относился, чтобы с легкостью находить в них лазейки. Видимо, этим и объясняется пренебрежительное отношение к коллегам-адвокатам, проскальзывающее в его сочинении. Но в данном случае, он выбрал, пожалуй, единственно верный путь защиты. Он не просто проделал весь перечисленный выше обычный набор судебных действий. Он придал им небывало широкую огласку. Если бы не это, с адвокатом расправились бы без особых трудностей. Но теперь он стал важным свидетелем обвинения в тяжких преступлениях против короля. Поэтому против Спифама и применили тактику констатации неменяемости и помещения под опеку. Этот способ был весьма хлопотным, но только он мог полностью дезавуировать опасные откровения адвоката. Но этой версии Парламента поверили далеко не все.

Спифам вовсе не был так одинок, как может показаться. У него были “свои люди в Париже”: каменщик, который погиб за него, его клерки, сержанты и

приставы (недаром курия всегда старается запретить приставам общаться с этим адвокатом). Раулю принадлежало с десяток домов в Париже, а, как мы помним по актам адвоката Жана Пилера, между хозяином и квартиросъемщиками устанавливались особые отношения близости. Он находил типографов, которые рисковали работать по его заказам, несмотря на санкции (одного из них он отблагодарил тем, что назначил на должность типографа Диктаторской печати). Вероятно, Рауль мог рассчитывать на помощь со стороны клана Спинола. Родственники второй жены Спифама были людьми достаточно богатыми и обладавшими связями в мире финансов. Во всяком случае, сама Изабо Спинола оказалась преданным сотрудником мужа, распространяла его “самиздатовские” сочинения и небезуспешно защищала семейное добро (ведь это она отправила комиссара Жанно за решетку). Кто-то симпатизировал Раулю в среде парижского духовенства, благодаря чему, казалось, окончательно скомпрометированному адвокату удастся добиться важного для себя решения парижского официала.

Но мы можем сказать и больше, если не в ближайшем окружении короля, то во всяком случае, в его Тайном Совете (*conseil privé*) нашлись люди, прислушавшиеся к его призывам. Ведь именно оттуда приходили письма об эвокации его процессов. Благодаря предусмотрительности Спифама, опубликовавшего эти письма, мы можем догадаться о том, кто был его покровителем: от имени короля их подписывал Жан Дютье. Ему же Спифам в указе № 19 уготовил большую честь, отведя второе после себя место в судебной иерархии, назначив секретарем ведомства Диктаторской печати.

Жан Дютье, секретарь “по особым поручениям”, был фигурой весьма важной. Он выполнял обязанности одного из четырех статс-секретарей (прообразов будущих министров). Дютье был известен как меценат и покровитель поэтов. Но, думается, что он ценил в Спифаме не только и не столько его поэтический дар. Именно Жан Дютье “отвечал” за итальянское направление королевской политики. А это помимо сбора информации и организации дипломатического обеспечения Итальянских войн, требовало поистине титанических усилий по их финансированию. Он вел сложнейшие переговоры с банкирами, старался распространять бумаги новых займов, изыскивал новые статьи доходов¹⁹⁸. Середина 50-х годов была особенно

---

¹⁹⁸ Малов В. Н. Новое о коллекции Ламуаньона: Итоги каталогизации // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки. СПб., 2001. С. 267–274.

тяжелым временем: война вступила в кульминационную фазу, денег не хватало. Заботливо организованные “партии” (компании кредиторов короля) находились на грани банкротства. Содержание одного лишь указа № 100 “Дикаэрхии” не могло не заинтересовать Дютье. Ведь речь шла о сокрытии крупной суммы денег, столь недостающих именно сейчас. В 1520-х годах казнокрадство погубило армию Лотрека и лишило Францию надежд на возврат Неаполитанского королевства. Не пора ли взыскать украденное и спасти армию Гиза и владения французов, и их союзников в Италии сейчас, в 1556 г.? Помимо общих весьма ценных рассуждений о наведении порядка в финансовой сфере, Рауль называл конкретных лиц, у которых можно было конфисковать имущество, конкретных чиновников, должности которых можно было также конфисковать, а потом продать их другим желающим, ведь подобное стремление и являлось одной из важнейших мотиваций королевских нововведений, градом сыпавшихся на страну в первой половине 50-х годов. Те, кто попал на страницы сочинения Спифама, имели все основания любой ценой попытаться изолировать адвоката, лишить его возможности появляться в публичных местах и, главное, что-либо писать и распространять написанное.

Знал ли король о буйном адвокате, как предположил Жерар де Нерваль? Во всяком случае, о нем знали те, кто готовил важные решения. Кстати, почему бы не предположить, что в королевской канцелярии взяли на вооружение некоторые из предложений Спифама? Или же, напротив того, что Спифам был знаком с людьми, ведавшими подготовкой законов, и потому “предвосхитил” некоторые из уже готовившихся документов? Так, например, Спифам публикует указ, посвященной хорошо нам знакомой по актам Дюмонта проблеме переноса кладбищ за городскую черту за счет муниципалитета.

Как бы то ни было, поддержка Спифаму была оказана, и помощь пришла из королевского совета, от инстанции, на которую и надеялся адвокат.

Непонятно, почему никто из писавших о Спифаме, не обратил внимание на более позднее свидетельство регистров Парламента. 19 октября 1558 г. палата вакансий Парламента зарегистрировала (“энтинерировала”), наконец, пресловутое королевское распоряжение от 10 июня 1555 г., подписанное Дютье, которое полностью снимало опеку со Спифама. В регистре упоминаются и постановление 1 марта 1553 г. об эвокации дела Спифама на суд короля, и позднейшее решение канцелярии 13 мая 1557 г. Впрочем, советники палаты вакансий добавили свою ложку дегтя к триумфу Рауля: опека над личностью и

имуществом Спифама снималась и он мог вести судебные процессы, однако во исполнение предыдущих постановлений Парламента ему напоминалось о запрещении предпринимать юридические действия без совета и обсуждения с двумя-тремя наиболее учеными и наиболее видными адвокатами¹⁹⁹. Но разве это сравнится с жесткостью прошлых предписаний! Ведь даже не оговаривалось, кто выбирает этих советчиков, и, следовательно, они вовсе не должны принадлежать к числу определенных Парламентом “друзей” Спифама (то есть его злейших врагов, по его собственному выражению).

Может быть, это была и не полная победа. Но все же решение о вменяемости Спифама было официально зарегистрировано в курии, в тех самых регистрах, которые пять лет подряд настаивали на его полном помутнении рассудка. Это означало, что свидетельства и обвинения Спифама могут иметь силу. Кстати, с той поры он вновь появляется в нотариальных конторах как вполне самостоятельный участник сделок²⁰⁰.

Теперь мы можем по-новому взглянуть на ранее известные факты. 19 октября 1558 г. с Рауля снята опека, а 12 марта 1559 г. Жак Спифам бежит в Женеву, прихватив свою тайную супругу и двоих детей. Примерно за полгода до побега он развернул лихорадочную деятельность, улаживая при посредстве нотариусов свои многочисленные дела²⁰¹. Возможно, чувства оказались сильнее долга. Возможно, епископ обратился, наконец, к “истинной религии”. Но одна из весьма вероятных причин кроется в успехах Рауля. Король заключил Като-Камбрезийский мир, по сути, проиграв Итальянские войны из-за нехватки финансов. Он твердо решил наказать виновных и навести порядок в стране: покончить с казнокрадством, призвать к послушанию парламентариев, разоблачить тайных еретиков и тех, кто им потворствует. В серьезности намерений короля на своем опыте убедился злосчастный Анн Дюбур.

И на этом фоне Жак Спифам понимает, что показания Рауля получают теперь юридическую силу, и что делом Гайара вновь могут заинтересоваться в королевском совете. Уладив дела, он бежит в Женеву.

---

¹⁹⁹ XIA. 1589. f. 474.

²⁰⁰ Я разыскал его договор о сдаче в аренду двух комнат в одном из домов по улице Мариво. MS. VIII. 237 (07.12.1559).

²⁰¹ MS. VIII. 236, 237 passim.

Разве мог Жак предположить, что вскоре после его побега Генрих II погибнет по глупой случайности и что водоворот событий, предшествующий Религиозным войнам, сделает “дело Спифама” неактуальным?

Что касается Рауля, то его положение оставалось не таким плохим даже после смерти Генриха II. Вспомним, какой неуязвимой представлялась коалиция врагов Рауля в начале его судебной эпопеи. Сейчас, в правление Франциска II, положение изменилось. Главный противник адвоката уже не епископ Неверрский, а переметнувшийся вероотступник и изменник. Племянник Рауль обвинен в хищениях и арестован²⁰². Близость племянника Жерома к Бурбонам не кажется столь уж большим козырем в условиях господства Лотарингского дома.

Последний раз имя Рауля Спифама появляется на страницах парламентского регистра 10 июня 1562 г. Начались Религиозные войны, и весь Парламент был приведен к присяге на верность католическому Символу веры. Среди 367 адвокатов явился и Рауль Спифам²⁰³. Интересно, надел ли он свою пресловутую алую мантию или на сей раз он был в черном, как все? Но, думается, что Рауль мог торжествовать, ведь придуманный им еще шесть лет назад королевский указ предвидел эту процедуру. Спифам умер в своем поместье Гранж в следующем, 1563 г.²⁰⁴, причем в отличие от враждебных ему братьев, он встретил смерть в своей постели.

Да и дети его преуспели немногим меньше, чем дети Гайара — Жан Спифам (первенец Изабо Спинолы) станет советником Палаты Вод и Лесов, а его младший брат Габриель реализует один из амбициозных планов своего отца (указ № 184) и будет исполнять обязанности генерального прокурора. Из нотариальных актов следует, что Религиозные войны не охладят пыл Спифамов. Дети Рауля будут продолжать судиться с детьми Гайара по поводу Сен-Сирского леса и сеньории Пасси и Биссон²⁰⁵. К давней вражде добавятся и религиозно-политические разногласия. Дети Рауля примкнут к Лиге, дети Гайара — к лагерю политиков. За кем будет победа? Возможно, с “птичьего

---

²⁰² *Carpi-Mailly O.* La famille de Spifame: Mmoire sous la direction de N. Lemaitre. 1993 (Manuscrit).

²⁰³ X1A. 1602. f. 382.

²⁰⁴ *Delmas A.* Gaillard, Jacques et Raoul Spifame: Etude d'une famille au XVIe siacle. Position des theses de l'Ecole des Chartes. Paris, 1943. P. 55–61.

²⁰⁵ MC. CV. 51 (08.04.1588).

полета”, с позиций “большой истории”, может показаться, что исторически победят последние. Но самое интересное, что в XVII в. спорные сеньории будут принадлежать все же потомкам Рауля²⁰⁶.

Не скрою, что намеренно столкнул оба подхода в рамках одного казуса, чтобы показать необходимость микроисторического погружения.

Выходит, что бороться против железной поступи исторических закономерностей и конструировать воображаемые миры – не такое уж и бесполезное занятие, как может показаться. Все дело в выборе ракурса исследования.

Краткие итоги анализа казусов.

Еще раз об условиях эксперимента. — Диагностика странностей. — Чем достигался эффект инновации?

Необходимо вернуться теперь к изначальному условию эксперимента, результаты которого изложены в данной главе. Мы не просто рассказывали об “интересных людях” (тогда эта часть книги, в лучшем случае, походила бы на сборник новелл, а в худшем — на телефонную книгу). В очередной раз не лишне будет напомнить, что мы изначально ничего или почти ничего не знали об этих людях, о том, насколько они интересны. Мы выбрали их только потому, что составленные ими дарения по тем или иным признакам выпадали из общего ряда. Сначала мы выстраивали эти типологические ряды, затем выделяли акты, из этого рядов вон выходящие. И только после начинали собирать сведения об авторах этих “странных” актов.

Справедливости ради надо отметить, что этот наш эксперимент удался не на все сто процентов. О некоторых из этих “белых ворон” я просто не успел собрать сведения, учитывая ограниченный срок моей работы в Национальных Архивах, но уже “навскидку” можно было констатировать личностную или биографическую неординарность авторов. Это:

1. Амбруаз Парэ, прославленный королевский хирург и единственный из моего списка, чье имя было мне известно еще до начала работы.
2. Перетта Туза, вдова пахаря из Шампани, оказавшаяся при этом сестрой парижского гуманиста, королевского лектора Жака Туза (или Туссена), чем и

---

²⁰⁶ *Gariel E.* La fin des Spifame: Le testament et les codicilles de Samuel Spifam (a paraître).

объясняется отнюдь не “крестьянский” характер дарения своим сыновьям-студентам.

3. Жан Оффруа, скромный сержант Парижского Шатле, который в достаточно экстравагантной форме одаривал судейских, стоящих намного выше его на иерархической лестнице.

4. Студент Пьер Венсан: из адресованных ему дарений следовало, что в число близких родственников и свойственников входило несколько крестьянских семей, парижские буржуа, сеньоры и адвокаты.

5. Жан Эннекен, советник Парламента, составивший несколько необычное дарение в адрес приюта Святой Троицы, чтобы охранить “Синих детей” от Лютеровой заразы. Следующее поколение этой семьи примет самое активное участие в организации Парижской Католической лиги.

Еще в шести случаях такая связь была вполне возможной, но мне не удалось ни доказать, ни опровергнуть ее из-за отсутствия источников. Это, например, казусы монетчика Ферри Ошкорна, приютившего молодую вдову на сносях, взявшего на себя заботу о воспитании ребенка и о преследовании убийц ее мужа, или дарителей, уже упомянутых в исследовании о старых и немощных, пекаря Кристофа Креспена и набожной Гильеметты Местрю, вдовы парижского буржуа, прокурора Пьера де Таверни, а также портного Пьера Перше и подмастерья каменщика Раулена Ле Жена.

И лишь в двух случаях результат был негативен. Мне удалось собрать дополнительную информацию о дарителях; причем в ней не было никакого объяснения фиксированной мной странности. Так, например, сеньор Дени Ле Ру и медик Жан Лестель открыто заявили в своих актах что дарения, полученные ими еще в ту пору, когда они были студентами, фиктивны, их подлинной целью было “заимствовать имя” студента, чтобы воспользоваться университетскими привилегиями. Но судить о причинах такого необычного поведения, выразившегося в излишней откровенности, на основе собранной биографической информации я не смог, они ничем особым не выделялись. Разве что посмертная опись имущества Жана Лестеля дает ему сомнительную славу самого бедного из парижских медиков второй половины XVI в. Впрочем, быть может, здесь, скорее, сказывается “нотариальное” влияние: оба акта хоть и составлены в разных конторах, но их нотариусы часто работали вместе.

В целом эксперимент подтвердил гипотезу о соответствии странности акта неким особым свойствам личности или особенностям биографической

ситуации. Причем надо отметить одно важное обстоятельство. Париж был мегаполисом своего времени с почти полумиллионным населением. Конечно, нотариальные конторы посещало лишь меньшинство парижан. Но, во всяком случае, их счет шел на тысячи, и за указанный период только в Шатле зарегистрировали свои акты свыше двух с половиной тысяч человек. Но наш мир авторов “девиантных” актов был до странного тесен, за исключением Кавелье и, возможно, Филона, они не просто принадлежали к одному кругу, но и лично были знакомы друг с другом.

Конечно, это не было случайностью. Большинство из них можно назвать интеллектуалами. Именно они имели больше возможностей сформулировать свои мысли, попытаться самим составить акт или настоять, чтобы были включены “авторские” формулировки. Но надо отметить, что в регистрах встречается много актов самых, что ни на есть “замечательных людей”, таких как сам Парижский прево Антуан Дюпра, Кристоф де Ту, президент Парламента, семья знаменитых бюрократов-гуманистов Роберте. Их дарения любопытны, но ничего неожиданного они не содержат. Понятно, что парижский прево Антуан Дюпра если и одаривает бедных перед смертью, то делает это необычайно щедро, на то он и был самым главным чиновником Парижа. Но даже и многочисленные акты Жака Спифама, зарегистрированные в Шатле, вполне заурядны, хотя можно представить, сколь внимательно я всматривался в дарения епископа Спифама, адресованные детям некоей Катрин де Гасперн, вдовы прокурора Шатле.

Наше исследование упиралось в возражение принципиального свойства: не было норм, в достаточной мере строгих, чтобы мы смогли диагностировать девиации. Они, таким образом, не формализованы и вряд ли формализуемы. И все же есть бесконечно субъективный, но вполне работающий критерий — удивление. Но оно должно было основываться на практическом опыте. Я уверен, что тренированный взор парижского нотариуса прекрасно различал среди своих клиентов людей смешных, чрезмерно взволнованных, неординарных.

Полагаю, что наша способность диагностики “странностей” зависит от однородности и протяженности типологического ряда. Чем однотипных актов больше, и чем они унифицированнее, тем большее число критериев сравнения, в том числе и социальных (что типично для крестьянина, то удивительно для магистрата). Парадоксальным образом нотариальная рутина помогала порой

выявлению индивидуальных особенностей. Впрочем, даже в самых уникальных случаях действующие лица не делали ничего подлинно оригинального и не совершали каких-то иррациональных поступков. Удивляющий нас эффект достигался употреблением различных клише, которые использовались обычно в ином контексте. Но подобное строительство из подручных материалов или, как говорят франкофонные исследователи, “бриколаж” (использование попавшихся под руку подручных средств), присуще отнюдь не только нотариальным актам, но и вообще всем текстам средневековой и ренессансной культуры, а, может быть, и современным памятникам, претендующим на инновации.